

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УЧЕБНИК

В.А. Томсинов

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В РОССИИ
В XVIII СТОЛЕТИИ

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Юридический факультет
Кафедра истории государства и права

В. А. Томсинов

ЮРИДИЧЕСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ
И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
В РОССИИ
В XVIII СТОЛЕТИИ

Учебное пособие

Издание второе, дополненное

Москва
Зерцало-М
2012

**ББК 67.3
T56**

Посвящается 300-летию
со дня рождения М.В. Ломоносова

T56 Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии: Учебное пособие. Издание второе, дополненное. М.: Зерцало-М, 2012. — 232 с.

ISBN 978-5-94373-210-2

В учебном пособии описывается, каким образом в России проходило становление системы подготовки юристов, основанной на изучении юридических наук и соответствующей потребностям современного государства. Процессы формирования системы юридического образования и основ научной юриспруденции — главная тема книги, но не единственная. В этих процессах огромную роль играла государственная власть. Богатейший документальный материал, приведенный в книге, показывает, какое большое значение придавали российские самодержцы поддержанию режима законности в обществе, совершенствованию законодательства, юридическому образованию и юриспруденции. В пособии дана картина преподавания юридических наук в Академическом университете в Санкт-Петербурге. Изложена история формирования и становления юридического факультета Московского университета.

Во введении к учебному пособию раскрываются понятие и сложный характер такого явления, как «юриспруденция».

Учебное пособие предназначается для студентов и преподавателей юридических вузов, изучающих и преподающих учебные курсы «Введение в специальность» и «История отечественного государства и права».

ISBN 978-5-94373-210-2

© Томсинов В. А., 2011

© Издательство «Зерцало», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
Глава 1. СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В КОНЦЕ XVII СТОЛЕТИЯ	12
§ 1. Характер законотворческой деятельности в России после издания Соборного уложения. «Новоуказные статьи».....	12
§ 2. Дьяки — русские законоискусники. Их деятельность и способы приобретения юридических знаний.....	19
§ 3. Проект создания в России в начале 80-х годов XVII века учебного заведения университетского типа. Привилегия Московской академии	25
Глава 2. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА	36
§ 1. Возрастание роли законодательства в политике самодержавной власти. Заботы Петра I о распространении знания законов в русском обществе	36

Оглавление

§ 2. Попытки систематизации российского законодательства в период правления Петра I и их значение для развития юриспруденции.....	43
§ 3. Попытки самодержавной власти создать систему подготовки законоведов на основе изучения научной юриспруденции. Петр I и Г. В. Лейбниц.....	58
§ 4. Учреждение Императорской Академии наук и Академического университета. План преподавания правоведения в университете	72
§ 5. Переводы сочинений западноевропейских правоведов на русский язык и их значение для формирования научной юриспруденции в России.....	76
§ 6. Трактат «Юриспруденция или правосудия производство».....	83
 Глава 3. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА	88
§ 1. Открытие Императорской Академии наук. Преподавание юридических наук в Академическом университете во второй половине 20-х – в 30-е годы XVIII века ...	88
§ 2. Преподавание юриспруденции в Академическом университете в 40-е годы XVIII века. Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон и его попытка научной обработки русского права с помощью исторического и доктринальского методов	97
§ 3. Обучение юриспруденции в Корпусе кадетов шляхетских детей.	

Оглавление

Попытки самодержавной власти побудить дворян изучать российские законы.....	111
§ 4. Василий Никитич Татищев как правовед, роль его трудов в формировании научной юриспруденции в России.....	117
§ 5. Частные собрания российских узаконений. «Книга Woselesow» Петра Елесова	123
§ 6. Попытки систематизации российского законодательства во второй четверти XVIII века и их значение для развития юриспруденции в России	126
Глава 4. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА	134
§ 1. Учреждение Императорского Московского университета. Юридический факультет Московского университета в 50–60-е годы XVIII века: период формирования	134
§ 2. Юридический факультет Московского университета в 70–90-е годы XVIII века: период становления	173
§ 3. Академический университет во второй половине XVIII века	186
§ 4. Обучение юриспруденции в Сухопутном кадетском корпусе, в Пажеском корпусе и в духовных училищах	202
§ 5. Идеи князя М. М. Щербатова о юридическом образовании	205
§ 6. Попытки систематизации российского законодательства во второй половине XVIII века и их значение для развития отечественной юриспруденции.	

Оглавление

«Наказ, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения»	211
§ 7. Частные собрания российских узаконений: «Словари юридические» Ф. Ланганса и М. Д. Чулкова, «Памятник из законов», собранный Ф. Д. Правиковым	223
Заключение	229

ВВЕДЕНИЕ

Восемнадцатый век — переходная эпоха в развитии русской правовой культуры. Это время становления в России новой системы подготовки юристов, соответствующей потребностям современного государства. В отличие от прежнего, безраздельно господствовавшего в течение предшествовавших веков способа обучения юридической деятельности путем погружения в практику делопроизводства и судопроизводства, главным содержанием новой системы подготовки к юридической профессии стало изучение юридических наук в специально созданных для этого учебных заведениях. Формирование системы юридического образования и основ научной юриспруденции — два взаимосвязанных процессы, определявших характер развития русской правовой культуры на протяжении всего указанного столетия.

* * *

Термин «юриспруденция» имеет древнеримское происхождение¹, однако явление, которое он обозначает, родилось задолго до возникновения Римского государства. Различные формы юриспруденции, соответствовавшие тем или иным уровням развития права, существовали еще в древневосточных странах III–II тысячелетий до н. э., хотя в языках, на которых говорило их население, этот факт не нашел своего отражения: в них так и

¹ В древнеримских правовых текстах данный термин писался как *«iuris prudentia»*, что в переводе на русский язык означает «знание права».

не сложилось специальных терминов для наименования данного явления.

В современной юридической литературе слово «юриспруденция» («*jurisprudence*» — на англ. и франц. языках, «*jurisprudenz*» — на немецком, «*giurisprudenza*» — на итальянском, «*jurisprudencia*» или «*jurispericia*» — на испанском языке) употребляется в различных смыслах. Нередко его применяют в качестве синонима термина «право»¹. Иногда оно используется для обозначения правовой мысли и правового сознания². Но чаще всего под юриспруденцией подразумевается юридическая наука

«*C'est la science du droit* (Это наука права)»³, — говорилось о юриспруденции (*jurisprudence*) в девятом томе «Всеобщего и толкового словаря юриспруденции гражданской, уголовной, канонической и бенефициальной», вышедшем в Париже в 1784 году. При этом пояснялось, что «под термином *Юриспруденция* понимаются также принципы, которым следуют по предмету права в каждой стране или в каждом трибунале... Юриспруденция имеет поэтому соответственно два предмета: один, который выступает как познание права, другой, который состоит в осуществлении его применения»⁴.

«Термин *юриспруденция* относится обыкновенно к науке или изучению права и сопровождает любое усилие определить, опи-

¹ Именно в этом значении употреблял термин «*jurisprudentia*» английский правовед Иеремей Бентам (*Jeremy Bentham*, 1748–1832), когда писал об «уголовной и гражданской юриспруденции (penal and civil jurisprudence)», «внутренней (internal)» и «международной (international)», «национальной» и «провинциальной» юриспруденции (*Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation / Edited by J. H. Burns and H. L. A. Hart. London, 1970. P. 293, 296, 297 и др.*).

² В указанном значении термин «*jurisprudence*» используется, например, в книгах: Азаркин Н. М. Всеобщая история юриспруденции. М., 2003; *Tubbs J. W. The Common Law Mind. Medieval and Early Modern Conceptions. Baltimore and London, 2000* и многих др.

³ *Répertoire universel et raisonné de jurisprudence civile, criminelle, canonique et bénéficiale; ouvrage de plusieurs ursconsultes. Tome neuvième. A Paris, M. DCC. LXXXIV. Col. 667.*

⁴ «*On entend aussi par le terme de Jurisprudence les principes qu'on suit en matière de droit dans chaque pays ou dans chaque tribunal... La jurisprudence a donc proprement deux objets: l'un qui est la connaissance du droit, l'autre qui consiste à en faire l'application»* (*Ibid.*).

сать или концептуализировать природу права»¹, — говорится в «Международной энциклопедии социальных наук».

В России понятие юриспруденции в XVIII–XIX веках обозначалось терминами «законоискусство», «законоведение», «правоучение», «правоведение», «правомудрие». При этом под *законоискусством* понималась, как правило, практическая юриспруденция. «Законоискусство есть верное применение поступков гражданина к законам»², — писал И. М. Наумов. З. А. Горюшкин употреблял в своих трудах наряду с термином «законоискусство» также выражение «законоискусственная наука», имея в виду некоторое сочетание практической юриспруденции с теоретической. По его определению, «законоискусственная наука, быв в сопряжении с прочими частями учености, как-то: математикою и философию, есть знание прав и законов, дабы уметь справедливо применять оные к действиям человеческим, или действиям человеческие к законам, и выводить заключения, непосредственно следующие из сравнения сих двух предложений; или разбирать и полагать которое действие противно законам и которое сходно с оными; или иначе наукою судить дела человеческие по точной силе и словам законов»³.

Термином «законоведение» русские юристы обозначали «совокупность сведений о законах»⁴ или науку, изучающую закон во всех его частях, представленных для исследования⁵. М. М. Сперанский выделял два рода законоведения: «одно практическое, дело навыка и здравого смысла; другое — ученое»⁶.

¹ International Encyclopedia of the Social Sciences. 2nd edition. New York, 2008. Vol. 4. P. 231.

² Журнал дома практического правоведения по предмету образования стряпчества, 1813 года, издаваемый Надворным Советником Иваном Наумовым. СПб., 1813–1814. С. 116.

³ Горюшкин З. А. Руководство к познанию российского законоискусства. М., 1811. С. 1.

⁴ Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. История философии законодательства. СПб., 1997. С. 70. К приведенной фразе К. А. Неволин добавил в скобках слово «*jurisprudentia*».

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 97.

Н. И. Лазаревский считал слово «законоведение» не вполне удачным. «Самый текст закона, — пояснял он свою точку зрения, — изучается только в целях лучшего и наиболее точного выяснения того правила, которое устанавливается данным законом. Поэтому гораздо более точным и правильным термином сравнительно с законоведением является «правоведение» или иностранное слово «юриспруденция»¹.

В настоящее время слово «правоведение» понимается в качестве синонима термина «правовая наука». Однако в трудах русских ученых-правоведов первой половины XIX века данный термин употреблялся нередко в более широком значении. «Правоведение есть знание законов, соединенное со способностью применять оные к действиям в всяких, встречающихся случаях»², — писал В. Г. Кукольник. Теоретические знания в области права он связывал, таким образом, с практическими навыками обращения с правовым материалом.

Г. И. Терлаич называл правоведение наукой, изучающей «положительное право». Последнее определялось им как вытекающая из «естественнога начала» «совокупность прав и должностей, положенных гражданским обществом или державою». «Систематическая наука таковых прав и должностей, и всех пособий, облегчающих нам их познание, употребление и благоуспешное исполнение в самом применении, — отмечал он, — есть *положительное правоведение*, *positive jurisscientia*; вся же совокупность теории и применения есть *положительное правомудрие*, *positive jurisprudentia*»³.

П. Г. Виноградов понимал под правоведением «науку о праве», которую он вместе с тем называл «общей теорией права»⁴. Но история правоведения фактически сводилась им к истории по-

¹ Лазаревский Н. И. Законоведение. Б. м. и г. С. 2–3.

² Кукольник В. Г. Начальные основания российского частного гражданского права. Для руководства к преподаванию оного на публичных курсах. СПб., 1813. С. 7.

³ Терлаич Г. И. Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России. Часть 1. СПб., 1810. С. 25.

⁴ Виноградов П. Г. История правоведения (курс для историков и юристов). Лекции, читанные в Императорском Московском университете в осеннем семестре 1908/9 года. М., 1908. С. 11.

литических и правовых учений¹. В своих лекциях, посвященных этому предмету, П. Г. Виноградов говорил о правоведении греков, римлян, Средних веков, эпохи Возрождения, эпохи рационализма.

Таким образом, используемая в юридической литературе терминология понятия юриспруденции весьма разнообразна и многозначна. Данное понятие обозначается множеством различных терминов. В свою очередь каждый из них трактуется правоведами по-разному. «Споры возникают не только относительно приемлемости многих попыток определить юриспруденцию, — отмечает современный английский барристер Л. Б. Курзон, — но оспаривается сама возможность выработать точное определение»².

Такое разнообразие в понимании сущности явления, называемого «юриспруденцией», уже само по себе свидетельствует о его объемности и сложности.

Эта ситуация отражает сложный характер явления, называемого юриспруденцией. Очевидно, что в его понятии скрыто несколько смыслов, которые необходимо иметь в виду при описании истории правовой культуры той или иной страны.

В самом *широком* смысле юриспруденция — это деятельность по обслуживанию механизма формирования, функционирования и развития права.

В более же узком смысле юриспруденция представляет собой совокупность теоретических знаний о праве и практических навыков формулирования и толкования правовых норм, их классификации и систематизации, приемов и способов обработки правового материала.

¹ «Но политические учения, — утверждал П. Г. Виноградов, — ничто иное, как отдел правоведения, посвященный литературному развитию государственного права» (Виноградов П.Г. Указ. соч. С. 10).

² Curzon L. B. Jurisprudence. London, 1998. P. 1.

ГЛАВА 1

СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В КОНЦЕ XVII СТОЛЕТИЯ

§ 1. Характер законотворческой деятельности в России после издания Соборного уложения. «Новоуказные статьи»

Появление в 1649 году Соборного уложения, вобравшего в себя основную массу действовавших в России правовых норм, не уменьшило количества законодательных актов, издаваемых царской властью. Более того, данный свод стал одним из факторов, который способствовал активизации последующей законодательной деятельности. В течение второй половины XVII века русскими царями было издано более тысячи узаконений¹. И многие из

¹ В первые три тома «Полного собрания законов Российской империи» вошло 1740 документов (с учетом двух актов в приложениях), изданных после Соборного уложения — с 20 февраля 1649 г. по 28 декабря 1699 г. Конечно, не все они имеют характер законодательных актов, но большинство их вполне можно отнести к этой категории. Следует иметь в виду также, что целый ряд узаконений, принятых в указанный период, не был включен по разным причинам в «Полное собрание». Так, в этом собрании отсутствует, по меньшей мере, 45 законодательных актов, касающихся земельных отношений, сельского и городского населения (см.: *Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в.* СПб., 1998. С. 15).

них были весьма обширными по своему объему. Самыми значительными среди этих законодательных актов являлись: «Новоторговый устав» 1667 года¹, «Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах» 1669 года (128 статей. — В. Т.)², «Новоуказные статьи о поместьях» 1676 года³, «Новоуказные статьи о разделе вотчин между родственниками» 1676 года⁴, «Сыщиковых наказ» или в более полном наименовании «Наказ сыщикам беглых крестьян и холопов» 1683 года⁵ и др.

Порядок принятия подобных законодательных актов, как правило, коротко описывался в преамбулах к ним. Так, «Новоторговый устав» начинался со следующих слов: «Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец, слушав докладные выписки из торговых статей с своими великого государя бояры и с думными людьми, указал, а Его Царского Величества бояре приговорили: по челобитью Московского государства гостей и гостиных сотен и Чорных слобод торговых людей от приезжих иноземцов во многих обидных торгех, которые проходили в Московском государстве и Великие России в порубежных городех помешкою продолжительные войны, и того ради приезжие иноземцы без страшно учали товары худые поддельные, как в серебре и в золоте в литом и в пряденом, так и в поставах в сукнах и в ыных заморских товарех в царствующий град Москву и в городаы Великие России привозить, в которых товарех подлинно обличены, и такие худые товары сысканы, и русским торговым людем в заповедех в промытах многие убытки и домовные разорения учинились. И ныне

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830 (далее: 1-ПСЗРИ). Том 1. № 408. С. 677–691. А также: Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Том 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. редактор А. Г. Маньков. М., 1986. С. 117–136.

² См.: 1-ПСЗРИ. Том 1. № 441 (напечатан по ошибке номер 431). С. 774–800.

³ См.: 1-ПСЗРИ. Том 2. № 633. С. 16–26. А также: Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 233–244.

⁴ См.: 1-ПСЗРИ. Том 2. № 634. С. 26–31. А также: Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 261–267.

⁵ См.: 1-ПСЗРИ. Том 2. № 997. С. 502–513. А также: Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 80–92.

всемилосердным великого государя его царского величества на всенародное слезное челобитье воззрением, чтоб Московского государства и порубежных городов Великие России торговые люди имели свободные торги, как годитца бытии, чего и во всех государствах окрестных в первых государственных делах свободные и прибыльные торги для збору пошлин и для всенародных пожитков мирских со всяким бережением остерегают и в полности держат, по нижеписанным торговым статьям ис Посольского приказу приезжим иноземцом для ведомостей заморских, чтоб к торговле в порубежные города приезд их с товары был ведом, на письме дано»¹.

В преамбуле же к «Новоуказным статьям о поместьях» 1676 года сообщалось: «Великий Государь указал и бояре приговорили: поместным статьям быть так, как в сей докладной выписке написано под статьями, и закрепить сей Свой Государев указ и Боярский приговор всем думным дьякам для вечного укрепления, делать бы всякие дела по Уложению и по сим новым статьям»². Подобное содержание имела и преамбула к «Новоуказным статьям о разделе вотчин между родственниками» 1676 года: здесь также изложенные в основном тексте правовые нормы именовались «новыми статьями»³.

Наименование законодательных актов, изданных в дополнение и поправление Соборного уложения в период с 1649 по 1696 год, «новоуказными статьями» появилось не в момент их принятия, а позднее. Отличительной чертой этих статей была связь с упомянутым правовым сводом, которая выражалась иногда в прямой, но чаще в косвенной форме. «Все новоуказные статьи должно рассматривать как органическое порождение Уложения, — отмечал Ф. Л. Морошкин. — Это потомство, это семья Уложения, и должно сознаться, семья благоустроенная, без исключения объятая единою патриархальною властию Уложения.

¹ 1-ПСЗРИ. Том 1. № 408. С. 677–678. Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 117–118.

² 1-ПСЗРИ. Том 2. № 633. С. 16. Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 233.

³ 1-ПСЗРИ. Том 2. № 634. С. 26. Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 261.

В истории законодательства мы встречаем новоуказные статьи, и не видим боярских приговоров с положительностию обычая; однажды это отнюдь не ведет к заключению, что авторитетная юриспруденция подъячих с Уложением прекратилась. Есть места в новоуказных статьях, из коих очень легко усмотреть, что между Уложением и сими статьями был посредник, именно Боярские приговоры, — что толкование на статьи Уложения отвергдалось в положительный закон только тогда, когда на данные случаи не было боярских приговоров. Дьяк докладывает боярам дело и говорит, что это дело новое, не подходящее ни под одну статью Уложения, и что решить его не по чем, ибо «*больше того* (в книгах дворовых дач) *примеров не сыскано, а подъячие сказали, что у них вершенных дел нет*». По этому докладу бояре останавливаются решением, делают представление Государю с прописанием того, «*чтоб подъячие сказали*», и с прописанием собственного мнения в виде вопросов. Вследствие сего представления Государь указал, и бояре приговорили — и вот новоуказная статья¹. Из всего этого Морошкин делал вывод, что «*новоуказная статья в системе законов появлялась только тогда, когда на данный судебный вопрос не было примерных решений: следовательно, Уложение не только не останавливало развития судебной юриспруденции, но сообщало ей новое движение, новую обширнейшую деятельность*»².

М. М. Сперанский появление новоуказных статей объяснял следующим образом: «Уложением 1649 года приведены в единство все прежние разнообразные уставы и постановления. В нем соединено все то, что из них признано было нужным сохранить в своей силе с надлежащим исправлением и дополнением. Оно есть более свод законов прежних, нежели закон новый; а как настоятельность нужд требовала в составлении его великой поспешности, и как в 25-ти главах его невозможно было каждую часть законодательства изложить во всем ее про-

¹ Морошкин Ф. Л. Об Уложении и последующем его развитии. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Московского университета июня 10 дня 1839 года. М., 1839. С. 20.

² Там же.

странстве, то и принято было тогда же правилом дополнять его по мере возникающих случаев (Улож. Гл. X, ст. 2). Таким образом, в Уложении общие начала законодательства были установлены, главные черты каждой части его означены, но окончательное их совершение предоставлено постепенному действию времени и опыта. Отсюда произошли разные постановления под именем новоуказных статей, именных указов и боярских приговоров известные. По первоначальному их назначению, они должны б быть только дополнением и усовершением Уложения; но на деле оказалось, что многие из них ни с Уложением, ни между собою не были согласны. Между тем, число их с умножением дел возрастало, и в течение полувека составилось из них обширное законодательство. Действуя совместно с Уложением, оно в некоторых случаях служило ему пояснением и дополнением, но более и чаще затрудняло и тяготило его своим разнообразием и противоречием¹.

В отличие от Соборного уложения, новоуказные статьи, как правило, не печатались и хранились в списках (часто всего лишь в одном экземпляре). Их содержание могло быть известно поэтому только узкому кругу лиц, служивших в канцеляриях приказов, — дьякам, подьячим. Немалое количество данных законодательных актов просто-напросто терялось среди канцелярских бумаг различных приказов. При таком положении нередко приходилось полагаться лишь на память приказных — источник весьма ненадежный. Когда в 1700 году учрежденная Петром I специальная комиссия попыталась собрать все узаконения, вышедшие после издания Соборного уложения, и обратилась к приказам, то получила ответ — «иных указов сыскать нельзя, ибо которые подьячие в тех годах сидели и те померли».

Большие проблемы для судей создавала и разрозненность законодательства, усилившаяся по мере выхода новых нормативных актов. Преодолеть ее можно было более совершенной организацией правового материала по сравнению с той,

¹ Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 8–11. Фамилия Сперанского отсутствует на титульном листе данного издания его книги, составленной, как здесь обозначено, «из актов, хранящихся во II Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии».

которая использовалась в Соборном уложении 1649 года. Однако составители новоуказных статей так и не вышли за рамки характерных для этого правового свода приемов приказной юриспруденции. Воспроизведя в этих статьях нормы Соборного уложения, они могли внести те или иные изменения в их содержание¹, но порядок расположения правового материала, как правило, оставляли прежним. Так, например, статья 88 «Новоуказных статей о татебных, разбойных и убийственных делах», утвержденных царем Алексеем Михайловичем 22 января 1669 года, была составлена путем простого объединения статей 1, 2 и 6 главы XXII Уложения. Как и в прежние времена группировка норм осуществлялась чаще всего по хронологическому принципу. В соответствии с таким принципом были, например, сгруппированы юридические нормы в «Наказе сыщикам беглых крестьян и холопов» от 2 марта 1683 года. Так, первые три статьи названного законодательного акта дословно повторили нормы царского указа 1658 года, в статьях с четвертой по одиннадцатую были воспроизведены нормы царского указа 1661 года, содержание статей с двенадцатой по четырнадцатую было составлено из норм указа 1663 года, пятнадцатая статья повторила текст царского указа 1667 года. Хронологический принцип виден и в расположении материала группы статей с шестнадцатой по пятьдесят вторую рассматриваемого «Наказа» 1683 года: здесь последовательно воспроизведены нормы царских указов 1663, 1665 и 1667 годов².

В русском законодательстве второй половины XVII века, как и прежде, предписывалось вершить суд на основании не только царских указов, но и «градских законов» (Прохирона). Так, в статье 86 новоуказных статей «О татебных, разбойных и убийственных делах» говорилось о том, что «тати и раз-

¹ Например, при формулировании ст. 47 «Новоуказных статей о татебных, разбойных и убийственных делах» 1669 г. был повторен текст ст. 81 гл. XXI Соборного уложения 1649 г., но одновременно сделано дополнение — вставлено замечание о необходимости при совершении преступления «сыскывать всякими сыски накрепко» и новое правило о применении ссылки в Сибирь к тем осужденным по данной статье, «которым заплатить нечем».

² См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 80–102.

бойницы и смертные убийцы» должны «за свои вины» подлежать смертной казни «по Уложению и по градским законам»¹. В статье 112 данного законодательного акта шла речь о дворянах, «за которыми поместья и вотчины, а они в расспросе и с пыток винятся в татьях». Таких дворян надлежало казнить смертной казнью «по указу Великого Государя и по Уложению, и по градским законам»². Статья же 123 гласила: «А будет кто по своим винам против Великого Государя и Уложенья и градских законов доведутся смертная казни и тех воров казнить смертию вскоре, не отписывая о том Великому Государю в Москве»³. М. И. Бенеманский, специально исследовавший вопрос о значении «градских законов» в русском праве, отмечал, что некоторые из новоуказных статей «О татебных, разбойных и убийственных делах» 1669 года, «дополняя, развивая и видоизменяя право Уложения, прямо приводят выдержки из Градских законов и, в частности, из Прохирона»⁴. В качестве примера он приводил статью 109 данных новоуказных статей, в которой после буквального воспроизведения статьи 24 главы XXII Соборного уложения было прибавлено: «а в градских законах написано: Аще жидовин или агарянин дерзнет развратить от христианской веры христианина, повинен есть казни главней»⁵.

Подобные случаи цитирования «градских законов» (Прохирона) имели место и в других нормах «Новоуказных статей о татебных, разбойных и убийственных делах». Так, в статьях 79 и 108 данного законодательного акта воспроизводились одни и те же фразы: «А в градских законах написано: творяй убийство волею коего-либо, аще есть возраста, мечем муку да примет. Да в градских же законах написано: аще седми лет отрок, или бесный убьет кого, не повинен есть смерти».

¹ 1-ПСЗРИ. Том 1. № 431. С. 793–794.

² Там же. С. 797.

³ Там же. С. 799.

⁴ Бенеманский М. И. Закон градский. Значение его в русском праве. М., 1917. С. 256.

⁵ Там же.

§ 2. Дьяки — русские законоискусники. Их деятельность и способы приобретения юридических знаний

При таком характере законотворческой деятельности русская юриспруденция рассматриваемого периода могла существовать лишь в качестве законоискусства и воплощаться исключительно в совокупности сугубо практических навыков формулирования и толкования правовых норм, технических приемов и способов обработки правового материала, его упорядочения или систематизации¹. Знание законов и умение с ними обращаться приобретались в этих условиях почти исключительно в процессе практического осуществления правосудия и при составлении различного рода деловых бумаг. Соответственно главными носителями юридических знаний, а также навыков и умений обращаться с законами — *законоискусниками* — становились лица, занятые в судопроизводстве и делопроизводстве. Ими были по преимуществу служащие государственного аппарата — так называемые приказные: докладчики, рассказчики (стярпчие), казначеи, дьяки и подьячие. «Русская первоначальная юриспруденция есть собственно юриспруденция дьяческая», — писал Ф. Л. Морошкин. — Дьяк или клерк — сие таинственное, дивное существо в истории законодательств, с успехами единодержавия растет и с течением времени из карла делается великаном. При дворах наших царей в блестящей толпе беспrestольных князей и царевичей мелькают тени дьяков, коих чародейственная сила наводит смертный сон на поместную гидру самоуправства, нитиу закона связует первобытную силу и из се-

¹ См. подробнее о понятии юриспруденции и о развитии этого явления в русском обществе в X—XVII вв. в следующих статьях: Томсинов В. А. Понятие юриспруденции, ее происхождение и основные функции // Законодательство. 2003. № 6. С. 86–91; Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2009. № 4. С. 3–26; Томсинов В. А. Судебники 1497 и 1550 годов как памятники юриспруденции Московского государства // Проблемы истории государства и права. Сборник научных трудов / Ответственный редактор В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. С. 269–287; Томсинов В. А. Соборное Уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции // Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / Составитель, автор предисловия и вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 1–51.

мейств русского феодализма развивает государство, приготовляет будущее торжество права»¹.

Слово «дьяк» или «диак» использовалось еще в памятниках древнерусской письменности XI–XIII веков, но его значение было тождественно в то время смыслу термина «дьякон», которым назывался церковный служитель. Дьяки-дьяконы сопровождали князей в их государственных делах². Вместе с тем в окружении древнерусских князей неизменно присутствовали и люди, называвшиеся писцами. Так, при описании событий, произошедших в 6797 году от сотворения мира (в 1289 году по нашему летоисчислению), в Ипатьевской летописи говорится о том, что князь Мстислав Данилович установил на берестян «ловчее³ за их коромолоу, абы мъ не позрѣти на нихъ кровь и повелѣ писцю своему писати грамотоу»⁴.

В XIV веке для обозначения «писца», состоявшего на службе в велиокняжеской администрации, стали употреблять слово «дьяк», обозначавшее прежде священнослужителя. Со времен Ивана Калиты именно дьяки писали княжеские грамоты. На это указывает, в частности, «древнейшая из подлинных духовных грамот Княжеских, нам известных»⁵, составленная Иваном Калитой в самом начале его княжения, перед тем, как он отправился к хану Узбеку в Золотую Орду⁶. Завершалась данная грамота следу-

¹ Морошкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. 3. Февраль. № 8. С. 214.

² Полное собрание русских летописей. Том 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. Стлб. 370.

³ В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», собранных И. И. Срезневским (том 2. СПб., 1902. Стлб. 40) «ловчее» определяется в качестве рода налога. Само слово указывает на то, что это была добыча охотников или рыболовов.

⁴ Полное собрание русских летописей. Том 2: Ипатьевская летопись. Стлб. 932.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Издание пятое в трех книгах. Кн. 1. СПб., 1842. Стлб. 150.

⁶ Историк Н. М. Карамзин писал об этом следующее: «Древняя Русская пословица: *близ Царя, близ смерти*, родилась, думаю, тогда, как наше отечество носило цепи Моголов. Князья ездили в Орду как на Страшный суд: счастлив, кто мог возвратиться с милостию Царскою или, по крайней мере, с головою! Так Иоанн Данилович, в начале своего Великокняжения отправляясь к Узбеку, написал завещание и распоря-

ющими словами: «Грамоту писал *Дьяк Великокняжеский Кострома*, при духовных отцах моих, Священниках Ефреме, Феодосии и Давиде; кто нарушит оную, тому Бог судия» (курсив мой. — *B. T.*)¹. *Дьяк Нестор* писал духовную грамоту великого князя Дмитрия Иоанновича (Дмитрия Донского).

Социальное положение дьяков было различным. Многие из них принадлежали к категории несвободных людей. Сохранилось немало документов, в которых говорится о предоставлении князьями свободы своим дьякам. Так, великий князь Иоанн Иоаннович (Иван II) объявлял в своей духовной, составленной за год или два до смерти, о том, что он дает волю тем, кто будет его казначеем, тиуном или дьяком². Характеризуя социальный статус дьяка, Ф. Л. Морошкин отмечал, что «вокруг него собираются боярские дети, боярские и монастырские холопи, и всякого рода люди грамотные, ищущие хлеба, занятий, или службы. Вот начало русской юриспруденции — начало весьма неблистательное: *холопи защищают в суде права своих господ*»³.

На самом деле среди дьяков было немало и лично свободных людей. На это обстоятельство обращал внимание, в частности, историк В. И. Сергеевич. По его словам, «на службе князей были и свободные дьяки. Дьяки, отпускаемые на волю, не всегда же уходили от наследников своих прежних господ; как люди уже известные и пользовавшиеся доверием умерших князей, они могли продолжать службу и у их преемников, но в качестве вольноотпущеных. В известиях XV и XVI веков встречаем термин *введенного дьяка*. Так названы Федор Стромилов, дьяк великого князя Ивана Васильевича, и Василий Щелкалов, дьяк Ивана Грозного. По аналогии с боярами введенными, во введенных дьяках надо видеть вольных людей, введенных во дворец и близость к государю»⁴.

дил наследие между тремя сыновьями и супругою, именем Еленою...» (*Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Стлб. 150.*).

¹ Цит. по: *Карамзин Н. М. История государства Российской. Кн. 1. Стлб. 151.*

² См.: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. Том 1. СПб., 1893. Стлб. 669.

³ *Морошкин Ф. Л.* Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции. С. 214.

⁴ *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Том 1: Территория и население. СПб., 1909. С. 561.

Статья первая Судебника 1497 года называет в числе судей также дьяка («судити суд бояром и околничим. А на суде бытии у бояр и околничих диаком»¹). При этом в соответствии со статьей третьей Судебника дьяк так же, как и боярин, получает вознаграждение «от рублеваго дела на виноватом»: «боярину на виноватом два алтына, а диаку осмь денег»². В. И. Сергеевич высказывал мнение о том, что «великий князь Иван Васильевич и его братья, удельные князья, подмешивали уже дьяков к боярам еще до издания Судебника 1497 года»³. В доказательство своего суждения историк приводил выдержки из сохранившихся документов XV века.

В первой половине XVI века роль дьяков в осуществлении правосудия еще более возросла. По словам В. И. Сергеевича, «для описи земель московские князья нередко посылали сына боярского и при нем дьяка. Эти так называемые *писцы* не только описывали земли, но и производили суд по спорам о землевладении, которые возникали при описи. Суд этот творился не только сыном боярским, но и дьяком»⁴. В материалах судебного дела, которое рассматривалось на основании приказа великого князя Василия III в 1511 году, об участии дьяков в судопроизводстве говорилось следующее: «По великого князя слову, Василия Ивановича всея Русии, сий суд судили великаго князя *писцы* белозерские, Иван Микулич Заболоцкий, да *диак*, Андрей Харламов. Став перед *писцы* у деревни у Шюклиные, тягался Лева и пр. ...И *писцы* вспросили Левы... И по великого князя слову... *писцы* белозерские Иван Микулич Заболоцкий да *диак*, Андрей Харламов, ответчица, старцу Иону, *оправили*, а ищею, Леву Зайцева, *обвинили*⁵.

Участие дьяков в отправлении правосудия было предусмотрено и Судебником 1550 года⁶. Оценивая значение дьяков в дан-

¹ Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. Том 2. М., 1985. С. 54.

² Там же. С. 55.

³ Сергеевич В. И. Древности русского права. Том 1. С. 561.

⁴ Там же. С. 562.

⁵ Цит. по: Там же.

⁶ См.: Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков. Том 2. С. 97–120.

ной сфере великокняжеского управления в эпоху судебников, Н. Л. Дювернуа отмечал: «Судебник обеспечил за ними влияние на весь процесс, начиная с приготовительных действий (срочные и отписные, на которых основывается бессудная, находятся на их руках и ими подписываются, подпись дьяка требуется и на приставных) и до самого судебного решения. Ни суд, ни доклад без дьяков не может быть производим»¹.

Об участии дьяков в судопроизводстве свидетельствует также текст Наказного списка постановлений церковного собора 1551 года. В нем, в частности, говорится: «А у бояр в суде седети старостам поповъским и пятидесяцкимъ, и десятицким по недѣлямъ по два и по три, да городцким старостамъ и целовалником, и земъскому дьяку, которым царь прикажет. И тѣм старостамъ и целовалником, и земъскому дьяку с тѣхъ судныхъ дѣль списавати противни слово в слово, да дръжати ихъ у себя, а к тѣмъ спискомъ дьяки руки свои прикладываютъ... Да тѣ судные списки дръжати у себя дьякомъ в ларце за боярскими печатми по государеву Судебнику, а подьячим ихъ не давати, доколе судные списки бояре перед святителями положат и обоихъ исцовъ перед ними поставятъ»². Из приведенного отрывка видно, что именно дьякам принадлежала главная роль в судебном делопроизводстве.

С развитием во второй половине XVI века системы приказов роль дьяков в правотворчестве и в судопроизводстве стала ведущей. Историк И. И. Смирнов, исследовавший законодательный процесс в Русском государстве середины и второй половины XVI века, пришел к выводу, что «именно приказы, в частности, казначеи, фактически держали в своих руках московское законодательство как в подготовительной стадии — разрабатывая проекты законов (представляемые в виде «докладов» на рассмотрение царя), так и в заключительных этапах законодательного процесса, где именно в руках казначеев находилось формулирование и редактирование текста законов на основе норм царского

¹ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. СПб., 2004. С. 339.

² Наказной список постановлений Стоглавого Собора // Емченко Е. Б. Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. С. 449.

приговора¹. Дьяки являлись при этом помощниками казначеев. Именно они были хранителями юридических документов, а значит, и знаний действовавших законов.

Дьяки сыграли ведущую роль в создании Соборного уложения 1649 года. В преамбуле к основному тексту этого памятника приводились имена дьяков Гаврилы Левонтьева и Федора Грибоедова².

К концу XVII века прикладная по своему характеру юриспруденция перестала отвечать интересам дальнейшего развития русского права. На основе ее невозможно было преодолеть разрозненность российского законодательства, осуществить его систематизацию. Новые условия общественной жизни порождали потребность в более широком круге юридически образованных лиц. Дьяки, подьячие и другие приказные составляли слишком узкую группу и не могли обеспечить надлежащего обслуживания значительно расширившегося в течение второй половины указанного столетия гражданского оборота. Кроме того, при довольно запутанном состоянии законодательства приказные часто использовали свою монополию на юридические знания в корыстных целях. По словам А. Г. Станиславского, «эта исключительность знания давала им значительные преимущества и выгоды: они приобрели решительное влияние на ход административных и судебных дел и даже на самое законодательство; они также пользовались большим почетом между частными лицами, которые ежечасно должны были прибегать к их познаниям и помощи. К сожалению, законоискусники не преминули употребить во зло свое влияние и вскоре успели поселить в обществе весьма невыгодное о себе мнение, до такой степени, что самое название подьячего получило значение почти бранного слова...»³.

Юридические познания и практические навыки обращения с правовым материалом дьяки и подьячие приобретали, как правило, во время службы в приказах в процессе практической работы

¹ Смирнов И. И. Судебник 1550 г. // Исторические записки. 1947. Том 24. С. 352.

² Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 17.

³ Станиславский А. Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. СПб., 1853. С. 24–25.

с юридическими документами. Но с 20-х годов XVII века в рамках приказов стали возникать специальные школы для обучения подьячих приказному делопроизводству. Их нельзя назвать юридическими учебными заведениями, но, очевидно, что обучение в подобных школах предполагало если не изучение, то хотя бы ознакомление с текстами законодательных актов. Такая школа существовала, в частности, с 1621 года в Посольском приказе. Во второй половине XVII века самой крупной школой для обучения приказному делопроизводству была школа при Поместном приказе, в которой одновременно обучалось от 30 до 90 человек. В течение одного-двух лет молодых приказных обучали здесь навыкам быстрого и красивого письма, знакомили с содержанием Соборного уложения и важнейших новоуказных статей, прививали навыки работы с юридическими документами. Специальных учителей в этих школах не было. Как правило, учащиеся прикреплялись для обучения к какому-либо опытному дьяку, который свои учительские функции совмещал с практической службой в приказе.

Господство практической, приказной юриспруденции препятствовало развитию в Российской империи системы настоящего юридического образования. С другой стороны, отсутствие в России учебных заведений, специально предназначенных для обучения праву, отрицательно сказывалось на развитии русской юриспруденции.

§ 3. Проект создания в России в начале 80-х годов XVII века учебного заведения университетского типа. Привилегия Московской академии

В последний год царствования Федора Алексеевича была предпринята попытка завести преподавание юриспруденции в «училище по чину Академии», которое предполагалось учредить при Ставропигиальном Заиконоспасском монастыре¹. В «Историче-

¹ Данный монастырь был основан в 1600 г. и назывался первоначально Старым на Песках. Наименование «Заиконоспасского» он получил потому, что находился за Иконным рядом и главным его храмом была церковь Спаса нерукотворного,озванная в 1660 г.

ском известии о Московской академии» Федора Поликарпова возникновение у царя мысли о создании этого училища связывается с беседой его величества с иеромонахом Тимофеем, состоявшейся в 1679 году. В течение нескольких лет Тимофея путешествовал по святым местах в Палестине и потом некоторое время пребывал в святогорских монастырях на Северском Донце. При встрече с Федором Алексеевичем иеромонах рассказал ему о притеснениях, которые были вынуждены терпеть православные люди, жившие в Христовых местах, об упадке свободных греческих наук, необходимых для усвоения православного богословия. По словам Федора Поликарпова, благочестивый царь, услышав это, «сердцем вельми умилился» и божественным огнем по благочестию был воспален. Он возжелал умалеимые в Палестине греческие науки «насадити и умножити» в Москве. Призвав к себе патриарха Иоакима, царь попросил его учинить греческое училище, поручив его Тимофею. Патриарх с радостью взялся за дело. Тимофея был принят на службу в Московскую патриархию крестовым священником. Для устройства училища были отведены три верхних палаты в типографии. Собрав 30 детей разных чинов, патриарх велел мириину греку Мануилу обучать их греческому языку, а Тимофея поставил в качестве ректора надзирать над ними. А царь тем временем обратился к Вселенскому патриарху с просьбой прислать в Москву «учителей православных, в греческом и латинском диалектах и во всех свободных науках искусствых, паче же свидетельствованных в вере и догматах греческого закона»¹.

В сентябре 1681 года был составлен проект царской «Привилеи (Привилегии)» из восемнадцати статей, призванной узаконить статус Академии греческих наук². Составителем этого до-

¹ Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова и дополненное преосвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневским // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской ка-сающихся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российской собрания при Императорском Московском университете. Издание второе. Часть 16. М., 1791. С. 297.

² На эту дату указывают следующие слова, завершающие текст Привилегии: «Писася в царствующем нашем преименитом и богоспасаемом граде граде Москве, во время мира, в лето от создания мира 7190, а от воплощения Бога слова 1682, меся-

кумента был, по всей видимости, монах Сильвестер (Медведев). Во всяком случае, именно он представлял «Привилею» Федору Алексеевичу на утверждение, именно он вручал ее царевне Софье 21 января 1685 года¹. Однако первоначальный вариант «Привилея» вполне мог быть начертан Симеоном Полоцким (1629–1680). ² Иерофеи Татарский в своем жизнеописании богослова обратил внимание на даты, начертанные на черновом списке «Привилея» рукой Сильвестра Медведева: 7190–1680. Н. И. Новиков при публикации текста этого документа в шестой части «Древней российской вивлиофики» прибавил цифру 1682, соответствовавшую 7190-му году. По словам И. Татарского, «если ученый издатель пожелал здесь исправить ошибку Медведева против простого вычитания, то, по-видимому, сделал это совершенно напрасно. Можно полагать, что выставленный Медведевым 7190 (1682) год означает здесь просто время переписывания им этой привилегии для представления ее государю, после смерти Симеона; тогда как 1680 год указывает именно на время написания того чернового подлинника ее, с которого производилось это списывание, или, что то же, на время составления привилея Симеоном»³

Учреждение в Москве Академии представлялось в «Привилее» в качестве действия, совершаемого царем во исполнение царских должностей. Первой и величайшей среди них называлось «охранение восточной православной веры» и забота о ее расши-

ца в день Индикта». Новый год в то время начинался 1 сентября. Этот день и считался днем Индикта. По Григорианскому календарю это было 10 сентября 1681 г.

¹ См.: Вручение Благоверной и Христолюбивой великой Государыне, премудрой Царевне, милосердной Софии Алексеевне, привилегии на Академию в лето от создания мира 7193, а от воплощения Бога Слова 1685, месяца Ианнуария в 21 день // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Издание второе. Часть 6. М., 1788. С. 390–397.

² Татарский И. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни. М., 1886. С. 263. О том, что автором Академической привилегии был Симеон Полоцкий говорится также в книге: Смирнов С. К. История московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 15.

³ Симеон Полоцкий скончался 25 августа 1680 г.

рении, а также «о благочинном государства управлении и о защщении имети тщание»¹. Родительницей же этих и прочих царских должностей объявлялась мудрость, «ибо оною, — подчеркивалось в «Привилее» Академии, — паче иных всех образов слава Божия умножается, православная наша восточная Вера от злокозненных еретических хитростей в целости сохраняется и расширяется; варварские народы богознанием просвещаются; иноверные царствия ко благоверию обращаются; правоверные же ко известнейшему познанию догматов Веры достизают и очищения совести хранити научаются. Тою же вся царствия благочинное расположение, правосудства управление, и твердое защищение, и великое распространение приобретают»². При этом мудрость признавалась в «Привилее» способом познания в «вещах гражданских и духовных» злого и доброго, источником всех благих даров людям от Бога.

Ради познания мудрости и учреждалась в Москве Академия. «И благоволим, — заявлял царь в своей «Привилее», — в царствующем нашем и богоспасаемом граде Москве при монастыре премудрости и смысла подателя Всемилостивого Спаса, иже в Китае на песках³, нарицаемом *Старый*, на взыскание юных свободных учений мудрости и собрания общего ради от благочестивых и в писании божественном благоискусных дидаскалов, изощрения разумов, храмы чином Академии⁴ устроити; и во оных хощем семена мудрости, то есть науки гражданские и духовные, наченше от грамматики, пийтики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословии учащей вещей божественных и совести очищения постановити. При том же и учению **правосудия** духовного и **мирского**, и прочим всем свободным наукам, ими же целость Академии, сиречь училищ, составляется бытии»⁵ (выделено мною. — В. Т.).

¹ Привилегия Московской Академии // Древняя российская вивлиофика. Часть 6. С. 399.

² Там же.

³ То есть в Китай-городе.

⁴ Так в тексте Привилегии.

⁵ Привилегия Московской Академии. С. 401—402.

Из этого заявления видно, что учебная программа Академии предполагала изучение, помимо богословия, широкого круга светских гуманитарных наук, в том числе светской юриспруденции.

В распоряжение учреждавшейся Академии были отданы книги царской библиотеки, среди которых имелись и произведения по праву. Во всяком случае, в описи книг Заиконоспасской академии, составленной в 1690 году, присутствовали такие произведения, как: «Corpus Juris Civilis», «De privileges et juribus», Уложение польского королевства, Саксонское зерцало, сборник магдебургского права и др.¹

Царской «Привилеей» создавалась для этого учебного заведения довольно солидная материальная база. Ему передавался Спасский монастырь, «иже во граде, близ Неглинных врат»² с землями подле него, а также Богословский монастырь в Переславле на Рязанщине, Андреевский и Даниловский монастыри на Москве-реке, Стромынский Троицкий монастырь в Московском уезде, Николаевский Песнохский и Борисоглебский монастыри, да Медведева пустынь с крестьянскими дворами и земельными угодьями в Дмитровском уезде, «да в Чугуеве на Опаковке колодези» пасечное пустое место со всеми угодьями и землею. Кроме того, Федор Алексеевич пожаловал учреждавшейся Академии в вечное пользование царскую дворцовую Вышегородскую волость, в Верейском уезде, со всеми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всеми угодьями и с мельницами, пустошь в Боровском уезде в Лавышевском стане, пустошь Пашково, пустошь Зайцово, пустошь Насоново на реке Мелюшевке, пустошь Комуково на реке на Суходоле, пустошь Насина на Суходолеже, пустошь Гондурово на реке на Луже, расположенные на той же реке пустошь Немцово малое и пустошь Немцово большое.

В дополнение к этой материальной поддержке Академии царь дозволил «всякого чина людям, хотящим ради славы Божьей и душ своих спасения», делать благотворительные взносы на питание и одежду ученикам.

¹ См.: Иконников В. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. Сентябрь. С. 164.

² Привилегия Московской Академии. С. 403.

Царская «Привилея» предписывала быть в Академии блюстителю и учителям, «благочестивым и от благочестивых родителей рожденным и воспитанным во православной христианской восточной вере российского и греческого народа»¹.

На обучение в Академию царь указывал принимать людей всякого чина, сана и возраста, но только православной веры. При этом его величество предписывал преподавать здесь лишь науки, одобренные церковью².

Учреждая Академию, Федор Алексеевич одновременно вводил запрет на обучение в Москве в своих домах «греческому, польскому и латинскому и прочим странным языкам без ведомости и повеления училищ блюстителя и учителей», предписывал не держать домашних учителей и детей своих не учить, кроме как «в сем едином общем училище», дабы «от разных домовых учителей, паче от иностранных и иноверных», не вносились в общество какой-либо «противности православной вере и не возникало разногласия³. За нарушение этого указа царь грозил жестокими наказаниями. «Аще же кто дерзнет сие наше Царское повеление пребидити, — заявлял государь в «Привилея» Академии, — и оному да мстити наше Царское правосуждение на его имении, яко преступнику нашего Царского повеления»⁴.

Вместе с тем Федор Алексеевич брал под защиту учеников учреждаемого им училища, в особенности проявивших усердие в учебе, в тех случаях, когда обнаруживалось, что на них лежат отцовские долги или вина за совершение каких-либо незначительных правонарушений. Царской «Привилеей» было установлено следующее правило: «Аще же на которых учениках, того учили-

¹ Привилегия Московской Академии. С. 405–406.

² Дословно в царской Привилегии по этому поводу говорилось: «Сему нашему от нас, Великого Государя, устроенному училищу бытии общему и всякого чина, сана и возраста людям, точию православной христианской восточной веры приходящим ради науки, без всякого зазора свободному, в нем всякия от церкви благословленные благочестивые науки да будут. А от церкви возбраняемых наук, напаще же магии естественной и иных, таким не учите, и учителей таковых не имети. Аще же таковые учители где оброятся и оные со учениками, яко чародеи, без всякого милосердия да сожгутся» (Там же. С. 408).

³ Там же. С. 409.

⁴ Там же.

ща записанных, паче же наиприлежно учащихся, объявится на их лицах долги отцовские, а заплатить им будет нечем, или иные какие вины, и в тех винах разве убийственных, и иных великих дел, донеле же имут они во учении пребывать, суда на них самих не давати, ради препятия науки¹. Ученники, совершившие преступления, кроме убийства и других тяжких деяний, подлежали суду не в приказах, а в самой Академии. Судьями по таким делам выступали блюститель Академии и учителя, а приговор утверждался государем. Если же ученик совершил убийство или другое тяжкое преступление, то дело его должно было рассматриваться обыкновенным порядком, то есть в приказах, но с ведома блюстителя.

Наряду с этим царская «Привилея» предусматривала особый порядок суда над блюстителем Академии и учителями, совершившими какие-либо проступки. Так, если блюститель Академии преступал церковное предание в своих речах или делах, то его судили учителя в присутствии представителей царя и патриарха. Если же из учителей кто-либо впадал в такое же или иное прегрешение, то он судился коллегией, состоявшей из блюстителя и учителей Академии. Но приговор такого суда вступал в силу только после того, как государь, посоветовавшись с патриархом, утвердит его.

С другой стороны, царь обещал поощрять учителей Академии, не совершивших никаких правонарушений и добросовестно относившихся к своим обязанностям, заявляя в своей «Привилее»: «А которые в том нашем училище учителя труд свой в обучении юных явят прилежный, и время довольно в том потруждаются, и те за оный их подъятый труд, ради их к старости успокоения, пожалованы будут, за свидетельством блюстителя и учителей, за их труды нашим особым достойным трудам их жалованьем»².

Достойное вознаграждение и возведение в приличные чины обещал Федор Алексеевич и тем трудолюбивым учащимся, которые будут прилагать старание в исследовании различных диалектов славянского, древнегреческого, польского и латинского языков. Дословно в «Привилее» говорилось об этом следующее:

¹ Привилегия Московской Академии. С. 409.

² Там же. С. 411.

«Аще же некоторые люботрудни отроцы сего предрагого сокровища, то есть мудрости, по грамматической хитрости и прочих наук свободных, аки из недр земли злата, из различных диалектов писаний, наипаче же славенского, еллино-греческого, польского и латинского потщатся изыскывати прилежно; и оным за их в науках тщание, за свидетельством училищ блюстителя и учителей, от нас, Великого Государя, имать бытии достойное мздовоздаяние. А по совершении свободных учений имуть бытии милостию пожалованы в приличные чины их разуму, и наше царское особе воспримут, яко мудрые, щедре милюсердие»¹.

При этом царь заявлял, что в государственные чины — в стольники, в стряпчие и прочие — благородные будут жаловаться им «ни за какие дела, кроме учения», и «явственных» военных и иных государственных заслуг, способствующих усилению государственной власти и расширению государства.

«Привилеий» допускалось преподавание в Академии иностранных ученых. Но для этого каждый из них должен был сначала получить свидетельство о своей пригодности к преподавательской деятельности в русском учебном заведении от блюстителя и учителей Академии. Иностранный ученый мог стать преподавателем Академии только в том случае, если в его учениях письменных и устных не было ничего противного православной вере и церковным преданиям.

В дополнение к «Привилею» предполагалось издать особый устав академический, который государь должен был принять по совету с патриархом².

Федор Алексеевич утвердил своей подписью «Привилегию Московской академии»³, но смерть, последовавшая 27 апреля 1682 года, не позволила ему осуществить предназначенный этим документом план создания учебного заведения университетского типа, обладающего солидной материальной базой и рядом присущих западноевропейским университетам вольностей.

¹ Привилегия Московской Академии. С. 411.

² Там же. С. 407.

³ См.: [Голиков И. И.] Дополнение к Деяниям Петра Великого. Том 3. М., 1790. С. 188.

Оценивая усилия Федора Алексеевича, направленные на формирование в России системы государственного образования, митрополит Московский Платон¹ писал: «От сего благоразумного государя все просвещение и поправление происходило не вдруг; но помалу и соображением свойства народа, что все было бы еще тверже и надежнее, яко он основывал то на благочестии и утверждал своим благочестивым примером»².

Незадолго до своей кончины молодой царь, желая обеспечить учреждавшуюся им академию преподавателями, поручил русскому посланнику в Царьграде обратиться к патриархам Цареградскому, Антиохийскому и Александрийскому с прошением прислать в Москву опытных и испытанных в православии учителей. В ответ на эту просьбу были избраны два родных брата из знатной греческой семьи — иеромонахи Иоанникий и Софроний Лихуды³. В марте 1685 года они прибыли в Москву основали в Богоявленском монастыре школу греческого языка. «Как скоро они устроились, — тотчас открыли учение. На первый раз к ним перевели из типографской школы пятерых учеников: Алексея Барсова, Николая Семенова-Головина, Федора Поликарпова, Федора Агеева и Иосифа афанасьевича; к ним присоединились чудовский монах Иов и Иеродиакон Богоявленского монастыря Палладий Рогов»⁴.

После того, как в 1686 году на территории Заиконоспасского монастыря было построено здание для академии, в него была перемещена школа братьев Лихудов. В это учебное заведение были переведены и все ученики из типографской школы, к ним присоединили, по царскому указу, до 40 боярских детей и значительное число разночинцев. Начался полный курс обучения на двух языках — латинском и греческом. Учебная программа включала в себя такие предметы, как грамматика греческого языка, грамматика латинского языка, пийтика, риторика, логика, психология,

¹ В миру — Пётр Георгиевич Лёвшин (1737–1812).

² Краткая церковная история, сочиненная Преосвященным Платоном, Митрополитом Московским. М., 1805. Том 2. С. 266.

³ См. подробнее о братьях Лихудах в книге: Смирнов С. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 18–21.

⁴ Там же. С. 24.

физика. Преподавание юриспруденции среди этих предметов не предусматривалось.

Во второй половине 1694 года патриарх Адриан по не вполне ясным причинам отрешил Иоанникия и Софрония Лихудов от должностей наставников Заиконоспасской школы¹, переведя их в типографскую школу при монастыре для преподавания итальянского языка. Эти должности заняли ученики братьев Лихудов Николай Семенов-Головин и Федор Поликарпов. До 1699 года они вели преподавание в Заиконоспасской школе на греческом языке грамматики, пиитики и риторики, затем были перемещены в типографию на должности справщиков.

В 1700 году главным наставником Заиконоспасской школы был назначен Палладий Роговский, который стал учить только на латинском языке. В январе 1703 года он умер, но латинизация школы уже сделалась необратимой. В 1701 году местоблюстителем патриаршего престола, освободившегося вследствие случившейся годом ранее смерти патриарха Адриана, был назначен митрополит рязанский Стефан Яворский. Царь Петр I, желавший распространить в России латиноязычную западноевропейскую систему образования, приказал ему завести в Заиконоспасском монастыре и находившейся в нем школе «латинские учения»². В результате, греческая школа стала славяно-латинской академией.

Западноевропейская система высшего образования опиралась в значительной мере на юриспруденцию, однако в учебной программе, утвердившейся в российской латинской академии, юридическим наукам не нашлось подобающего места. Впрочем, отсутствие в данной академии обучения праву было вполне закономерным — ведь она была предназначена служить главным

¹ Уйда из греческой школы братья Лихуды, См.: Там же. С. 36.

² Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова и дополненное преосвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневским // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской ка-сающихся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российской собрания при Императорском Московском университете. Издание второе. Часть 16. М., 1791. С. 302.

§ 3. Проект создания в России учебного заведения университетского типа

центром духовного образования в России. Поэтому целых четыре года в ней отдавалось изучению богословия, по два года преподавались философия и риторика.

Тем не менее Московская славянско-латинская академия сыграла свою роль в формировании юридического образования в России. Из ее стен вышел Михаил Васильевич Ломоносов, благодаря усилиям которого в 1755 году был создан императорский Московский университет. В рамках этого учебного заведения центральное место занял юридический факультет. Его учебная программа была построена по плану, начертанному Ломоносовым.

ГЛАВА 2

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

§ 1. Возрастание роли законодательства в политике самодержавной власти. Заботы Петра I о распространении знания законов в русском обществе

Реформы Петра I, направленные в первую очередь на обновление системы государственного управления, но затронувшие в той или иной степени все сферы русского общества, оказали огромное влияние на развитие русской правовой культуры. В первой четверти XVIII века началась новая эпоха в ее истории.

Наиболее заметно произошедшие в период царствования Петра I изменения в правовой культуре русского общества проявились в правотворческой деятельности, в содержании законодательных актов. В период царствования Петра I значительно возросла роль законодательства в политике самодержавной власти. Закон стал чаще использоваться в качестве инструмента государ-

ственных преобразований, для создания и упрочения новых общественных порядков. В содержание основополагающих законодательных актов стали включаться не только правовые нормы, но и новые доктрины официальной политической идеологии¹. В качестве примера такого применения закона можно привести статью 20 «Артикула воинского» 1715 года, в которой было закреплено соответствовавшее данной идеологии определение самодержавного монарха. «Кто против его величества особы хулигательными словами погрешит, его действие и намерение презирать и непристойным образом о том разсуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением главы казнен», — говорилось в основном тексте данной статьи. В толковании же к нему провозглашалось: «Ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»².

¹ Историк русского права В. Н. Латкин возрастание роли законодательства в России в эпоху, начавшуюся с реформ Петра I, видел главным образом в том, что закон стал признаваться в эту эпоху «единственным источником права». Обычай же, который, по его словам, играл «важную роль в области права в удельно-вечевом периоде и в Московском государстве», совершенно утратил, «если не всегда de facto, то de jure», «значение фактора образования права». Отсюда Латкин делал вывод о том, что «характер законодательства императорского периода имеет мало общего с характером законодательства Московского государства». Поясняя эту мысль, ученый писал: «В то время как законодательные памятники Московского периода, будучи в большинстве случаев не чем иным, как сводами предшествующего законодательного материала, главный источник которого составляло обычное право, отличались, в силу этого, вполне консервативным характером, законодательство императорского периода, поравв всякую связь с обычаем, и являясь или плодом, так сказать, чисто теоретических соображений отдельных лиц, или же будучи скоплом с иностранного законодательства, усвоило себе вполне реформаторский характер» (Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсина. М.: Зерцало, 2004. С. 3). На мой взгляд, в приведенном высказывании Латкин излишне резко противопоставил российское законодательство XVIII–XIX вв. законодательству Московского государства. В действительности российское законодательство в каждую из названных эпох сочетало в себе черты консервативного и реформаторского характера. Поэтому правильнее говорить о более частом, нежели прежде, использовании закона в императорский период в качестве инструмента тех или иных реформ.

² Артикул воинский. [Апреля 26 дня 1715 года] // Законодательство Петра I / Отв. редакторы А. А. Преображенский и Т. Е. Новицкая. М., 1997. См. также: Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 331. Приведенное определение са-

Эффективность закона в качестве инструмента управления обществом зависит всегда в первую очередь от того, как он соблюдается на практике. Петр I хорошо это понимал и проявлял особую заботу о поддержании режима законности. Призывы и требования действовать по закону часто звучали в его указах. А некоторые из его узаконений специально посвящались необходимости для всех государственных служащих вести дела в соответствии с действующим законодательством.

Так, в 1701 году был издан Указ царя Петра Алексеевича, в котором повелевалось «боярам и окольничим, и думным и ближним людям, и судьям, и в городах воеводам, и дьякам, и всяkim приказным людям» чинить росправу «всем равно и в правду», «по сему великого государю указу и соборному Уложению», «не стыдяся лиц сильных и избавлять обидимого от руки неправедного», «а своим вымыслом вновь, сверх сего великого государя Указу и соборного Уложенья, на Москве и в городах никаких статей и пополнения не делать, и в допросах и в розыскных делах и во всяких росправах ничего не прибавливать и не убавливать, и ни в чем друг другу не дружить и недругу не мстить»¹.

В Указе «О должности Сената», изданном в декабре 1718 года, Петр I предписывал сенаторам иметь в памяти царские указы и не откладывать их исполнение. Неисполнение указов он приравнивал при этом к преступлению более опасному для устоев государства, нежели государственная измена. «Ибо как может государство управлено быть, — заявлял он, — егда указы действительны не будут: понеже презрение указов ничем рознится с изменою, и не точию равномерно беду примает государство от обоих, но от сего еще вящще, ибо услышав измену, всяк остережется, а сего никто вскоре почувствует, но мало-помалу все разорится, и люди

модергавшего монарха было повторено в «Уставе морском» 1720 г. См. другие примеры использования в России в первой четверти XVIII в. законодательных актов для закрепления постулатов официальной политической идеологии в книге: Томсиков В. А. История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М., 2003. С. 166–174.

¹ Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1863. Кн. 5. Отд. 3. С. 51. В «Полном собрании законов Российской империи» текст данного Указа отсутствует.

в непослушании останутся; чему ничто иное, токмо общая погибель следовать будет, как то о греческой монархии (т.е. Византии. — В.Т.) явной пример имеем»¹.

Стремление Петра I укрепить режим законности выражал в предельно открытой форме и его Указ от 17 апреля 1722 года, посвященный «хранению прав гражданских». Он примечателен не только своим содержанием, но и стилем изложения, поэтому приведем его полностью:

«Понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всеу законы писать, когда их не хранить, или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти, что нигде в свете так нет, как у нас было, а от части и еще есть, и зело тщатся всякия мины чинить под фортецию правды. Того ради сим указом яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов, и не точию решить, ниже в доклад вписывать, то что напечатано, (как то в 13 день сего месяца в Сенате, хотя и не хитростию при нас учинилось, или подобную тому материю, и требовать на то указу и тем сочинить указ на указ, дабы в мутной воде удобнее рыбу ловить как то чинится ныне в поместном приказе, толкуя наш указ о наследстве² противным образом) не отговариваясь в том ни чем, ниже толкуя иначе. Буде же в тех регламентах что покажется темно, такие дела не вершить, ниже определять, но приносить в Сенат выписки о том, где повинны Сенат собрать все коллегии, и о оном мыслить и толковать под присягою, однакож не определять, но положа на пример свое мнение, объявлять нам, и когда определим и подпишем: тогда оное напечатать и приложить к регламентам, и о том в действо по оному производить. Буде же когда отлучимся вдаль, а дело нужное, то учиняя как выше писано, и подписав всем чинить но не печатать, ниже утверждать вовсе; по тех мест, пока от нас онои опробован на-

¹ О должностях Сената. Именной указ [Декабрь 1718 года] // Законодательство Петра I. С. 76.

² Здесь имеется в виду Указ Петра I от 23 марта 1714 г., установивший новый порядок наследования имущества.

печатан и к регламентам присовокуплен будет. Буде же кто сей наш указ преступит под какою отговоркою ни есть, следуя правилам Гагариновым¹, тот яко нарушитель прав государственных и противник власти, кажнен будет смертию, без всякие пощады. И чтоб никто не надеялся ни на какия свои заслуги, ежели в сию вину впадет. И для того сей указ напечатав внести в Регламент и публиковать. Также по данному образцу в Сенате доски с подно-жием, на которую онои печатной указ наклеить и всегда во всех местах, начав от Сенату даже до последних судных мест, иметь на столе яко зеркало, пред очми судящих. А где такого указа на столе не будет, то за всякую ту преступку сто рублей штрафу в гошпиталь»².

Как видим, государственным преступлением, влекущим за собой смертную казнь, Указ от 17 апреля 1722 года объявлял не только вершение дел вопреки законам, но и попытки самопроизвольно толковать темные места в их текстах. Согласно данному указу допустимым признавалось лишь толкование закона, утвержденное и подписанное государем. В виде исключения разрешалось применять толкование закона Сенатом, но только тогда, когда царь отлучался вдаль. В таких случаях толкование закона не печаталось и не присоединялось к его тексту до тех пор, пока не последует на это царское повеление.

Однако одними призывами и требованиями уважать закон невозможно было заставить его соблюдать. Русское общество никогда не отличалось приверженностью к строгому правопорядку. В условиях же петровских реформ, когда разрушились многие традиционные устои социальной организации, несоблюдение правовых норм в государственной деятельности и в частной общественной жизни стало скорее правилом, чем исключением. Видный публицист петровского времени И. Т. Посошков характеризовал существовавшее положение словами: «Какие указы императорского величества ни состоятся, вси ни во что обращаются,

¹ Сибирский губернатор князь Матвей Гагарин был в 1721 г. предан Петром I смертной казни через повешение за казнокрадство и взяточничество.

² Указ о хранении прав гражданских, 1722 г., апреля 17 // Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 186–188.

но всяк по своему обычаю делает»¹. Историк В. О. Ключевский отмечал, что «непослушание чиновников предписаниям высшего начальства и даже царским указам стало при Петре настоящей язвой управления, превосходившей даже смелость старых московских дьяков, которые, бывало, на 15-м указе непременно послать подьячего по делу стойко помечали: “и по тому его великаго государя указу подьячий не послан”»².

Не ограничиваясь призывами и требованиями к государственным служащим вершить дела по закону, Петр I периодически прибегал к показательным наказаниям нарушителей его указов. В «Полном собрании законов Российской империи» можно найти много подобных случаев. Так, 16 февраля 1700 года Именным, состоявшимся в Ратуше, указом царь повелел: «Из Путивля и Орла стольников и воевод Ксeneфона Алымова, Леонтия Шеншина, по отпискам тех городов бурмистров на них воевод, во ослушании Его Великого Государя Именных указов, каковы к ним посланы, что торговых тутошних и приезжих всяких чинов людей ведать не велено, а они, воеводы, чрез тот Его Великого Государя указ ведали и взятки имали и били, и в сборах Его Великого Государя помешательства и в земских делах остановления чинили, взять к Москве и допросить и розыскивать в Ратуше, так же и в иных которых городах воеводы такое же ослушание чинили и торговых людей сами ведали, или побои и наругательства и взятки, также и в сборах и в земских делах остановки чинили: и тех потому ж взять и впредь имать к Москве и розыскивать в Ратуше ж»³.

Прежде чем требовать соблюдения закона, его содержание необходимо было сделать известным обществу. Петр I проявлял об этом особую заботу, предписывая своими указами доводить изданные узаконения до всеобщего сведения. В качестве примера можно привести Именной, объявленный из Сената указ от 16 марта 1714 года, которым государь напоминал о том, что «Его Царского Величества Именные указы», а также Сенатские приговоры

¹ Полосков И. Т. Книга о скудости о богатстве. М., 1951. С. 91.

² Ключевский В. О. Сочинения. М., 1958. Т. 4. С. 177.

³ 1-ПСЗРИ. Том 4. № 1760. С. 12–13.

о «всяких Государственных генеральных делах» «надлежат ко всенародному объявлению» и что эти указы и объявленные письма надобно «посыпать по-прежнему, в губернии к губернаторам, и в приказы к судьям, а для всенародного объявления велеть в типографии печатать и продавать всем, дабы были о том сведомы, и о том в губернии и в приказы указы посланы»¹.

Напечатанные в типографии тексты законодательных актов рассыпались в местные органы управления, их зачитывали по несколько раз в церквях и на площадях различных городов и селений, расклеивали на центральных улицах. Способы доведения содержания того или иного закона до общего сведения иногда устанавливались в самом этом законе. Так, в заключительной статье Указа от 23 марта 1714 года, посвященного наследованию имений, предписывалось: «А буде явятся какие дела впредь, что сим указом решить их невозможно, и о тех делах доносить на писме в Сенате, где на то положены будут особяя пункты и выданы будут в народ печатью, как и сеи указ»². При утверждении данного указа Петром I на его тексте была начертана резолюция: «Сей Указ напечатать и публиковать во всем государстве». В преамбуле к «Артикулу воинскому» 1715 года предписывалось: «И дабы неведением никто не отговаривался, надлежит сеи артикул на смотрах, а особливо при всяком полку по единожды прочитать в неделю, чтоб всяк своего стыда, наказания и безчестия удалялся и бегал, против тогож о благодействии, храбости и повышении прилежание имел»³. Обязанность знания правовых норм и принцип, согласно которому незнание закона не может являться оправданием, провозглашались и в Воинском уставе 1716 года. В преамбуле к нему сообщалось, в частности, что данный устав был составлен для того, чтобы «всякой чин знал

¹ Именной указ, объявленный из Сената, от 16 марта 1714 года «О обнародовании всех Именных указов и Сенатских приговоров по Государственным генеральным делам» // 1-ПСЗРИ. Том 5. № 2785. С. 88–89.

² О наследии имений. Именной указ [Марта 23 дня 1714 года] // Законодательство Петра I. С. 702.

³ Артикул воинский. [Апреля 26 дня 1715 года] // Законодательство Петра I. С. 751.

§ 2. Систематизация российского законодательства в период правления Петра I

свою должность и обязан был своим знанием, и неведением не отговаривался»¹.

Знание законов Петр I вменял в обязанность всем должностным лицам государственного управления. В его Именном указе от 22 января 1724 года «О важности Государственных уставов и о неотговорке судьям неведением законов по производимым делам под опасением штрафа» говорилось: «Надлежит обретающимся в Сенате, Синоде, Коллегиях, Канцеляриях и во всех судных местах всего Государства ведать все уставы Государственные и важность их, яко первое и главное дело, понеже в том зависит правое и незазорное управление всех дел, и каждому для содержания части своей и убежания от впадения неведением в погрешение, и в наказание должно. И дабы впредь никто неведением о Государственных уставах не отговаривался..., и для того отныне, ежели о каком указе, где при каком деле помянуто будет, а кто в то время не возмет того указа смотреть и пренебрежет, а станет неведением после отговариваться: таких наказывать в первые отнятием чина на время и штрафу, год жалованья, в другой ряд — третьею долею всего движимого и недвижимого имения, в третьей раз — лишением всего имения и чина вовсе»².

§ 2. Попытки систематизации российского законодательства в период правления Петра I и их значение для развития юриспруденции

Петровские реформы сопровождались резкой активизацией законодательной деятельности. Новых законов с каждым годом принималось все больше. В среднем на протяжении первой четверти XVIII столетия принималось почти две сотни царских указов в год. Столь интенсивная законодательная деятельность способствовала усилению хаоса в правовой системе России. К тому же многие из принятых законов, юридически оформлявших новые государственные порядки, устанавливали принципы и нормы, противоречившие началам и нормам прежнего законодатель-

¹ Устав воинский. [Марта 30 дня 1716 года] // Законодательство Петра I. С. 156.

² 1-ПСЗРИ. Т. 7. № 4436. С. 216.

ства. При этом происходившие в общественной жизни перемены требовали издания новых и новых узаконений. В этих условиях поддерживать режим законности было чрезвычайно трудно.

Одним из способов решения данной проблемы считалось первоначально пополнение новыми правовыми нормами Соборного уложения и принятых после него актов — так называемых «новоуказных статей». Именным указом царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 6 июня 1695 года было повелено: «Во всех приказах, в которых какие дела надлежат, а на те дела в Уложене и в новоуказных статьях статьи есть, а в тех статьях к вершению что не-пополнено: и для пополнения тех статей, также на которые дела к вершению в Уложене и в новоуказных статьях статей нет и для вершенья таких дел написать на пример статьи, вновь применяясь к прежним Их Великих Государей указам и ко Уложению ж и к новоуказным статьям и к вершению делам, к которым делам что пристойно, и учинить во всяком приказе докладные выписки с теми статьями, в которых приказах какие статьи надлежат; и быть тем выпискам с теми статьями в тех приказах в готовности до Их Великих Государей указа»¹.

Указом Петра I от 18 февраля 1700 года² было предписано служилым людям заняться Уложением, а именно: «с Уложен-

¹ Именной указ от 6 июня 1695 года «О сочинении во всех приказах проектов для пополнения Уложения и новоуказных статей» // 1-ПСЗРИ. Том 3. № 1513. С. 204.

² Именной указ от 18 февраля 1700 года «О заседании в Государевых Палацах боярам для учинения свода Уложения и всех указов, после того состоявшихся // 1-ПСЗРИ. Том 4. № 1765. С. 14. В рукописном экземпляре Указа, который находился во Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии в то время, когда там велись работы по составлению «Полного собрания законов», стоит дата 27 февраля — после нее следует его текст (см.: Материалы для Сводного уложения 1701 года // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1863. Кн. 5. Отд. 3. С. 45–46). Однако, записи за 1700 г. в журналах, именуемых «Дворцовыми разрядами», показывают, что данный Указ был принят именно 18 февраля. Среди записей, датированных этим днем, есть такая: «Февраля в 19 день (января ошибка переписчика: должно быть в 18 день — следующая за ней другая запись датирована именно 18 февраля) Великий Государь... Петр Алексеевич... указал: с прежнего Уложения 157 году и с новоуказных статей и с своих Великого Государя новосостоительных указов... сделать Уложение» (см.: Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Том 4. 1676–1701. СПб., 1855. Стлб. 1119).

ной книги 157 году¹, и с Именных указов и с новоуказных статей, которые о Их Государских и о всяких земских делах состоялись после Уложения, сделать вновь, снесши Уложение и новые статьи, которые состоялись сверх Уложения, и которые дела вершены, а в Уложение и в новоуказных статьях об них не положено»². Для такой работы царь привлек 71 человека из представителей служилого сословия: бояр, окольничих, думных и московских чинов людей, а также дьяков. В помощь им, для ведения делопроизводства, Петр I повелел «взять подъячих добрых, из старых и из молодых»³. Указ поручал дьякам списать списки с текстов узаконений, находившихся в их приказах, и передать («взнесть») их «в Палату к слушанию к боярам». При этом дьякам велено было слушаться бояр и вносить «в Палату к боярам, которые у Уложения», все, что «к тому новому Уложению надобно будет». В списке бояр, вошедших в состав Палаты, первым стояло имя князя Ивана Борисовича Троекурова⁴. Он, по всей видимости, и являлся руководителем работ по составлению нового Уложения. В исторической литературе указанная «палата» называется «комиссией». М. М. Сперанский в своем «Обозрении исторических сведений о своде законов» назвал указанных бояр «первой комиссией», отметив, что «она именовалась Палатою об Уложении»⁵. По словам В. Н. Латкина, «18 февраля 1700 г. состоялся царский указ, которым учреждалась особая Палата о Уложении, т. е. комиссия, обязанная заняться пересмотром и исправлением Уложения 1649 г., переставшего уже регулировать юридическую жизнь государства

¹ То есть 7157 года от сотворения мира, что соответствует 1649 году от рождения Христа.

² 1-ПСЗРИ. Том 4. № 1765. С. 14.

³ Там же.

⁴ Список основных членов комиссии, приведенный в проекте царского манифеста о введении нового Уложения в действие, начинался именно с князя Троекурова: «И то его великого государя царственное и земское дело утвердить и на мере поставить боярам князю Ивану Борисовичу Троекурову, князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому, князю Михаилу Никитичу Лову, окольничим князю Федору Ивановичу Шеховскому, князю Дмитрию Нефедьевичу Щербатову...» (см.: Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 5. Отд. 3. С. 49).

⁵ Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. С. 12.

и удовлетворять новым требованиям последней»¹. Между тем слово «комиссия» в данном Указе не употреблялось. Данный термин был впервые употреблен для обозначения лиц, которым поручалось составление уложения, только в 1728 году — в документах Верховного Тайного совета².

Заседания «Палаты об Уложении» начались с 27 февраля 1700 года. Сначала в распоряжении ее членов был только печатный текст Соборного уложения, который для удобства работы с ним отделили от переплета и переписали по главам в отдельные списки. Затем, по мере слушания глав Уложения, в их распоряжение стали поступать из приказов списки с законов, принятых после Соборного уложения. В июле 1701 года «Палата» завершила рассмотрение всех глав Уложения и новоуказных статей, дополнивших их текст. По всей видимости, к августу того же года Новоуложенная книга была если не окончательно, то в основном готова. Был начертан даже проект царского манифеста о ее введении в действие³. Завершался он словами: «Писан сей великого государя указ и соборное сие Уложение в царствующем великому граде Москве, в его великого государя царских полатах, в лето от сотворения мира 7210, а от Рождества по плоти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1701 году месяца (пробел) дня»⁴.

Содержание данного проекта, составленного по образцу прембулы к Соборному уложению 1649 года, весьма любопытно: оно раскрывает причины, побудившие Петра I к созданию нового Уложения, и материалы, на основе которых оно составлялось. В проекте говорилось, в частности: «Ведомо ему великому государю учнилось, что в его великого государя державе, в царствующем граде Москве и во многих городах, всякого чину священни-

¹ Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование. СПб., 1887. Т. 1. С. 1.

² См.: Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета. Ч. 5 (январь — конец июня 1728 г.) / Под редакцией Н. Ф. Дубровина // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1891. Т. 79. С. 222, 267.

³ Материалы для Сводного уложения 1701 года // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1863. Кн. 5. Отд. 3. С. 46–51.

⁴ Там же. С. 51.

цы и монахи и простые по монастырям и по пустыням непокоряющиеся истине крамольники и раскольники и по домам ради самомнения своего, а иные человекаугодия, чем бы прокормитца безумием своим и самомненным обычаем воздавающе злохульные слова на святые Божие церкви и на святые таинственные чины и на архиерейский чин, не токмо сами погибли, но и иных неразумных вечной погибели общники себе сотворили. Да на Москве ж и в городах ему великому государю священного и мирского чину люди бьют челом неправдою, и ищут исцы исков своих затевая напрасно, а ответчики в прямых исках отвечают неправдою ж составными своими вымыслами, хотя теми составными ответами прямых исков напрасно отбыть, а иные исцы и ответчики, для таких же своих коварств и неправд, нанимают за себя в суды и в очные ставки всяких чинов людей ябедников и составщиков, воров и душевредцов, и за теми их воровскими и ябедническими и составными вымыслами и лукавствами в вершенье тех дел правым и маломощным людям чинитца многая волокита и напрасные харчи и убытки и разоренья, а винным, что довелось по его великого государя указу и по Уложеню чинить указ, отбывательства и продолжение, и иные многие и бесчисленные всякого чина в людях между себя умножилась нелюбовь и ссоры, и немилосердия, и обиды и драки великие и бои, разбои, татбы и кражи. И чтобы те все неполезные дела, паче же и грешные и миру досадительные, яке деются всякого чина в человечех, отсещи, указал Он, Великий Государь, учинить новое свое Великого Государя повеление и Соборное Уложение, списав и справя с прежним Уложенем, которое изложено и напечатано в прошлых во 156 и во 157 годех, по указу отца Его Великого Государя, блаженные и преславные памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, по совету ж со святейшим Иосифом, патриархом Московским и всеа России, и с преосвященными митрополиты, и архиепископы, и епископы, и со всем освященным собором, и по приговору бояр, и околничих, и думных людей собрано и учинено, и их архиерейскими и бояр, и околничих, и думных, и ближних и всего Московского Государства к тому делу выборных людей руками укреплено и подтверждено. Также которые статьи написаны в правилах святых Апостол и святых Отец, и в грацких

законех Греческих православных Царей, и прежних Великих Государей Царей и Великих Князей Российских, и которые дела на Москве в Его Великого Государя и в Патриарше Приказех слушанья блаженные и преславные памяти отца Его Государева, Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца, и братей Его Государевых, Великого Государя Царя и Великого Князя Федора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца, и Великого Государя Царя и Великого Князя Иоанна Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца, и Его Великого Государя указы и святейших вселенских и Московских патриархов соборного их слушанья и боярские приговоры, которые статьи сверх Уложенъя и новоуказных статей по вершеным делам состоялись, а в Уложенъе и в новоуказных статьях об них на всякие государственные и земские дела не положено, а приличны они к Его Великого Государя указом и к сему Соборному Уложению собрать, и те их Государские указы и боярские приговоры с старыми Судебники и с прежним Уложенъем справити и написать и изложить»¹.

Проект нового Уложения вместе с проектом манифеста о введении его в действие был представлен на рассмотрение и одобрение Петру I. Однако царь по какой-то причине отказался утвердить его². В августе 1701 года «Палата об Уложении» возобновила свою работу и заседала до 14 ноября 1703 года³. Новоуложенная книга была дополнена новыми статьями, но и такой ее вариант не получил одобрения со стороны государя.

¹ Материалы для Сводного уложения 1701 года // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1863. Кн. 5. Отд. 3. С. 47–49.

² В. Н. Латкин высказал мнение о том, что Петр I не дал своего одобрения проекту нового Уложения потому, что в нем обнаружились «значительные неисправности в его составлении, выразившиеся главным образом в пропуске многих указов и новоуказных статей, оставшихся таким образом несведенными с прежним Уложением» (Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1890. С. 239; Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. С. 14).

³ См. об этом: Поленов Д. В. Материалы для истории русского законодательства, издаваемые Вторым Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 1. Палата об Уложении. СПб., 1865. С. 6–7.

* * *

Именным указом от 20 мая 1714 года Петр I повелел «всяко-го чина судиям всякие дела делать и вештить все по Уложению; а по новоуказным пунктам и сепаратным указам отнюдь не делать, разве тех дел, о которых в Уложении ни мало не помянуто: а учинены на то не в премену, но в дополнение Уложению, ново-указные пункты; и того ради те пункты приемлются во исполнение оного законного Уложению, дондеже оное Уложение, для недовольных в нем решительных пунктов, исправлено и в народе публиковано будет: понеже в Уложении того не обретается. А те все указы, которые учинены не в образец, также, которые учинены противно Уложению, и прочие тому подобные, хотя помечены именными указы, и палатными приговоры, все отставить, и на пример не выписывать, и вновь таких указов отнюдь не делать. А которые дела по сим указам прежде всего и вештены, оный по челобитью перевершивать по окончании сей настоящей войны»¹. В конце этого Указа давалось распоряжение Сенату рассмотреть указы, дополняющие Соборное уложение, «избрать из них приличные к истине и сделать на всякий предмет один указ»².

Изданный 3 июня 1714 года во исполнение приведенного царского Указа Сенатский указ предписал: «В Москве изо всех Приказов собрать новоуказные статьи, которые наперед сего были записаны Именными указами и Боярскими приговорами, в по-полнение Уложенья, и которые определены опричь Уложенья; а собрав учинить выписки по Приказам, росписав именно, что таких статей, которые следуют на Уложенье, и что в которой сверх Уложенья прибавлено или убавлено; также что таких, которые

¹ О вештении дел по Уложению, а не по новоуказным статьям. Именной указ [Июня 15 дня 1714 года] // Законодательство Петра I. С. 749; 1-ПСЗРИ. Том 5. № 2828. С. 116–117. В официальных публикациях этот Указ датировался 15 июня — днем, когда он был напечатан. Между тем его текст поступил в Сенат 20 мая. И во исполнение его 3 июня был издан Сенатский указ «О собрании в Москве из Приказов новоуказных статей, о учинении из них выписок и о присылке оных в Сенат» (см.: 1-ПСЗРИ. Том 5. № 2819. С. 112–113).

² Данная концовка Указа от 20 мая (15 июня) 1714 г. отсутствует в его публикации в сборнике «Законодательство Петра I» и в «Полном собрании законов Российской империи», поэтому я привожу ее по цитате из книги С. В. Пахмана «История кодификации гражданского права в России» (М.: Зерцало, 2004. С. 224).

опричь Уложенья к решению дел учинены; а в Уложенье оных не напечатано, и по каким делам и в которых городах и месяцах и числах те новоуказные статьи учинены; и учиняя те выписки с ясным росписанием сделать из них табель; по Приказам же и с валовым перечнем против нижеписанного табеля; и для того дела взять из тех Приказов по дьяку и к ним подъячих, кто им будет надобен и определить им место в канцелярии Сената господину Апухтину¹.

М. М. Сперанский понял эти указы так, будто они создавали новую законодательную комиссию — «вторую» по счету², на которую возлагалась задача создать «сводное уложение», то есть «такой состав действующих законов, в коем бы Уложение 1649 года, занимая главное место, было пояснено и дополнено последующими узаконениями»³. О комиссии, называя ее «апухтинской», писал и Д. И. Беляев. По его словам, «апухтинская комиссия, кажется, собрала изданные указы и росписала их по указанной табели: вследствие того 17 сентября 1717 года даны из Юстиц-Коллегии дьякам Поместного Приказа пункты о составления свода полного уложения. Что составили и составили ли что дьяки Поместного Приказа по пунктам, данным из Юстиц-Коллегии — мы не знаем, только в 1719 году был прислан в Сенат именной царский указ, чтобы с 7 января 1720 года начать слушать Шведское Уложение»⁴. Эти слова повторил в своей книге о законодательных комиссиях в России в XVIII столетии В. Н. Латкин⁵, но вместе с тем он высказал предположение о том, что в работе по составлению сводного уложения «приняла также участие вышеназванная комиссия»⁶.

В своем «Обозрении исторических сведений о своде законов» Сперанский написал, что «с 1714 по 1718 год, по препоручению Сената, в Канцелярии Земских Дел и в Поместном Приказе со-

¹ 1-ПСЗРИ. Том 14. № 2819. С. 112.

² Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. С. 12–13.

³ Там же. С. 46.

⁴ Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 709.

⁵ Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. С. 19.

⁶ Там же. С. 20.

ставлено 10 глав сего, так называемого, *Сводного Уложения*; но они не окончены и остались без рассмотрения и без последствий¹.

Внимательное чтение Именного указа Петра I от 20 мая 1714 года и принятого 3 июня для его исполнения Сенатского указа заставляет думать, что замысел царя заключался в данном случае *не в составлении нового Уложения, но лишь в издании новой редакции Соборного уложения 1649 года, в которой прежний текст этого свода обновлялся правовыми нормами, появившимися после его издания и заполнявшими обнаружившиеся в нем пробелы*. Именно поэтому государем было повелено «всякие дела делать и вершить все по Уложению; а по новоуказным пунктам и сепаратным указам отнюдь не делать». И именно по этой причине было приказано отбросить новоуказные статьи, противоречившие статьям Уложения.

В. Н. Латкин краткое описание всей этой истории завершил словами: «Таким образом, и вторая комиссия ровно ничего не сделала². Тем самым он повторил сказанное Сперанским. Однако в примечании к этим словам Латкин сообщил весьма любопытный факт, который подтверждает мое мнение о том, что «второй комиссии» в действительности не было, поскольку Петр I неставил в 1714 году задачи составить новое Уложение, но вел лишь речь о необходимости выпустить новую редакцию прежнего Уложения, изданного в правление его отца — царя Алексея Михайловича. «Нужно заметить, — написал в примечании Латкин, — что о деятельности этой комиссии до нас почти не дошло никаких известий. В архиве Кодификационного Отдела при Государственном Совете (бывш[его] II Отделения), хотя и имеется шкаф с надписью: «Дела с 1714 г.», но все наши поиски в нем оказались тщетными и мы не нашли ни одного документа, относящегося до истории законодательной комиссии 1714 г. В шкафе хранятся дела с 1700 по 1703 г. и затем с 1720 г. Дел же с 1714 по 1719 г. (включительно) никаких не имеется, по крайней мере, мы их не могли найти»³. Интересно, на каком же тогда основании Сперан-

¹ Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. С. 13.

² Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. С. 20.

³ Там же.

ский сделал вывод о том, что в 1714 году Петр I создал «вторую комиссию» для составления «сводного уложения»?

Что же касается так называемой «апухтинской комиссии», то и относительно нее возникают серьезные сомнения. Современный историк А. С. Замуруев, специально занимавшийся этим вопросом, отметил, что «ни о какой “Апухтинской комиссии” в указах речи не было»¹. При этом он обратил внимание на то, что Апухтин «12 июня 1714 года был вынужден сдать заведование денежными дворами в Москве князю П. И. Прозоровскому, а 28 октября по именному указу выехать в Петербург, где его привлекли к суду за крупные финансовые махинации»². «Маловероятно, что В. А. Апухтин мог принять какое-либо участие в задуманной Сенатом работе» — такой, вполне логичный, вывод делает Замуруев. Апухтин действительно привлекался к ответственности за финансовые махинации. В первой книге пятого тома «Докладов и приговоров, состоявшихся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого» приводится приговор, вынесенный 7 мая 1715 года «по челобитью посадского человека Пашина о допросе помещика Арнаутова и Василья Андреевича Опухтина во взятых последним у сына его, Пашина, при подряде его на поставку провианта 1.000 рублей и о выдаче остальных денег за поставленный провиант»³. Сенат приказал челобитнику во взятых деньгах на Василья Опухтина «искать допросом в Росправной Палате и пристать ему вновь исковую челобитную»⁴.

* * *

28 апреля 1718 года царь Петр I издал Именной указ, которым повелел всем коллегиям сочинить регламент на основе шведского устава «во всех делах и порядках по пунктам; а которые пункты в Шведском Регламенте неудобны или с ситуациою сего Государ-

¹ Замуруев А. С. Существовала ли законодательная комиссия 1714 г.? // Замуруев А. С. Работы разных лет. Псков, 2006. С. 60.

² Там же.

³ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под редакцией академика Н. Ф. Дубровина. Том 5. Книга 1 (январь–июнь). СПб., 1892. С. 389–393.

⁴ Там же. С. 393.

ства несходны, и оные ставить по своему рассуждению, и поставя об оных, докладывать, так ли им быть»¹. В ответ на этот Указ президент Юстиц-коллегии А. А. Матвеев подал государю 9 мая того же года доклад «Об устройстве судебных мест по примеру Швеции, о переводе шведского уложения и об учинении свода российских узаконений со шведскими». Его величеству задавались в нем вопросы, которые неизбежно могли возникнуть при исполнении поручения сочинить регламент для коллегий на основании шведского устава. Вместе с тем в докладе содержалось предложение привлечь к составлению Уложения, соединяющего российские узаконения со статьями шведского устава, таких лиц из русских и немцев, которые являются их знатоками, а именно: «особ, сведомых в тех правах».

Петр I в своих резолюциях по вопросам и предложениям доклада выразил замысел составить один устав или уложение, сведя в нем воедино нормы русского уложения и шведского устава. При этом он отверг идею приглашения сторонних знатоков русского и шведского законодательства. «Сводить самим по данному указу»², — гласила его резолюция в конце доклада.

В течение лета и осени Юстиц-коллегии удалось с помощью Поместного приказа и Канцелярии земских дел свести со статьями шведского Земского уложения семь наиболее сложных и объемных глав Соборного уложения (10, 16, 17, 16, 20, 21, 22)³. Это позволило приступить к рассмотрению текста сводного Уложения в Сенате.

9 декабря 1719 года Именным указом, данным Сенату, царь повелел: «Уложение начать слушать генваря с 7 дня 1720 года, и положить, по скольку дней и часов оное в неделю слушать, чтоб

¹ 1-ПСЗРИ. Том 5. № 3197. С. 565.

² Высочайшая резолюция от 9 мая 1718 года на доклад Юстиц-Коллегии «Об устройстве судебных мест по примеру Швеции, о переводе шведского уложения и об учинении свода российских узаконений со шведскими // 1-ПСЗРИ. Том 5. № 3202. С. 568–569.

³ Этот факт установил по материалам Российского государственного архива древних актов историк А. С. Замуруев. См. его кандидатскую диссертацию «Проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг. — памятник отечественной политico-правовой мысли» в издании: Замуруев А. С. Работы разных лет. Псков, 2006. С. 180–182.

того же года, в последних числах октября, было готово». При этом его величеством устанавливались следующие принципы отбора правового материала в новое уложение: «Слушаючи оное, которые пункты покажутся не сходны к Нашему народу, то против оных, из старого Уложеня или новые пункты делать. Також ежели покажутся которые в старом Уложене важнее, нежели в Шведском: те тако ж противу написать, и все то Нам к слушанью изготавить к вышеписанному числу, конечно. Для поместных дел взять права эстляндские и лифляндские, ибо оные сходне и почитай одним манером владение имеют, как у нас». Заканчивался данный Указ обещанием Петра I жестоко взыскать, если он «пренебрежен будет»¹.

Сенаторы начали слушания составленных частей сводного Уложения, как и было им предписано царем, то есть с 7 января 1720 года, и сразу же обнаружили массу недоработок. Дьяки и подьячие, которым было поручено свести статьи Соборного уложения 1649 года со статьями шведского Уложения 1608 года, свели не статьи, а главы. К тому же они не учли новоуказные статьи, дополнявшие и изменявшие содержание Соборного уложения. Сенаторы приняли поэтому решение возвратить в Юстиц-коллегию поступившие к ним на рассмотрение главы сводного Уложения. К августу они снова получили для слушания главы этого сборника — на этот раз доработанные и дополненные новыми материалами.

8 августа 1720 года Сенат своим указом постановил, кому быть «у сочинения Уложеня российского с шведским». Была создана комиссия, в которую включили трех иноземцев, состоявших на русской службе (вице-президентов Камор-Коллегии и Юстиц-Коллегии Нирота² и фон Бревера соответственно и советника Вольфа), и пятеро русских (надворного и поместного судей Степана Клокачева и Афанасия Козмина-Короваева, обер-комиссара Ефима Зыбина, советника Ревизион-Коллегии Федора Наумова

¹ Именной указ, данный Сенату, от 9 декабря 1719 года «О начатии заседаний для слушания Уложения с 7 января 1720 года» // 1-ПСЗРИ. Том 5. № 3463. С. 759–760.

² Имеется в виду барон М. Ф. фон Нирот.

и ландрихтера Санктпетербургской губернской канцелярии Феодосия Манукова). В помощь им дали двух секретарей, для писарских работ при составлении Уложения назначили подьячих из коллегий и канцелярий, обещали дать и переводчиков, если они понадобятся. Обязали всю комиссию «сидеть» для сочинения Уложения по три дня в неделю и обнадежили ее, что на каждом из этих заседаний будет присутствовать один из сенаторов, сменяя друг друга¹. Впоследствии состав указанной комиссии неоднократно менялся, из-за смерти отдельных ее членов² или по другим причинам.

По мнению А. С. Замуруева, «создать для подготовки цельного проекта российского Уложения особую комиссию» Сенат вынудил «большой объем предстоящих работ»³. Думается, это слишком упрощенное объяснение. Состав учрежденной Сенатским указом от 8 августа 1720 года комиссии весьма показателен: в нее были включены совсем не случайные люди. Все трое иностранцев, вошедших в комиссию, были знатоками шведского законодательства и судоустройства⁴. Члены же комиссии из русских занимали важные административные должности и уже в силу этого должны были хорошо знать русское законодательство. Не случайным был подбор и секретарей. Их избрали из числа дьяков, которые уже занимались подбором узаконений для сводного Уложения и знали иностранные языки. Ставший секретарем комиссии И. П. Веселовский знал, например, несколько современных европейских языков и латынь. Создать для составления нового Уложения комиссию сенаторов побудил не большой объем предстоявших работ, а их особая сложность, требовавшая специальных знаний. Отдав это дело в руки настоящих знатоков шведского и российского законодательства, Сенат мог не беспокоиться за его

¹ Сенатский указ от 8 августа 1720 года «О сочинении Уложения» // 1-ПСЗРИ. Том 6. № 3626. С. 230.

² Осенью 1720 г. умер А. А. Козмин-Короваев (Кузмин-Караваев), 2 июля 1721 г. — Г. И. фон Бреверн, в феврале 1725 г. вышел в отставку М. Ф. фон Нирот (см. об этом: Серов Д. О. Судебная реформа Петра I. М.: Зерцало-М, 2009. С. 393).

³ Замуруев А. С. Работы разных лет. С. 184.

⁴ Г. И. фон Бреверн и М. Ф. фон Нирот имели опыт работы в судебных органах, С. А. Вольф переводил для Сената законы Швеции.

исход и предоставить им большую самостоятельность, отойдя в сторону. Так и произошло на самом деле.

31 августа те, кому Сенат повелел быть «у сочинения Уложения российского с шведским», собирались на свое первое заседание. В сентябре они заседали шесть раз, в октябре — восемь, в ноябре — шесть, в декабре — одиннадцать. Сенаторы же спустя полтора месяца после начала работы комиссии приняли решение предоставить ей больше свободы действий. В изданном 17 октября 1720 года Сенатском указе говорилось: «Правительствующий Сенат изволили приказать, дабы заседающие при Уложении члены, за случающимися их Высокоправительствующего Сената нужды, Уложение сочиняли и одни, и тое свое сочинение предлагали им Высокоправительствующему Сенату или определенному от них одной персоне, однакож и потом в иные дни от Правительствующего Сената по одной персоне также заседание имел бы»¹.

В конце октября 1720 года истек срок представления государю сводного Уложения, но сенатская комиссия в это время была в самом начале своей работы. По первоначальному замыслу, сформулированному на заседании комиссии 7 декабря 1722 года, он должен был состоять из трех книг: книга первая — «О земском суде», книга вторая — «О криминальных делах», книга третья — «О делах гражданских»². 9 января сенаторы одобрили такую структуру нового Уложения. Однако члены комиссии через полгода изменили свое мнение о его системе. Им показалось целесообразным построить ее из двух частей и шести книг. На основе ряда сохранившихся документов уложенной комиссии можно предположить (с большой долей уверенности), что общая система нового Уложения должна была иметь приблизительно следующий вид:

Часть первая. Процессуальное право.

Книга первая. «О процессе, то есть тяжбе или деле судебном и о лицах, к суду подлежащих».

Книга вторая. «О процессе в государственных, розыскных и пыточных делах».

¹ Сенатский указ от 17 октября 1720 года «О сочинении Уложения» // 1-ПСЗРИ. Том 6. № 3661. С. 248.

² См.: Замуруев А. С. Работы разных лет. С. 200.

Часть вторая. Материальное право.

Книга третья. «О криминальных делах».

Книга четвертая. «О гражданских делах».

Книга пятая. «О государственных злодействах».

Книга шестая. «О публичных преступлениях»¹.

Эта система нового Уложения обсуждалась на заседании комиссии, состоявшемся 5 августа 1723 года. На этом же заседании был рассмотрен и проект манифеста о введение его в действие. Однако данный замысел осуществить не удалось. Причин было несколько. Одной из них стала смерть Петра I. Серьезные трудности для доработки нового Уложения создавал недостаток квалифицированных законоискусников. Но главная причина неудачи и этой попытки систематизировать действующее законодательство заключалась в порочности самого замысла соединить нормы русского права со шведским в едином своде.

По мнению М. М. Сперанского, работа данной комиссии, составленной из иностранцев и русских, была изначально обречена на неудачу. «Легко можно представить препятствия, кои и на сем новом пути встретились от разности в языке, от недостатка сведущих людей, от коренного несходства двух разных систем законодательства и особенно от того, что собственное свое законоположение, разнообразное и противоречащее, не было еще сводом установлено, и, следовательно, не представляло никакой возможности определить с достоверностию, что должно в нем считать действующим и что отмененным. От сего новая Комиссия, многократно изменяясь в составе своем, после тщетных начинаний с кончиною императрицы Екатерины Первой пресеклась, не оставив по себе никаких последствий»².

Таким образом, все попытки Петра I создать в России новый свод законов оказались неудачными. Тем не менее, они не были бессмысленными уже хотя бы потому, что выявили истинное состояние русской правовой культуры вообще и качество русской юриспруденции в частности.

¹ Замуруев А. С. Работы разных лет. С. 202.

² Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. С. 14–15.

Неудачи работ по систематизации российского законодательства, предпринимавшихся в период царствования Петра I, были предопределены уже самой их методикой, которая в большинстве своем состояла из приемов, использовавшихся при создании Соборного уложения. Она позволяла успешно решить задачу создания свода законов в условиях стабильной общественной обстановки и при наличии законодательства, формировавшегося постепенно — на протяжении многих десятилетий и потому лишенного резких противоречий. Но в условиях первой четверти XVIII века, когда объем законодательного материала возрос в несколько раз и законодательная деятельность стала намного более интенсивной, когда в результате реформ появилось множество новых законов, противоречивших прежнему законодательству, эта методика не могла принести успеха. Для создания в таких условиях приемлемого по качеству нового уложения требовалась принципиально другая методика систематизации действующего законодательства — совокупность приемов, предполагающих применение научных критериев классификации правовых институтов, использование теоретических принципов расположения правового материала. А это, в свою очередь, подразумевало существование теоретической или научной юриспруденции и ее носителей — ученых-правоведов.

Формирование в России научной юриспруденции становилось все более необходимым и по другой причине. В результате петровских административных реформ появилось много новых правительственные и судебных учреждений и соответственно возникла повышенная потребность в достаточно широком круге лиц, знающих законы и обладающих навыками ведения судебных дел.

§ 3. Попытки самодержавной власти создать систему подготовки законоведов на основе изучения научной юриспруденции. Петр I и Г. В. Лейбниц

Петр I попытался сначала решить эту проблему с помощью иностранцев. Так, в 1715 году он поручил генералу Адаму Адамо-

вичу Вейде разыскать в Лифляндии и за границей людей, обученных наукам, и в том числе юриспруденции, для государственной службы в России. Отправляясь на охоту за иностранными талантами, Вейде 15 августа указанного года обратился к царю с докладом с целью разрешения ряда вопросов, неизбежно возникавших в связи с приглашением иностранцев на русскую службу. В частности, генерал спрашивал его величество: «Понеже мне повелено ученых и в правостях искусственных людей, для отправления дел в коллегиях, достать, для того я в нижайшем подданстве требую резолюции, какой трактамент мне каждому обещать и давать ли им свободные квартиры». Петр I начертал на это следующую резолюцию: «По 500 рублей и готовый, без найму, двор»¹.

Поручение найти за границей для службы в российских коллегиях опытных чиновников царь Петр давал в 1715 году и Абрааму Петровичу Веселовскому. «Господин Веселовский! — писал государь ему в Вену 16 декабря. — По получении сего старайся, дабы сыскать тебе в нашу службу из шрейберов (писарей. — В. Т.) или из иных невысоких чинов из приказных людей, которые бывали в службе цесарской из бемчан, из шленцев или из моравцов, которые знают по-словенски, ото всех коллегий, которые есть у цесаря (кроме духовных) по одному человеку; и чтоб они были люди добрые и могли те дела (в которых коллегиях они бывали) здесь основать. И как их приищешь и станешь с ними о жалованье договариваться, то наперед к нам пиши, по чем они будут просить»².

Указом от 3 мая 1719 года³ Петр I повелел «призывать в Его царского Величества службу, в обер-аудиторы из чехов, которые юрист-пруденции, а також и словенскому языку искусны, также для такого ж обучения послать туда пять человек из русских шляхетских детей»⁴.

¹ 1-ПСЗРИ. Том 5. № 2928. С. 165.

² Цит. по: *Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Том 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 231.*

³ Данный указ отсутствует в «Полном собрании законов Российской империи».

⁴ *Розенгейм М. Очерк истории военно-судных учреждений в России. СПб., 1878. С. 175.*

Привлекая на русскую службу иностранцев, обладавших юридическими знаниями и опытом работы в бюрократических учреждениях, царь Петр хорошо понимал, что для решения кадровой проблемы одной такой меры недостаточно. Поэтому одновременно с этим он думал над организацией обучения русских юношеским навыкам законоискусства. Самым простым в данной ситуации было отправить их изучать юриспруденцию за границу. Сын царского шута Никиты Зотова Конон Никитич Зотов (1690–1742), прошедший еще в юности за границей обучение морскому делу, в 1715 году был послан во Францию с целью изучения торговых уставов. Правда, одновременно на него было возложено поручение нанять какое-то количество мастеров для работы на российских мануфактурах и кораблях. В письме от 7 октября 1715 года Конон Зотов писал Петру I: «Вашему величеству дерзаю предложить: понеже офицеры в адмиралтействе суть люди приказные, которые **повинны юриспруденцию и прочия права твердо знать**, того ради не худо бы было, если бы ваше величество указал архиерею рязанскому выбрать двух или трех человек лучших латинистов из средней статьи людей, то есть не из породных, ниже из подлых, для того что везде породные презирают труды (хотя по пропорции их пород и имения должны также быть и в науке отменны пред другими); а подлый не думает более, как бы чрево свое наполнить. И тех латинистов прислать сюда, дабы прошли оную науку и знали бы, как суды и всякия судейские дела обходятся в адмиралтействе. Я чаю, что сие впредь нужно будет. Прошу милосердия в вине моей дерзости: истинно, государь, сия дерзость не от единого чего, только от усердия»¹ (выделено мною. — В. Т.).

После создания коллегий Петр I встал на путь организации системы обучения молодых людей, пришедших на государственную службу, навыкам ведения дел при самих коллегиях. Генеральный регламент, принятый 27 февраля 1720 года, устанавливал, чтобы «некоторые удобные люди, которые впредь при канцеляриях и канторах служить пожелают», предварительно допускались в кол-

¹ Цит. по: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Том 1. С. 157.

легии и обучались в них «как писму, так и всем делам, принадлежащим во оном коллегии». Обучение предполагалось при этом осуществлять «прилежным списыванием дел» и практическим их производством «под управлением секретаря»¹.

Согласно Табели о рангах от 24 января 1722 года обладание определенными юридическими знаниями было для низших чиновников необходимым условием производства в более высокий ранг. «Карпоралские и сержантские лета, — предписывал пункт четырнадцатый названного закона, — зачитать тем, которые учились и выучились подлинно, что коллежским правлениям надлежит. А имянно, что касается до правого суда, также торгам внешним и внутренним к прибыли Империи и экономии, в чем надлежит их свидетельствовать. Которые обучатца вышеописанным наукам, тех из колегии посыпать в чужие краи по несколку, для практики той науки. А которые знатные услуги покажут, те могут за свои труды производить ранги выше, как то чинитца и в воинской службе, кто покажет свою какую выслугу. Но сие чинить в Сенате tolko, и то с подписанием нашим»².

В соответствии с пунктом вторым «Инструкции герольдмейстеру», утвержденной императором 5 февраля 1722 года, при Сенате создавалась «краткая школа», в которой надлежало «от всякой знатных и средних дворянских фамилий обучать экономии и гражданству указанную часть»³.

На практике организованное при коллегиях обучение молодых дворян ведению гражданских дел оказалось неэффективным. При каждой коллегии это обучение, осуществлявшееся под общим наблюдением генерал-прокурора, проходили буквально единицы чиновников — от четырех до восьми человек. Несмотря на строгое распоряжение Петра I, чтобы под видом «учения гулянья не было», молодые люди часто просто не являлись на занятия⁴. В Указе от 5 февраля 1724 года признавалось,

¹ Генеральный регламент [Февраля 27 дня 1720 года]. Глава тридцать шестая // Законодательство Петра I. С. 116.

² Табель о рангах [Января 24 дня 1722 года] // Там же. С. 399–400.

³ 1-ПСЗРИ. Том 6. № 3896. С. 499.

⁴ См. об этом: Пятьдесят лет школы для образования военных законоведов в России. СПб., 1882. С. 26.

что «по се время в коллегиях, для вышеозначенного обучения, из шляхетства мало что находится, а в некоторых нет и по одному человеку»¹.

Нежелание молодых дворян обучаться при коллегиях делопроизводству было вполне естественным при том рутинном характере обучения, который здесь практиковался. На это обстоятельство специально обращал внимание С. Е. Десницкий в своей речи «Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства...». По его словам, «никто нетокмо из дворян и достаточных, но ниже из учащихся охотно не желал подвергнуть себя... бесконечной переписке громад бумажных. От чего на последок то произошло, что господа отстали совсем от толь трудных науки, вместо себя определяют теперь слуг своих учиться сему знанию»².

Будучи рутинным по методе, обучение законоискусству в школах при коллегиях являлось вместе с тем и бесплодным. Молодые люди учились в них в большей мере канцелярскому стилю, навыкам красивого и грамотного письма, нежели основам юриспруденции. Кроме того, подготовка законоискусников исключительно путем практических упражнений при отправлении дел в канцеляриях и судах требовала длительного времени. Российское законодательство представляло собой огромную, постоянно возраставшую в своем объеме и при этом бессистемную массу нормативных актов. Очевидно, что в этих условиях более эффективной для обучения юриспруденции становилась система юридического образования, существовавшая в рамках западноевропейских университетов и предполагавшая изучение устойчивых, сущностных свойств правовых институтов — закономерностей их развития и функционирования, выработку навыков юридического мышления, усвоение знаковой системы юриспруденции — ее понятийного и терминологического аппарата. Иначе говоря, в России возникла потребность в юридическом образовании, бази-

¹ 1-ПСЗРИ. Том 7. № 4457. С. 250.

² Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах..., говоренное апреля 22 дня 1778 г. М., 1778. С. 33.

рующемся на фундаменте теоретической или научной юриспруденции.

Правовед Г. С. Фельдштейн при рассмотрении в своей книге по истории науки уголовного права в России вопроса о формировании в период правления Петра I, «наряду с практическим направлением в изучении юриспруденции, течения теоретического» высказал предположение, что мысль о развитии теоретической юриспруденции зародилась у царя «под влиянием его сношений и бесед с Лейбницем». «Не нужно забывать, — отметил он, — что в своих письмах о введении наук в России Лейбниц, в связи со своими теоретическими взглядами на систематизацию наук, обращал внимание Петра В[еликого] на “предмет права естественного и государственного”. Нужно иметь в то же время в виду, что Лейбниц исходил из известной гармонии практической и теоретической сторон преподавания и что разрзнение этих двух сторон ни в каком случае не должно быть возведено к самым намерениям выдающегося философа, оказавшего, в общем, на судьбы юридического просвещения в России значительное влияние»¹.

Немецкий ученый со славянским именем Готфрид Лейбниц (*Gotfried Wilhelm Leibniz*, 1646–1716) действительно состоял в переписке с Петром I² и несколько раз встречался с царем и беседовал на тему развития просвещения в Российской империи. В первый раз они свиделись и имели непродолжительный разговор в июле 1697 года в Ганновере³. Вторая их беседа состоялась в середине октября 1711 года в Торгау (в 140 км к югу от Берлина),

¹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсикова. М.: Зерцало, 2003. С. 58. См. об этом также: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Том 1. С. 29.

² Письма и записки Лейбница к русскому царю опубликованы на языках оригинала в издании: Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Издал В. И. Герье. СПб., 1873. С. 205–206, 217–218, 264–267, 284–286, 311–314, 321–323.

³ В письме к Томасу Бюргнеру от 24 августа 1697 г. Г. В. Лейбниц, делясь своими впечатлениями от встречи с русским царем, писал: «Кстати о москвитянах: надоально, чтобы я вам рассказал о великом посольстве этой империи, в котором находится инкогнито сам монарх. Мы их видели проездом, в соседстве. Хотя у этого государя не наши манеры, это не мешает ему иметь много ума» (цит. по: Пекарский П. П. Переписка Лейбница с разными лицами о славянских наречиях и древностях. По поводу

куда Лейбниц прибыл в свите невесты царевича Алексея брауншвейгской принцессы Софии Христины¹. Хотя и эта беседа была недолгой, Лейбнику удалось заинтересовать Петра I своими идеями, касавшимися законодательной реформы, преобразования государственного управления и суда, реформы образования.

В Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург) среди документов архивного фонда М. М. Сперанского (№ 731) сохранилась запись «истинного содержания» разговора Петра I с Лейбницием в Торгau на двух листах и четырех страницах.

Из нее следует, что в начале своей беседы с русским царем немецкий философ воздал его величеству хвалу за твердость духа и высокую предприимчивость.

Петр I, в свою очередь, посетовал на то, что дела не так быстро совершаются, как его мысль течет, и что «Россия не пришла еще в то положение, не заняла того места в системе Европейской, какое он в понятиях своих ей предназначил».

Лейбниц стал в ответ утешать неистового русского реформатора, убеждая его, что «крутые превращения не прочны».

Но Петр не согласился с этим, заявив, что «для народа, столь твердого и непреклонного, как российский, одни крутые перемены действительны».

Лейбниц далее высказал мнение о том, что «не положив основания перемен во нравах народных, образование его не может быть прочно».

Петр ответил на это, что «нравы образуются привычками, а привычки происходят от обстоятельств. Следовательно, придут обстоятельства, нравы со временем сами собою утвердятся».

Лейбниц счел необходимым сказать царю, что «дотоле все перемены его во внутреннем положении России основаны были на личной предержащей (зачеркн.— самовластии) его силе; что он ничего еще не сделал для внутренней свободы».

письма Лейбница к Петру Великому, 22 января 1715 года // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1864. Т. 4. С. 8).

¹ «Я ездил в Торгau, — признавался позднее Лейбниц, — не столько для того, чтобы посмотреть на свадебное торжество, сколько для того, чтобы видеть замечательного русского царя. Замечательны дарования этого великого государя».

Царь же, упрекнув Лейбница в том, что он «опорочивает кру́тые превращения и сам, однако же, их требует», заявил в ответ: «Политическая свобода государства утверждается на установлениях, установления в России, им сделанные, относятся к ее благосохранению, но плод их зависит от времени». После этого Петр I признался, что не знает, каким образом установления сии произрастят свободу: просвещением или промышленностью. Но без людей просвещенных, сказал он, свобода ничего не значит и имеет только внешние очертания.

Лейбниц, продолжая беседу, заговорил о том, что «перемены сии вообще не нужны, ибо некуда торопиться», что «суммы сче-та во всех почти веках были одинаковы». И перейдя в монолог, стал убеждать Петра I не спешить с преобразованиями. «Оставьте созреть постепенно вашему народу, — говорил он русскому царю. — Что вы хотите? Чтоб ваш народ был столько же счастлив, как другие? Но измерили ли вы их счастье? Сравнили ли количество их наслаждений с их страстями и нуждами? К несчастью, удо-вольствия всегда развиваются вместе с нуждами. Вы прельстились блистательною их наружностью, но то наружность, ибо спросите: 1) менее ли у них преступлений, 2) менее ли тяжб; менее ли само-убийств, 3) менее ли податей, менее ли нищих, 4) более ли семей-ственного счастья, 5) лучше ли у них любят матери своих детей, 6) более ли уважают старость и связи родства? Более ли имеют они здоровья? Сколько у них докторов? В каком содержании умершие и родящиеся? Что произвело их просвещение? Самая математи-ка, открытие нового света, все прихоти промышленности? В чем состоит их свобода? В том, чтоб делать то, что они хотят? Но если они ничего не хотят по своим страстям, кто у них свободен? Не они, а их страсти, они в рабстве. Будьте уверены, государь, что нет другой свободы, кроме разума без страстей, все другие роды свободы суть его призраки... Те, кто даже приняли наше просве-щение, не верят в свободу для разума, ибо науки питают только самолюбие и воспаляют страсти, материя их чувственна. Не там, не в мире совершенном, не в обширном плане бытия человеческо-го взяли они свою точку зрения, ограничив горизонт своей зем-лею, и все думают только о наслаждении чувств и власти. Этому общему тону покорились и государства и государи: они считают химерами истины, взятые из другого мира. Платона считают луна-

тиком, а он один им говорил правду и лучше всех человек видеть один только и мог истинный образ правления».

Закончил немецкий философ этот свой монолог обращением: «Государь, если бы вы вместо всех превращений дали народу свое- му пример умеренности, воспитали доброго наследника... сделали бы такое учреждение, чтобы образ воспитания по смерти вашей продолжался, вы бы сделали более добра вашему народу».

Царь Петр I, выслушав данный монолог, остался при своем мнении. «Ты меня приводишь в молчание, но не убеждаешь», — сообщил он Лейбницу и попросил его никому этого разговора не пересказывать.

Лейбниц ответил, что так и поступит. «Бесполезно рассуждать о сих истинах, — сказал он, завершая свою беседу с русским государем. — Одни их не поймут, другие не послушают, третьяи назовут прелестными химерами, и все пойдет так, как было, доколе великой деснице не будет благоугодно дать вещам другое направление; а сие непременно будет тогда, как пристанет время, в вечном плане для сего предопределенное. Усилия людей тут ничтожны. Лучшие из них должны гордиться только тем, что они сего желали».

Приведенный разговор Петра I с Лейбницием весьма примечателен: он показывает, что русский царь воспринимал рассуждения первого ученого Европы того времени вполне критически и, если нуждался в его советах при осуществлении каких-либо реформ, то исключительно для того, чтобы отточить собственный замысел, усовершенствовать собственный план. Петра I не надо было убеждать в необходимости развития в России просвещения и насаждения системы юридического образования на базе обучения юридическим наукам: он и так хорошо понимал это. Идея создания в России научных учреждений и учебных заведений для подготовки специалистов в различных науках, и в том числе в правоведении, вынашивалась им с давней поры — по меньшей мере, со времени его первой поездки в Европу. Однако осознавая с полной ясностью все возраставшую потребность Русского государства в образованных людях, Петр I не имел четкого представления о том, как создать эффективно работающую систему подготовки таких людей, какую организацию придать научным и учебным учреждениям, по каким учебным программам осущест-

влять обучение наукам. Очевидно, что при разработке плана создания в условиях России системы высшего образования нельзя было обойтись без накапливавшегося столетиями опыта функционирования такой системы в Западной Европе. Лейбниц был знатоком западноевропейской системы университетского образования и в силу этого ценнейшим для русского царя источником сведений о различных аспектах организации высшего образования. При этом он сам являлся ученым — авторитетным специалистом в различных областях научного знания. Он имел юридическое образование и как доктор права мог дать полезные советы о том, как устроить в России обучение юридическим наукам. Однако слушая или читая советы Лейбница, Петр I принимал их скорее в качестве пособия к своим планам, нежели как руководство к действию.

Следует признать, что немецкий философ был ценен для русского царя и своими познаниями в области устройства аппарата в современном государстве: он специально изучал государствование и к тому же сам состоял на государственной службе.

Можно не сомневаться, что Петр I предпринял не одну попытку уговорить выдающегося немецкого ученого переехать на постоянное жительство в Россию и отдать свои знания и способности службе Русскому государству. Лейбниц на эти уговоры не поддался, но согласился служить Петру I в качестве его советника, оставаясь при этом в Германии. Официальное оформление новому статусу немецкого философа русский царь дал через год.

Осенью 1712 года в Карлсбаде состоялась еще одна встреча Лейбница с Петром I. Царь предложил ученому сопровождать его в поездке в Теплиц и Дрезден. После нее и был издан очень любопытный царский указ следующего содержания (я сохраняю написание оригинала, исправив лишь ошибки): «Мы, Петр Первый, Царь и Самодержец Всероссийский, и протчая и протчая и протчая. Изобрели Мы за благо всемилостивейшее курфирстского и княжаго брауншвиг люнебургскаго тайного юстицрата готфида вилгелма фон Лейбница: за его нам выхваленныя и от нас изобретенныя изрядныя достоинства и искусства такожде в наши тайные юстиц раты определить и учредить, чтоб как понеже Мы известны, что он ко умножению математических и иных искусств

и произыскиванию гистореи и к приращению наук много вспомоши может, его ко зреющему нашему намерению, чтоб науки и искусства в нашем государстве в вящей цвет произошли, употребить. И мы для вышепомянутаго его чина нашего Таинаго юстиц рата годовое жалованье по тысячи ефимков албе ему определить изволили, которая ему от нас ежегодно исправно заплачены быть имеют и к чемы мы надлежащия указы дать повелим, а его службы начинаетца с нижеписанного числа. Во уверение того сие за нашим собственным рукоподписанием и государственою нашею печатью. Дано в карлсбаде, ноября в 1 1712 году. Петр¹. Как видим, указ о принятии Лейбница на русскую службу в должности тайного советника юстиции датирован 1 ноября 1712 года: на самом деле эту свою службу немецкий философ начал еще год назад, в Торггау².

Должность тайного юстиц-советника Лейбница занимал одновременно в нескольких государствах: в Ганновере, Бранденбурге и в Вене. Он нуждался в деньгах и смотрел на эти места исключительно как на средства заработка. Пост тайного юстиц-советника при российском самодержце также был привлекателен для него в качестве источника материального дохода³. Но был в этой службе Петру I и чисто научный мотив: Лейбниц видел в России страну, где, как на почве, в которую ничто еще не засеяно, можно взрастить любое растение. И в русском царе он видел пахаря и селятеля, который был способен взрастить на русской почве самые

¹ Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Издал В. Герье. СПб., 1873. С. 269–270. За приведенным текстом в данном изложении помещен и вариант царского указа на немецком языке.

² Этот факт признал сам Лейбниц — в письме к П. П. Шафирову, датированном 22 июня 1716 г. (см.: Там же. С. 344).

³ П. П. Пекарский писал по этому поводу: «Лейбниц не был похож на современных ему германских ученых: предаваясь изучению наук, делая открытия в них, он вместе с тем любил придворную атмосферу и успевал иметь доступ к ней. В то же время, по отзыву Фонтенелля, наш философ был не чужд страсти к стяжанию и деньгам. Быть может, под влиянием этих наклонностей он так легко обнадеживал, что с приведением в действие его предположений зацветут науки и искусства в России. Невозможно представить себе, чтобы гениальный ученый не ведал, что просвещение, если думать серьезно о распространении его, никогда не может явиться у народа в том виде и в таких пределах, в каких бы желали видеть его отдельные лица» (Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Том 1. С. 32).

причудливые для нее растения — такие, как, например, Академия наук и Университет.

Об открытии в России Академии и университетов Лейбниц говорил с Петром I еще во время встречи с его величеством в Торгай, то есть в октябре 1711 года. И царь попросил немецкого философа набросать план их учреждения. В 1712 году записка Лейбница по этому вопросу была передана Петру I в Грейфсвальде бароном Шлейницием. В ней говорилось, в частности, что преимущественно лишь «главный город Москва, а также Астрахань, Киев и Петербург представляются заслуживающими специально размышления относительно учреждения университетов, академий и школ»¹.

В 1714 году в немецком журнале «Welt Spiegel» появилось следующее сообщение о намерениях Петра I: «Говорят, что его царское величество предполагает учредить в Петербурге академию. Если это правда, то со временем этот город сделается и замечательным и громадным, так как и теперь уже он довольно обширен».

В последний раз Лейбниц встречался с Петром I незадолго до своей смерти². «Я воспользовался некоторыми днями, — писал он об этой встрече, — чтобы провести их с великим русским монархом; затем я поехал с ним в Герренгаузен подле Ганновера и был с ним там два дня. Удивляюсь в этом государе столько же его гуманности, сколько познаниям и острому суждению».

Своими планами и проектами о развитии просвещения и различных наук философ пытался делиться и с правителем Ганновера Георгом — королем Великобритании с 1714 года, но не нашел с его стороны какого-либо понимания своих замыслов. Встречался Лейбниц и с соперником Петра I шведским королем Карлом XII, но, как оказалось, только для того, чтобы сделать вывод о том, что им не о чем друг с другом говорить. И только русский царь оказался в полной мере восприимчивым к новым идеям, высказанным

¹ «On dira seulement ici par advance que la ville capitale de Moskau, et puis Astrakan, Kiow et Petersbourg, semblent meriter une reflexion particulière pour l'établissement des Universités, Académies et Ecoles» (Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. С. 218).

² Готфрид Вильгельм Лейбниц умер 14 ноября 1716 г.

ным немецким философом, и способным понять их и оценить. «В сношениях Петра Великого с Лейбницом, — писал П. П. Пекарский, — поражает прежде всего внимательность государя к науке и ученному сословию: царь ведет ожесточенную войну, усмиряет беспрестанно восстания, занимается управлением так, что ни малейшее распоряжение в государстве не делается без его ведома, и при всем том он, однако, находит время узнать, что в Германии живет Лейбниц, не знаменитый ни своим родом, ни должностю при каком-нибудь могущественном дворе, но только учений, которого знания и открытия в науках сделали известным Европе. В знакомстве с Лейбницом Петра видна дань уважения к науке и общественному мнению, которое признавало германского мыслителя первым ученым своего времени»¹.

Записка Лейбница «О введении образования и наук в России», составленная в 1716 году, помимо мыслей об учреждении Академии и университетов, содержала также мнения о том, каким должно быть юридическое образование в современном государстве. Немецкий философ, доктор права писал в ней: «Юристы, представляющие юридические должности и административные места, должны упражняться с коллегами не только в практике и в возникающих заумных казусах, но также изучать, в особенности, законы и обычай других народов и политику против их соблюденния. Те, которые хотели бы взлететь выше, могли бы сверх этого заниматься публичным правом и государственными делами и еще сверх того им необходимо изучать мировую историю, особенно последних времен»². Лейбниц выражал в этих словах идею о необходимости развития, наряду с практической юриспруденцией, юриспруденции теоретической. Эта идея, так же как и мысли о создании в России Академии наук и университетов с одобрением

¹ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Том 1. С. 25.

² «Die Juristen, so Rechtsämter und obrigkeitliche Stellen vertreten sollen wären nicht nur mit collegiis practices und vorfallende nachdenkliche casibus zu üben, sondern hätten auch ander Volker Gesetze, Gewohnheit und polizey gegen die ihrige zu halten. Die so sich höher schwingen wollten, konnten das jus publicum und die Staatssachen dazuziehen und hätten dazu der Welthistori sonderlich der letzten Zeiten vonnöthen» (Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. С. 353–354).

воспринимались Петром I потому, что они вполне отвечали его собственным настроениям.

Любопытно, что необходимость чтения книг по теоретической юриспруденции для приобретения юридических знаний Петр I осознал еще в 1703 году. Об этом свидетельствует составленный для его сына Алексея 22 апреля 1703 года «Наказ, по которому ему же учение его Высочества Государя Царевича повелено будет, поступати имеет»¹. В нем в качестве учебных пособий для изучения юриспруденции царевичем предлагались книги по естественному праву. Так, четвертый параграф восьмой статьи названного документа давал следующую рекомендацию: «Також возможно заранее Пуфендорфову малую книжицу о должності человека и гражданина на французский язык перевести и в Голландии напечатать велеть, дабы оное употреблять яко введение в право всенародное и яко предверие Гроциа или Пуфендорфоваж о праве естественном и народном, из которого основание всех прав, а особливо права о войне и миру, которое меж Потентами в почтении изучити возможно»². В пятом параграфе говорилось: «И по том взять книгу имянуемую Ле друа цивил дан де орд натюрель весьма потребно, ибо в ней основания общих прав, учить и действовать»³. Под книгой «Ле друа цивил дан де орд натюрель» подразумевалась в данном случае, скорее всего, книга французского правоведа Жана Батиста Дома (*Jean Baptiste Domat*, 1625–1696) «*Les Lois civiles dans leur ordre naturel*», первое издание которой вышло в свет в Париже в 1684 году, а второе — пересмотренное и исправленное — в 1695 году.

В цитированном выше письме Петра I от 16 декабря 1715 года в Вену А. П. Веселовскому, помимо распоряжения сы-

¹ По мнению Г. С. Фельдштейна, авторство этого документа может принадлежать и самому Петру Великому (*Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. С. 59, прим. 3*). Как бы то ни было, вряд ли содержавшиеся в нем рекомендации по организации обучения царевича Алексея были составлены без прямых указаний царя или, тем более, без его ведома.

² Сын Отечества и Северный архив: Журнал литературы, политики и современной истории, издаваемый Николаем Гречом и Фаддеем Булгариным. 1830. Ч. 131. № 3. С. 181. (Так называлось издание под одной обложкой журналов «Сын отечества» и «Северный архив», выходившее в 1829–1835 гг. — *B. T.*)

³ Там же.

скать в русскую службу опытных чиновников из славян, царем отдавался и следующий приказ: «Також същите книги: Лексикон универсалист, который печатан в Лейпциге у Томаса Фрига, другой лексикон универсалист же, в котором есть все художества, который выдан в Англии на их языке, и оной същите на латинском или на немецком языке. Також същите книгу юриспруденцию, и как их същешь, тогда надобно съездить в Прагу и там в езуицких (т. е. в иезуитских. — В. Т.) школах учителем говорить, что они помянутые книги перевели на словенский язык, и о том с ними договоритесь, почем они возмут за работу от книги и о том нам пишите. И понеже некоторые речи их несходны с нашим словенским языком и для того можем к ним прислать русских несколько человек, которые знают по латини и лучше могут несходные речи на нашем языке изъяснить. В сем гораздо постараися, понеже нам сие гораздо нужно»¹ (выделено мною. — В. Т.).

До 1 февраля 1716 года Веселовский нашел необходимых переводчиков, в первой половине 1717 года в помощь к ним приехали в Прагу из Москвы ученик Славяно-латинской академии Иван Войков и монах Заиконоспасского монастыря Феофил Кролик. В начале марта 1718 года Веселовский прибыл в Прагу знакомиться с результатами их работы. 8 марта он сообщил государю: «Осмотривал переводу с повеленных лексиконов. И мнится мне, что помянутые переводы мало труда к исправлению требуют... Кролик применился уже так к немецкому языку, что сам с онаго переводит без всякой трудности, не требуя чешского, понеже уже в России имел твердый фундамент того языка»².

§ 4. Учреждение Императорской Академии наук и Академического университета. План преподавания правоведения в университете

Между тем Петр I вел подготовку к открытию в Санкт-Петербурге Академии наук. Задумывая учреждение Санкт-Петер-

¹ Цит. по: *Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом.* Том 1. С. 231.

² Цит. по: Там же. С. 234.

бургской Академии наук, царь предполагал, что преподавать в ней будут русские ученые. 11 июня 1718 года советник Камер-коллегии Генрих Фик¹ подал Петру I мемориал (записку), в котором высказал свои мнения относительно ведения дел в коллегиях. Вместе с тем он сообщил государю о том, что подготовил для него еще три малых мемориала: 1) «О вспоможении и о помешательстве коммерциям в России», 2) «О вспоможении и о помешательстве мануфактурам в России» и 3) «О нетрудном воспитании и обучении российских младых детей, чтобы оных в малое время в такое совершенство поставить, дабы Ваше Величество все гражданские и воинские чины в коллегиях, губерниях, судах, канцеляриях, магистратах и прочая своими природными подданными наполнить, також и собственной своей земли, из детей искусных купеческих людей художников, ремесленников, шкиперов и матросов получить могли». Его величество в ответ на это сообщение Генриха Фика начертал резолюцию: «Сделать академию, а ныне приискать из русских кто учен, и к тому склонность имеет, также начать переводить книги юриспруденции, и прочия, кто сие учинит сего года начало»².

В течение 1720–1721 года Петр I обсуждал в переписке с учеником Лейбница немецким ученым Христианом Вольфом (*Christian Wolff*, 1679–1754) вопрос об учреждении в Санкт-Петербурге Академии наук. Вольф настойчиво внушал царю-реформатору мысль о том, что университет принесет России больше пользы, чем Академия наук. «Обыкновенный университет, где ученые будут преподавать то, что распространит наука между русскими, — писал он, — не только полезнее для страны, чем Академия наук, но также к тому поведет, что в несколько лет Академия наук будет состоять из русских, которые потом настоящую славу доставят своему государству». В результате к январю 1724 года царь Петр склонился к идее создания Академии наук, способной выполнять одновременно функции и университета, и гимназии.

¹ Генрих Фик (1679–1750) — немец из Гамбурга, состоявший на русской службе с 1715 г. Являлся секретарем у князя А. Д. Меншикова, сыграл важную роль в проведении реформы центрального управления, особенно в создании системы коллегий.

² 1-ПСЗРИ. Том 5. № 3208. С. 574.

Подготовку проекта положения «Об учреждении Академии наук и художеств» Петр I поручил своему лейб-медику и по совместительству управляющему царской библиотекой и Кунсткамерой Лаврентию Лаврентьевичу Блументросту (1692–1755). И по всей видимости, к 20 января данный проект был уже составлен: в этот день от государя была направлена в Сенат записка: «О Академии, в которой бы языкам учились. Также прочим наукам и знатным художествам. И переводили б книги. Назначить место для сего. И доход...».

22 января 1724 года вопрос об учреждении Академии наук обсуждался в присутствии Петра I на заседании Сената. 28 января 1724 года был издан Именной указ, объявленный из Сената, «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицентных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта и Аренсбурга». Он гласил: «Его Императорское Величество указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам и переводили б книги. А генваря 22 дня, его императорское величество, будучи в Зимнем доме и слушав о сочинении той Академии проекта, на котором собственною Свою рукою подписать изволил, тако: на содержание оных определить доходы, которые збираются с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга, таможенных и лицентных, 24 912 рублей. И по тому Его Императорского Величества указу Правительствующий Сенат приказали, оные доходы собирая, содержать в рентереи, из которых отпускать в тое Академию по указам из Сената. А кроме того, ни на какие расходы не употреблять. И о том в Камор-Коллегию и в Штатс-Контору указы посланы»¹.

К данному Указу был приложен документ под названием «Проект учреждения Академии² с назначением на содержание оной доходов». В нем проводилось четкое различие между

¹ 1-ПСЗРИ. Том 7. № 4443. С. 220.

² В первые два десятилетия деятельности Академии наук она именовалась по-разному: то «Императорской Академией наук», то «Академией наук и художеств», то «Академией наук Российской», а то и просто «Академией наук» или еще проще — «Академией». Только после того, как в 1747 г. вступил в действие регламент этого учреждения, оно получило официальное название «Императорская академия наук и

университетом и Академией наук. «Университет, — говорилось здесь, — есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко феологии и юриспруденции (прав искусству), медицины, философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают. Академия же есть собрание ученых и искусственных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором оные обретаются, знают, но и чрез новые инвенты (издания) оные совершить и умножить тщатся, а о обучении прочих никакого попечения не имеют»¹.

Далее в «Проекте» сообщалось, что в некоторых государствах университет и академия никакой связи друг с другом не имеют и делался вывод о том, что в условиях России создание Академии наук и университета в качестве обособленных друг от друга учреждений не принесет пользы, поскольку отсутствует почва для самостоятельного существования каждого из них: нет еще в России школ, гимназий, семинарий, и не распространены в народе науки. А посему предлагалось придать Академии наук некоторые функции университета и гимназии, то есть обязать академиков наряду с научными исследованиями заниматься преподаванием наук — читать публичные лекции и готовить молодых людей к преподавательской деятельности.

Для более эффективного выполнения университетской функции Академию наук проектом планировалось разделить на «три класса»: в первом классе должны были объединяться «все науки математические и которые от оных зависят», во втором — «все части физики» (к этому классу относились, кроме физики, также анатомия, химия и ботаника), а в третьем — «гуманиора, история и права»². Третий класс предполагалось поручить «трем персонам», среди которых первая бы «элективцию и студиум антиквитatis обучала», вторая — «историю древнюю и нынешнюю», а третья — «право натуры и публич-

художеств в Санкт-Петербурге» (с 1803 г. — «Императорская академия наук», с 1836 г. и до 1917 г. — «Императорская санкт-петербургская академия наук»).

¹ «Проект учреждения Академии с назначением на содержание оной доходов» // 1-ПСЗРИ. Том 7. № 4443. С. 220.

² 1-ПСЗРИ. Том 7. № 4443. С. 221.

ное купно с политикою и этикою (нравоучением)¹. Таким образом, «Проект учреждения Академии» предусматривал в ее составе, помимо прочих, должность преподавателя юриспруденции. Юридическому образованию придавался в Академическом университете характер, который как раз и желал придать доктор права Готфрид Вильгельм Лейбниц. Однако в осталльном «учрежденная в действительности Академия наук в Петербурге была только слабым отблеском того учреждения, о котором мечтал Лейбниц»².

В течение всего 1724 года шла подготовка к началу работы учрежденной Академии наук. Велись переговоры о приглашении иностранных ученых, создавалась канцелярия, обсуждались конкретные вопросы деятельности академиков. Петр I не дожил до торжественного открытия Академии наук и не увидел созданного им храма науки в его деятельности.

§ 5. Переводы сочинений западноевропейских правоведов на русский язык и их значение для формирования научной юриспруденции в России

В 1821 году в журнале «Сын Отечества» была опубликована статья профессора Санкт-Петербургского университета А. П. Куницына «Старание Петра Великого о введении в России теоретического образования юношества в Правоведении». В ней отмечалось, что от «проницательного ума» Петра I «не скрылась и та истина, что для надлежащего исполнения и охранения силы законов необходимо нужны просвещенные блюстители оных; ибо и самые ясные законы для несведущего человека бывают немы. Чтобы понять мысль законодателя, нередко нужно бывает восходить до первых начал справедливости, практическое же законоискусство не может доставить полного и си-

¹ 1-ПСЗРИ. Том 7. № 4443. С. 222.

² Герье В. И. Предисловие // Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. С. XXVI.

стематического познания о началах Права»¹. В заключение же статьи делался вывод о том, что «начало теоретического правоведения в России должно относить к царствованию Петра Великого»².

В действительности усилий, предпринимавшихся Петром I, оказалось недостаточно для того, чтобы в России появилось наряду с практической юриспруденцией теоретическое правоведение. Одобренный Петром I, но не утвержденный ни им, ни его преемниками на царском троне проект положения «Об учреждении Академии наук и художеств» показывает, что под теоретической юриспруденцией понималась им совокупность знаний по естественному праву, публичному праву, политике и этике («право натуры и публичное купно с политикою и этикою (нравоучением)»). Именно поэтому русский царь придавал большое значение книге немецкого правоведа Самуила Пуфендорфа (*Samuel Pufendorf*, 1632–1694) «*De officio hominis et civic, juxta legem naturalem, libri duo* (О должности человека и гражданина согласно естественному праву, в двух книгах)»³. По словам А. П. Куницына, Петр I «похвалил» эту книгу «в Сенате, в придворных собраниях и в домах знатных вельмож, называя Пуфендорфа мудрым юрисперитом»⁴.

В 1724 году его величество принял решение перевести произведение «О должностях человека и гражданина» на русский язык. Осуществление этого перевода он поручил Святейшему Синоду. «Посылаю при сем, — писал Петр в октябре указанного года в Синод, — книгу Пуфендорфа, в которой два трактата: первый — о должностях человека и гражданина, другой — о вере христиан-

¹ Куницын А. П. Старание Петра Великого о введении в России теоретического образования юношества в Правоведении // Сын Отечества. 1821. Ч. 67. № 6. С. 253.

² Там же. С. 256.

³ Первое издание данного сочинения вышло в свет в шведском городе Лунд в 1673 г. (*Samuelis Pufendorfii. De officio hominis et civis, juxta legem naturalem, libri duo. Londini Scanorum*, 1673). После этого оно переиздавалось до начала XIX века в различных странах Европы и на разных европейских языках по меньшей мере 150 раз.

⁴ Куницын А. П. Старание Петра Великого о введении в России теоретического образования юношества в Правоведении. С. 255.

ской, но требую, чтоб первый токмо переведен был, понеже в другом не чаю к пользе нужда быть»¹.

Перевод сочинения С. Пуфendorфа «О должности человека и гражданина» с латинского на русский язык к тому времени уже имелся. Его сделал в 1721 году справщик Московской синодальной типографии Иосиф Кречетковский. Советник Святейшего Синода и одновременно архимандрит Костромского Троицкого Ипатьевского монастыря Гавриил Бужинский², которому было поручено выполнить государев приказ, взял этот перевод за основу своей работы. Он внес в его содержание необходимые исправления и изменил стиль изложения таким образом, чтобы русский текст Пуфendorфовой книги был более понятным. Царь Петр внимательно прочитал первые десять глав отредактированного Гавриилом Бужинским перевода и самолично отнес их в придворную типографию для печатания. Вышел русский вариант книги «О должности человека и гражданина» уже после смерти Петра I — в 1726 году³.

В «Приношении» императрице Екатерине Алексеевне Гавриил Бужинский описал кратко историю появления перевода книги Пуфendorфа на русский язык. «Дабы в юриспруденции обученными мужи не скучна была Россия, — отмечал он, — в Европейские преславные Академии: Парижскую, Пражскую, Галскую и в иные многие посылаше юноши для обучения, великих не щадя иждивений. Когда же услышал царь Петр, что во многих академиях алфавит употребляют о научении юнош, книгу преслав-

¹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9. М., 1963. С. 498.

² Гавриил Федорович Бужинский (1680–1731) сделал перевод на русский язык и книги С. Пуфendorфа «Введение в историю европейскую», вышедшей в свет в Санкт-Петербурге первым изданием в 1718 г., а вторым — в 1724 г. См.: Введение в историю европейскую чрез Самуила Пуфendorфия, на немецком языке сложенное, также чрез Иоанна Фридриха Крамера на латинский преложенное. Ныне же повелением великого государя царя и великого князя Петра Первого всероссийского императора. Печатано в Санктпiterбурхе, 1718. Декабря в 1 день.

³ См.: О должности человека и гражданина по закону естественному книги две, сочиненные Самуилом Пуфendorфом, ныне же на Российский с Латинского переведенные, повелением благочестивейшя Великия Государыни Екатерины Алексеевны... благословением же святейшего... Синода. Напечатаны же в Санктпeterбургской Типографии ноября в 17 день 1726 года.

ного юриста Самуила Пуфendorфа, именуемую: «О должности человека и гражданина по закону естественному», аbie возжелал оную на Российском диалекте видети: и Святейшему Правительствующему Синоду при собственноручном писании вручил, да бы со возможною скоростию сия книга Российски переведена была. Егда же начася перевод, не теря премудрейший Император долгого времени не видетию, неколико времени прошедшю, вопросил, совершена ли книга она? Ответ же услышав, яко в толь кратком времени тое исполнити есть не возможно: тогда хотя некие части желаше видети». Спустя какое-то время государю было представлено десять глав, которые он прочитал «тако возлюби, яко во многих местах собственно ручно исправи и аbie в Типографию своею Императорскою персоною прибыв, повелел оную тиснению предати... Егда же пресечеся оное тиснение, всегда о переводе, и как скоро окончится? вопрошаše... и всегда Аутора ее Пуфendorфа мудрым именовал юрисперитом (законознательем)».

Для становления теоретической юриспруденции в России наибольшее значение имела, по моему мнению, — как это ни парадоксально — не сама по себе книга Самуила Пуфendorфа «О должности человека и гражданина», не идеи, в ней высказанные, и не тот факт, что она стала доступна русскому читателю, а работа Гавриила Бужинского по совершенствованию ее перевода на русский язык. В своем обращении к «Правдолюбивому Российскому Читателю» Бужинский извинялся перед ним за непонятность некоторых мест перевода. Главной причиной, по которой не удалось изложить все места книги «О должности человека и гражданина» понятными для русского читателя выражениями, он называл то, что автор ее «философские термины употребляет, которые несведущим Диалектикам суть примрачны». В приложении к основному тексту книги Пуфendorфа Гавриил Бужинский опубликовал «Реэстр речений (юридических) неудобъ Российски перелагаемых», то есть словарь иностранных юридических выражений, трудно переводимых на русский язык. В их числе были такие, например, термины, как *condition* (Бужинский поставил против него русское слово «прилог»), *hypotheticum* (по Бужинскому — «виновна»), *imperium absolutissimum* — «велительство совершенное», *respublica* — «общество», *sponsio* — «заклад» и т. д.

Перевод иностранной книги на русский язык способствовал, таким образом, формированию русской юридической терминологии нового времени.

Сам Гавриил Бужинский вполне сознавал значение философского произведения Самуила Пуфendorфа «О должности человека и гражданина» для юристов. В своем обращении к читателю он отмечал, что, «преискусный в юридическом учении» автор «издаде книгу о законе естественном и всенародном» потому, что понимал, что тот, кто знает «всенародный Закон», «в умах человеческих самим естеством всеянный», легче справится со множеством действующих положительных законов.

В 1724 году в России был напечатан посвященный Петру I и Екатерине Алексеевне перевод на русский язык книги по всемирной истории оsnabрюкского епископа Вильгельма Стратемана (*Wilhelm Stratemann*, 1629–1684) под названием «Феатрон, или по-зор исторический...»¹. Его выполнил также Гавриил Бужинский. В своем предисловии к читателю автор перевода выразил мысль о том, что знание истории права составляет необходимое условие для совершенствования юриспруденции. «На сем основании, — писал он, — вся учения зиждутся, иже бо не весть, что прежде его содеяся, сей чрез все житие свое отрок есть; **претерпит тоежде и юриспруденция, егда от истории не познает прежде бывших поведений и установлений**» (выделено мною. — В. Т.)².

Помимо трактата «О должности человека и гражданина» и книги «Введение в европейскую историю» на русский язык было переведено в период правления Петра I также сочинение Самуила Пуфendorфа «De Jure naturae et gentium. Libri octo», вышедшее первым изданием в 1672 году. В русском варианте оно было на-

¹ «Феатрон, или по-зор исторический...», изъявляющий повсюдную историю священного писания и граждансскую чрез десять исходов и веки всех царей, императоров, пап римских и мужей славных и прочая от начала мира даже до лета 1680; вкратце ради удобного памятствования чрез Вильгельма Стратемона собранного на российский язык с лат. переведенный. СПб.: Типография Троицкого Александро-Невского Монастыря, 1724.

² В 1749 г. данная книга, вышедшая тиражом в 1200 экземпляров, была изъята из обращения. После же того, как была разрешена ее продажа, из нее были изъяты посвящение Петру I и Екатерине Алексеевне и предисловие к читателям Гавриила Бужинского.

звано «О законах естества и народов». Но этот перевод остался в рукописи.

Кроме книг Пуфendorфа, Петру I и окружавшим его русским государственным деятелям были известны также произведения голландского правоведа-философа Гуго Гроция (*Huig de Groot, Hugo Grotius*, 1583–1645) и английских мыслителей Томаса Гоббса (*Thomas Hobbes*, 1588–1679), Джона Локка (*John Locke*, 1632–1704) и других известных в то время западноевропейских интеллектуалов. В рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге хранится манускрипт перевода на русский язык трактата Гуго Гроция «*De jure belli ac pacis*», сделанного в Киевской духовной академии¹, а также рукописный текст перевода на русский язык второй части книги Джона Локка «*Two Treatises of Government*² — «Правление гражданское. О его истинном начале и о его власти, и ради чего»³. Данная рукопись принадлежала сподвижнику Петра I князю Д. М. Голицыну. Время его создания падает на начало 20-х годов XVIII века. Изложенному в манускрипте тексту трактата Джона Локка предшествует предисловие, в котором говорится: «Всяк человек должен знать, как ему надобно жить в собрании гражданском, житием мирным, покойным и безмятежным, но законом натуральным; потому что в том состоит все правоучение... Многие о сей материи писали в древних вре-

¹ Гугона Грота о законах брани и мира три книги // Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки (далее: ОР ГПБ). Ф II. № 36.

² Полное название данного произведения Дж. Локка является следующим: «*Two Treatises of Government. In the Former, The False Principles and Foundation of Sir Robert Filmer, and His Followers, Are Detected and Overthrown: The Latter, Is an Essay Concerning the Original, Extent, and End, of Civil Government*». Его первое издание на языке оригинала вышло в свет анонимно в 1690 г. в Лондоне, второе, исправленное издание появилось в 1694 г., третье — в 1698 г. На русском языке первая публикация названного сочинения состоялась только в 1960 г., когда во втором томе «Избранных философских произведений» Джона Локка был напечатан второй из трактатов, посвященный происхождению, сфере деятельности и цели гражданского правительства. В 1988 г. были изданы в переводе на русский язык оба трактата о правлении английского мыслителя (см.: *Джон Локк. Сочинения в трех томах. Том 3. С. 135–405*).

³ В оригинале название второго трактата Джона Локка выглядит следующим образом: «*Essay Two: Concerning the True Original, Extent and End of Civil Government*».

менах, писали и в нынешних, и нынешния писатели древних превзошли и правоучение изъяснили и утвердили. Таков был Гуго Гроциус, который оставил по себе «Право мира и войны». Господин Пуфendorf написал две книги: первая — должность человека самого к себе; вторая — должность ко всякому человеку. Первой должности основание — «Знай себе», другой — «Чего себе не хочеш, того никому не делай»... Здесь господин Локк (которой родился в Англии, в городе в Ринктоне, неведомо которого году, толко ведомо, что крещен 29-го августа 1632 года; умер 28-го октября 1704 году) объявил на свет сию книгу 1690 году, и предлагает о гражданстве свое разсуждение, соединяя оная разная мнения во одно, и показует начало и основание гражданства кратко и порядочно, но все по резону». О том, что трактат Джона Локка «Правление гражданское. О его истинном начале и о его власти, и ради чего» был широко распространен среди сподвижников Петра I, свидетельствуют сохранившиеся списки его, принадлежавшие А. Ф. Хрущеву и А. П. Волынскому¹.

Формировавшаяся на базе естественно-правовых учений русская теоретическая юриспруденция неизбежно должна была приобрести абстрактный, отвлеченный от практической жизни характер. В таком состоянии она, безусловно, ни в коей мере не могла заменить собою юриспруденцию практическую, прикладную. Более того, по мере усложнения содержания и увеличения объема действующего законодательства значение практических навыков формулирования правовых норм, их толкования, классификации и т. д. еще более возрастило. Прикладная, дьяческая юриспруденция получала, таким образом, дальнейшее развитие. Однако проявившаяся в России в первой четверти XVIII века общая тенденция к теоретизации юридического знания оказала все-таки свое влияние и на этот род юриспруденции, именуемый за-коноискусством. Юристы-практики стали предпринимать попытки систематизации и обобщения своих навыков обращения с правовым материалом.

¹ См.: Николаев С. И. Ранний Тредиаковский: Первый перевод «Аргениды» Д. Барклай // Русская литература. 1987. № 2. С. 98.

§ 6. Трактат «Юриспруденция или правосудия производство»

Одним из результатов таких усилий является, по всей видимости, произведение неизвестного автора, озаглавленное как «Юриспруденция или правосудия производство» и сохранившееся лишь в рукописном виде¹. В его тексте излагаются, помимо прочего, процессуальные правила, установленные Именным указом Петра I «О форме суда» от 5 ноября 1723 года. Этот факт позволяет датировать рукопись последними годами правления царя-реформатора или более поздним временем. То есть писалось названное произведение в условиях, когда в России были открыты первые учебные заведения по подготовке практических юристов, когда создавалась Академия наук, в которой предполагалось обучать теоретической юриспруденции, когда переводились и распространялись в русском образованном обществе книги западноевропейских правоведов и философов. Трактат «Юриспруденция или правосудия производство» был предназначен, скорее всего, для того, чтобы служить учебным пособием в одном из учебных заведений России по подготовке служащих государственного аппарата.

Все содержание данного трактата, изложенное на более чем трех сотнях страниц, было разделено на четыре части: 1) «Основания сея науки», 2) «О сочинении предложений», 3) «О следствии по предложениям», 4) «Решительная». В самом конце его помещены пояснительные рисунки и наброски. Оценивая это произведение, Г. С. Фельдштейн писал: «“Юриспруденция”, по своему характеру, не может не принадлежать практическому юристу, близко стоявшему к производству дел и путем самобытных приемов ставшему передать начинающим приказным приемы истолкования закона и искусство отправлять в соответствии с этим дела. Как комбинирование грамматики с правом “Юриспруденция или правосудия производство” представляет собой образчик труда, который вырос на почве русских условий. “Юриспруден-

¹ Данное произведение обнаружил Г. С. Фельдштейн во время работы над книгой «Главные течения в истории науки уголовного права в России». Оно хранилось в то время в Публичном Румянцевском музее (в настоящее время: Российская государственная библиотека).

ция” — логическое последствие того практического направления в изучении права, которое обусловлено невысоким уровнем образованности и своеобразным кодом развития русского правосознания, подвигавшегося впредь по пути создания новых норм права не при помощи научного творчества, но тернистой дорогой судебной практики и приспособления к обстоятельствам текущей жизни¹.

Составление юридических документов требует от юриста не только знаний правовых категорий и действующих законов, но также правил грамматики, умения излагать мысли понятным языком. Предназначенный для обучения практических юристов — законоискусников трактат «Юриспруденция или правосудия производство» носил поэтому комплексный характер: он являлся одновременно и юридическим, и грамматическим. Однако главным в нем выступало именно юридическое содержание, грамматика излагалась лишь в объеме, необходимом для составления документов. «Хотя речи и периоды, имеют грамматикою и риторикою разделение, — отмечалось в первой части трактата, — но оное разделение к положению правил сея науки есть не удобно; ибо как некоторые из древних философов признали, что в судебных производствах красногольство не так вместно; того ради в сей части следует разделение речей и периодов потребности к сему производству».

Вторая часть рассматриваемого произведения — «О сочинении предложений» была посвящена правилам составления челобитных, доношений, определений, указов и других подобных документов. Все они объединялись под названием «предложения». Главным правилом, которое провозглашалось в этой части трактата, было следующее: «В предложении писать только те действия, которые к учению требуемого или определяемого подают причины, требуется».

В третьей части сочинения «Юриспруденция или правосудия производство» определялись виды уголовных дел. Здесь говорилось, в частности, что «все дела разделяются на две части яко: 1-е

¹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсина. М.: Зерцало, 2003. С. 56–57.

§ 6. Трактат «Юриспруденция или правосудия производство»

партикулярные, 2-е государственные, и паки государственные разделяются надвоежъ яко: первые, которые о преступлении не суть тяжком или о тяжком, да имеющие доказателя к бытию им... вторые, которые о преступлении тяжком яко: кто о нем ведал и не доносил, кольми паче кто и сам для познания ради пресечения или из того, какой пользы получения потребно».

В четвертой — заключительной или «решительной» — части данного произведения давалась классификация судебных приговоров. Последние делились на: 1) «требующие следствия», 2) «следствия оконченные» и 3) «требующие какого учинения».

Приведенные классификации уголовных преступлений и судебных приговоров отражали законодательство Петра I и особенности правового сознания русского общества первой четверти XVIII века. Обращение к грамматике в трактате, специально посвященном юриспруденции, также вполне соответствовало духу того времени. Период правления Петра I был в истории русской юриспруденции временем, когда крупные перемены происходили не только в содержании российского законодательства, но и в русском языке, в сфере понятий и терминов русского права.

Со второй половины XVII века церковно-славянский язык, использовавшийся прежде преимущественно для изложения религиозных текстов и лишь изредка для выражения правовых норм, стал все чаще применяться и в юридических текстах. Так, целиком был написан церковно-славянским языком «Приказ, объявленный... собранному на смотре войску на Девичьем поле» от 28 июня 1653 года¹, значительная часть — Уставной грамоты от 30 апреля 1654 года².

В конце XVII века использование церковно-славянского языка для изложения юридических документов стало обычновенным явлением. Монах Московского Чудова монастыря Карион Истомин в предисловии к своему рукописному «Букварю в лицах» (т. е. с иллюстрациями), созданному для обучения церковно-славянскому языку сына царя Петра Алексеевича — Алексея Петровича и поднесенному в 1692 году его бабушке — царице На-

¹ См.: 1-ПСЗРИ. Том 1. № 99. С. 291.

² 1-ПСЗРИ. Том 1. № 122. С. 320–322.

талье Кирилловне, писал, что этот язык предназначен для того, чтобы «учитися читати божественныя книги и гражданских обычаев и дел **правных**¹ (выделено мною. — В. Т.). В 1694 году расширенный вариант данного произведения был издан Московским Печатным двором в типографском виде тиражом в 106 экземпляров и под названием «Букварь славяно-российских писмен уставных и скорописных, греческих же, латинских и польских со образованиями вещей и со нравоучительными стихами: Во славу Всесвятого Господа Бога, и в честь Пречистыя Девы Богородицы Марии, и всех святых».

С другой стороны, простой или деловой русский язык стал с конца XVII века применяться для изложения и религиозных текстов. Так, в 1683 году на этот язык была переведена А враамием Фирсовым Псалтирь. «Преведена сия святыя богодохновенная книга псалтирь на наш простой, обыкной, словенской язык», — заявлялось в самом начале ее текста. Духовный регламент 1721 года признавал необходимым иметь книжицы о догматах и законах Священного писания, изложенные понятно для простого человека («А понеже мало есть противо толикого российския церкве многонародия, таковых презвитерии, которые бы наизусть могли проповедать догматы и законы священного писания, то всеконечная нужда есть имети некия краткия и простым человеком уразумительныя и ясныя книжицы, в которых заключится все, что к народному наставлению довольно есть, и тия книжицы прочитовать по частем в неделныя и праздничныя дни в церкве пред народом»)².

В результате диглоссия, при которой юридические тексты писались на «простом» русском языке, а религиозные — на церковно-славянском, фактически превратилась в простое двуязычие. При этом «простой» русский язык, сохранивший свои позиции главного языка в сфере юриспруденции, стал в период правления Петра I по сути основным литературным языком. Распространение «простого» русского языка на область литературы ускорилось по-

¹ Цит. по: Тарабрин И. М. Лицевой букварь Кариона Истомина. М., 1916. С. 30.

² Духовный регламент. В царствующем Санктпитеурхе в лето от Рождества Христова 1721, месяца февраля 14 // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 549.

§ 6. Трактат «Юриспруденция или правосудия производство»

сле того, как в 1708 году в России был введен новый, гражданский алфавит. И произошло это во многом благодаря сознательному стремлению царя-реформатора вытеснить церковно-славянский язык из сферы литературы и науки и тем самым ослабить позиции церкви в русском обществе.

В 1716 году Федор Поликарпов сделал по приказу Петра I перевод с латинского языка «Всеобщей географии» голландского ученого Бернхарда Варения. При этом переведенный текст он изложил церковно-славянским языком, справедливо полагая, что именно этот язык способен наиболее точно передать значение латинских слов и выражений. Однако государь не принял такого перевода и передал Ф. Поликарпову через И. А. Мусина-Пушкина поручение сделать перевод книги голландского географа «не высокими словами славянскими, но простым русским языком». «Высоких слов славянских класть не надобять, но Посольского приказу употреби слова» — так якобы сказал царь Петр. В результате Федор Поликарпов вынужден был переписать свой перевод с церковно-славянского на «простой» русский язык. Именно на этом языке и вышла в свет в 1718 году книга Бернхарда Варения¹. О том, какой была лексика этого языка, свидетельствует фраза Петра I, обращенная к переводчику, — «Посольского приказу употреби слова».

Формирование русского литературного языка имело огромное значение для дальнейшего развития юриспруденции, поскольку в первой четверти XVIII века и в последующие времена именно на этом языке писались в русском обществе законодательные акты. Петру I не удалось организовать в России системы юридического образования, не возникло в период его правления и русской теоретической юриспруденции. Тем не менее, великий царь-реформатор очень многое сделал для русской правовой культуры: своими реформами он создал условия и предпосылки для того, чтобы такая система и такая юриспруденция появились в России в скором будущем.

¹ География генеральная, небесный и земноводный круги купно с их свойства и действы в трех книгах описующая. Переведена с латинска языка на российский [Федором Поликарповым]. М., 1718.

ГЛАВА 3

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

§ 1. Открытие Императорской Академии наук. Преподавание юридических наук в Академическом университете во второй половине 20-х – в 30-е годы XVIII века

В своих заметках по русской истории XVIII века А. С. Пушкин писал: «По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны на веки; воспоминания старины мало по малу исчезали»¹. Эти слова вполне применимы и для общей характеристики того состояния, в котором пребывала во второй четверти XVIII столетия русская юриспруденция. Преемники Петра I на российском императорском престоле продолжали его политику, направленную на развитие в России юридического образования. Вместе с

¹ Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 11. Критика и публицистика: 1819–1834. М.: Воскресенье, 1996. С. 14.

тем и во времена правления Анны Иоанновны, и в царствование Елизаветы Петровны продолжали предприниматься усилия по систематизации российского законодательства.

Летом 1725 года в Санкт-Петербург прибыли из-за границы ученые, приглашенные занять места в учрежденной Петром I Академии наук. Среди них был и уроженец Вюртенберга, выпускник Тюбингенского университета философ-правовед Христофор Гросс (*Christian Friedrich Gross*, ум. в 1742 г.)¹. 1 июля 1725 года он был определен на должность адъюнкта по кафедре нравоучительной философии, 24 ноября 1725 года его назначили на должность экстраординарного профессора по той же кафедре.

Указом императрицы Екатерины I от 20 ноября 1725 года президентом Академии наук был назначен занимавшийся ее организацией Лаврентий Блюментрост (*Laurentius Blumentrost*, 1692–1755).

27 декабря 1725 года состоялось первое торжественное публичное собрание Академии наук с участием зятя императрицы герцога Гольштинского, Феофана Прокоповича, князя А. Д. Меншикова и других видных представителей столичной знати. В полученных ими приглашениях посетить данное торжество Академия наук была названа Российской. В начале торжественного собрания Г. Б. Бильфингер (*Georg Bernhard Bilfinger*, 1693–1750) произнес речь об учреждении и задачах Академии, затем он говорил об измерении градусов и о законах отклонения магнита. После него с научным докладом выступил академик Яков Герман (*Jakob Hermann*, 1678–1733).

14 января 1726 года в Санкт-Петербургской типографии был напечатан каталог лекций академических профессоров: они начинались спустя десять дней — 24 января. Таким образом, Петербургская Академия наук официально начала действовать и в качестве учебного заведения.

24 июня 1726 года в Санкт-Петербург прибыл еще один иностранный правовед — Иоганн Симон Бекенштейн (*Johann Simon*

¹ Дата рождения Христофора Гросса неизвестна.

Beckenstein, 1684–1742)¹. Контракт, оформлявший условия его приглашения в Россию, был заключен 3 декабря 1725 года. И. С. Бекенштейн состоял в то время при Кенигсбергском университете в качестве *doctor legens*, то есть внештатного лектора. В России же ему была предложена должность профессора правоведения в Академии наук сроком на пять лет и жалованье размером 800 рублей в месяц, а также казенная квартира с отоплением и освещением².

Преподавательская деятельность Христофора Гросса в рамках Российской Академии наук продолжалась не более двух лет. В течение 1726–1727 годов он читал здесь на латинском языке лекции по «эфике, по книге Пуфендофской, — яже о должности человека и гражданина»³, то есть преподавал естественное право, основываясь на книге Самуила Пуфendorфа «*De officio hominis et civic, juxta legem naturalem, libri duo* (О должности человека и гражданина согласно естественному праву, в двух книгах)». И вместе с тем готовил письменные сочинения (*theseses*) на различные этико-правовые темы, как-то: «О мере добродетелей и злых дел, и может ли каковая изобрестися и с того какого плода чаять...», «О разуме законов, и разности, и о вменении, следующем по законам...», «О разуме права естественного, права языков и права гражданскоого, и правдивых между ими разделениях» и др.⁴ В последующие годы Христофор Гросс не читал в Академии лекций, причем неясно, по какой причине: то ли не было студентов, желавших его слушать, то ли сам немецкий профессор не имел желания читать лекции. Ученый секретарь Академии наук, заведующий ее канцелярией и библиотекой, Иоганн Даниэль Шумахер (*Johann Daniel Schumacher*, 1690–1761) писал 14 июля 1729 го-

¹ См. о нем: *Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества*. В двух томах. М.: Зерцало, 2007. Том 1. С. 90–98.

² См. об этом: *Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге*. Том 1. СПб., 1870. С. 197.

³ Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М. И. Сухомлинов. Том 1. 1716–1730. СПб., 1885. С. 171.

⁴ Там же. С. 284.

да президенту Академии наук Л. Л. Блюментросту¹: «Профессо-ра обязаны читать лекции, а между это только исполняют доктор Бекенштейн, Бернулли и Мейер... Другие даже не помышляют о том»². В 1731 году Христофор Гросс был назначен на должность секретаря брауншвейг-вольфенбюттель-бланкенбургского двора в Санкт-Петербурге и вследствие этого вышел из состава Академии наук. Дальнейшая судьба его оказалась трагичной. В 1741 году он помог первому кабинет-министру графу А. И. Остерману составить донесение регентше Анне Леопольдовне об интригах французского посла маркиза де Тротти де Ла Шетради, действовавшего в интересах Елизаветы Петровны. После того, как дочь Петра I взошла на престол, А. И. Остерман был арестован. Среди его бумаг был обнаружен текст указанного донесения, написанного рукою Христофора Гросса. Против бывшего академика было открыто уголовное дело. Однако до суда оно не дошло: 2 января 1742 года Христофор Гросс застрелился.

Иоганн Симон Бекенштейн оказался более деятельным в своей должности профессора Петербургской Академии наук, чем академик Гросс. В соответствии с каталогом лекций от 14 января 1726 года ему надлежало читать лекции по натуральному праву, «правам общим» Германской империи. При этом в каталоге сообщалось, что он «такожде и о институциях права Юстиниана цесаря, буде слушателям полюбится, тщание иметь будет»³. В отчете о занятиях академиков в первый год существования Петербургской Академии наук, составленном в августе 1727 года, было отмечено, что Бекенштейн преподавал в указанный период «начало права из установлений..., держася во всем правил натурального права и политики, закон установляющие»⁴. И кроме того, он составил «историю права публичного», и «вместо диссертаций или рассу-

¹ С января 1728 г. Л. Л. Блюментрост, занимавший, помимо должности президента Академии наук, также должность личного лекаря российского императора, вынужден был пребывать в Москве, поскольку именно сюда переместилась резиденция Петра II.

² Цит. по: *Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 199.*

³ Материалы для истории Императорской Академии наук. Том 1. С. 170.

⁴ Там же. С. 282.

ждений академических, по приказу превосходительного господина барона Остермана, толкование и назначение на российское Уложение написал, которые в кратком времени рассуждению его превосходительства предложит...»¹.

Принимая приглашение занять должность профессора правоведения в Санкт-Петербургской Академии наук, И. С. Бекенштейн полагал, что она будет организована на таких же началах, как германские университеты. Он испытал большое разочарование, обнаружив, что попал на работу в учреждение, которое, хотя и было заполнено выходцами из Германии, оказалось весьма далеким по своей организации и духу от университета германского типа. Академик Герард Фридрих Миллер (*Gerard Friedrich Miller*, 1705–1783) писал впоследствии в своем сочинении «*Zur Geschichte der Akademie der Wissenschaften zu S.-Petersburg* (К истории Академии наук в С.-Петербурге)» о том, что особенно несносным Бекенштейну казалось в Петербургской Академии то, что «здесь не было юридического факультета и никакого предпочтения одной науки перед другой»; что «здесь ученые не принимали какого-либо участия в управлении делами своего общества, а все зависело от произвола президента». По словам Г. Ф. Миллера, когда Бекенштейн «представлял что-нибудь письменно по своей должности или по хозяйственной части, то никогда не подписывал своих бумаг ни на имя президента, ни канцелярии, за которыми он не признавал на то никаких прав, но, по обычаю немецких университетов, обращался к профессорскому собранию следующим образом: «высокоблагородные высокоученные, и пр. господа! Нижеподписавшийся представляет...»².

Несмотря на то, что И. С. Бекенштейн добросовестно относился к исполнению своих преподавательских обязанностей, лекции его не привлекали к себе внимания студентов. И он сам это открыто признавал. В кратком отчете о своей преподавательской деятельности, составленном в декабре 1732 года, Бекенштейн заявлял: «Из российской нации у меня в обучении никого не быва-

¹ Цит. по: *Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге*. Том 1. С. 197–198.

² Там же. С. 198.

ло, и для того учения никто ко мне не являлся, а некоторые дети от иноземцев, в России рожденные, у меня обучались»¹. Г. Ф. Миллер утверждал в своем очерке по истории Петербургской Академии наук, что «Бекенштейн был бы очень прилежный и полезный преподаватель, если бы только у него были слушатели»².

Думается, одна из главных причин, по которой молодые русские люди не шли изучать юриспруденцию к немецкому академику-профессору, таилась в содержании его учебных курсов. «... И обучения мои, — писал Бекенштейн о своих лекциях в Академии наук, — состоят в следующих науках: натуральное право; права общие германской или немецкой империи; описание, как в судах обыкновенно поступать; причем я имел тщание и о лифляндских и эстляндских правах показание чинить; а о российских мне весьма неизвестно. Феудальные права, который я однажде не окончал, для того, что тому назад больше года, как я взят в юстиц-коллегию, к немецким делам, а затем вступать в другие дела мне уже невозможно было»³. Очевидно, что лекции такого содержания не могли вызвать интереса даже у тех русских, которые имели большое желание обучиться юриспруденции: слишком оторваны были эти лекции от российского юридического быта.

Характеризуя положение, сложившееся с преподаванием юриспруденции в Петербургской Академии наук, С. Г. Фельдштейн отмечал: «Хотя юриспруденция являлась только одной из сторон научной деятельности Академии, очень скоро, по открытии этого учреждения, последнее стало центром, отражающим довольно полно состояние правоведения в России. Но, культивируемая чуждыми стране людьми, юриспруденция в стенах Академии должна была исключительно сосредоточиться на общих теоретических началах и оставить в стороне обработку русского юридического материала. Вместе с тем, наука в России наталки-

¹ Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М. И. Сухомлинов. Том 2. 1731–1735. СПб., 1886. С. 203.

² Цит. по: *Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге*. Том 1. С. 199.

³ Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М. И. Сухомлинов. Том 2. С. 204.

валась на дорогу сухого, формального теоретического трактования юридических проблем»¹.

Число молодых людей, желавших обучаться в Академии наук, было невелико с самого начала ее деятельности. Оно заметно уменьшилось после переезда в январе 1728 года двора молодого императора Петра II в Москву. Вместе с императором из Санкт-Петербурга выехало много знатных семейств. В результате академическая гимназия лишилась большей части своих учеников.

Другим печальным для Петербургской Академии наук последствием переезда императора и его сановников в Москву стала хроническая задержка выплат жалованья академикам. Перестали выдаватьсь и денежные суммы, необходимые для материального обеспечения научной деятельности Академии, содержания ее библиотеки и Кунсткамеры, на хозяйственные нужды данного учреждения. С января и до ноября 1728 года из казны на нужды Академии наук не было выдано ни копейки. Подобные задержки в выдаче денежных средств на нужды Академии случались и в дальнейшем.

Не дождавшись окончания пятилетнего срока работы в Академии, определенной контрактом, И. С. Бекенштейн стал требовать у И. Д. Шумахера разрешения на свое увольнение из Академии. 6 июля 1730 года ученый секретарь доносил Л. Л. Блюментросту: «Г. доктор Бекенштейн опять настаивает на своем увольнении. Так как по контракту он обязан пробыть еще один год, то можно к нему написать, что он получит отставку, между тем мне желательно попытаться расположить его к другим мыслям»². 26 января 1731 года И. Д. Шумахер сообщал в Москву президенту Петербургской Академии наук: «Я убедил г. доктора Бекенштейна остаться более. Однако ему следует прибавить жалованья, чего он действительно заслуживает»³. Размер жалованья был увеличен Бекенштейну только в конце 1732 года, после повторной просьбы

¹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсина. М.: Зерцало, 2003. С. 61.

² Цит. по: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 198–199.

³ Там же. С. 199.

бы об этом Шумахера. Но профессор отказался принять прибавку к своему содержанию. В ответе на указ Сената от 1 декабря 1732 года, которым ему было повышено жалованье, Бекенштейн, напомнив, что просил Академию о своем увольнении, заявил: «Тот абшит между другими причинами просил я и для того: надеюсь, что от меня здесь малая происходить может польза, чего ради и дарованный мне к прежнему моему жалованью прибавок принять не хотел»¹.

С октября 1731 года И. С. Бекенштейн, не слишком обремененный занятиями в Академии наук, стал привлекаться вице-президентом Юстиц-коллегии Г. К. фон Кейзерлингом² к работе в департаменте эстляндских и лифляндских дел. В первых числах января 1732 года ему пришлось участвовать в комиссии, которая была создана в рамках данной коллегии для рассмотрения дела Генриха Фика³, арестованного 30 декабря 1731 года по обвинению в одобрении замысла членов Верховного Тайного совета ограничить самодержавную власть в России. Допросив ряд лиц, слышавших высказывания обвиняемого о кондициях, предложенных «верховниками» Анне Иоанновне перед ее вступлением на императорский престол, и выслушав показания его самого, комиссия уже 12 января вынесла приговор, лишавший Генриха Фика всех пожалованных имений и назначавший ему вечную ссылку в Сибирь.

В мае 1735 года И. С. Бекенштейн был уволен по своему прошению из Петербургской Академии наук. За добросовестную

¹ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 199.

² Герман Карл фон Кейзерлинг (*Hermann-Karl von Keyserlingk*, 1696–1765) получил юридическое образование в Кенигсбергском университете и среди его преподавателей там был и доктор права И. С. Бекенштейн. 18 июля 1733 г. барон Кейзерлинг будет назначен президентом Петербургской Академии наук вместо впавшего в немилость к императрице Анне Иоанновне Л. Л. Блюментроста, но пробудет в этой должности недолго — 23 сентября 1734 г. его сменит на посту президента Академии наук с титулом ее «Главного командира» Иоганн Альбрехт Корф (1692 или 1697–1766). 24 апреля 1740 г. новым президентом Академии наук будет назначен Карл Германович фон Бревен (1704–1744). После того как 15 апреля 1741 г. он покинет этот пост, Академия наук будет до мая 1746 г. оставаться без президента.

³ До своего ареста Генрих Фик занимал должность вице-президента Коммерц-коллегии.

службу он был в июне представлен И. Д. Шумахером к награждению званием почетного члена Академии, дававшим ежегодное жалованье в сто рублей. Диплом, удостоверявший это звание, был выписан ему 25 октября 1738 года. Последние годы своей жизни И. С. Бекенштейн провел в Кенигсберге, там он, по всей видимости, и умер в 1742 году.

Место профессора юриспруденции в Петербургской Академии наук занял после И. С. Бекенштейна Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон (*Frédéric Henri Strube de Piermont*, 1704–1790). Он был немцем родом из Ганновера, юридическое образование получил в университете города Галле. С 1730 года служил секретарем в германских посольствах в Австрии, Англии и Польше. Затем состоял в качестве личного секретаря при герцоге Бироне¹. В контракте, оформлявшем назначение Ф. Г. Штрубе де Пирмона в Академию наук, он был назван «профессором юриспруденции и политики».

К тому времени им было опубликовано несколько работ по вопросам политики и естественного права. Так, в 1732 году вышла в свет в Амстердаме написанная брошюра Ф. Г. Штрубе де Пирмона о так называемой «Прагматической санкции» — законе Карла VI Габсбурга от 19 апреля 1713 года, посвященном порядку престолонаследия: «*L'examen des réflexions d'un patriote allemande au sujet de la garantie de la pragmatique impérial*». В том же году и также в Амстердаме была напечатана его брошюра «*Recherche de l'origine et des fondements du droit de la nature*» (Исследование о происхождении и основах естественного права). В 1740 году Ф. Г. Штрубе де Пирмон представил в Петербургскую Академию наук новый и значительно более обширный труд на тему о происхождении и основах естественного права — «*Recherche nouvelle de l'origine et des fondements du droit de la nature*». В том же году он был опубликован в виде отдельной книги общим объемом в 448 страниц. В предисловии к основному тексту данной книги автор признавался, что во время своей учебы в университете горо-

¹ См. биографический очерк о Ф. Г. Штрубе де Пирмоне в издании: *Томсиков В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. Том 1. С. 99–113.*

да Галле был очень увлечен лекциями Христиана Томазия. Немецкий правовед и философ-просветитель Христиан Томазий (*Christian Tomasius*, 1655–1728) являлся, в свою очередь, последователем Гуго Гроция и Самуила Пуффендорфа.

§ 2. Преподавание юриспруденции в Академическом университете в 40-е годы XVIII века. Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон и его попытка научной обработки русского права с помощью исторического и доктринальского методов

В феврале 1741 года Ф. Г. Штрубе де Пирмон был назначен секретарем к графу П. Г. Чернышеву, который отправлялся в Копенгаген исполнять функции русского посланника при датском королевском дворе. По этой причине он вынужден был покинуть должность профессора юриспруденции и политики в Академии наук, но ему было обещано, что данное место будет сохранено для него. Перед отъездом из Санкт-Петербурга Ф. Г. Штрубе де Пирмону удалось выпросить себе звание почетного академика, дававшее в то время жалованье в размере 200 рублей в год. В 1743 году граф Чернышев был переведен на место посланника Российской императрицы в Берлине, и Штрубе де Пирмон последовал за ним. В Германии ему пришлось помимо исполнения секретарских обязанностей преподавать юриспруденцию и политику пребывавшему там графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому (1728–1803) — брату фаворита императрицы Елизаветы Петровны Алексея Григорьевича Разумовского¹.

¹ Историк С. М. Соловьев писал об этом случае следующее: «У фаворита Алексея Григорьевича Разумовского был младший брат Кирилл. Чтоб сделать молодого человека более достойным того положения, на которое фавор Елизаветы поднял малороссийских мужиков, чтоб дать ему возможность получить серьезное образование, чему в Петербурге было, как видно, много помехи, и дать брату даже средства затевать и родовитых русских людей, граф Алексей решился отправить его за границу учиться» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 11. М., 1963. С. 569). Направлен был Кирилл Разумовский на учебу к профессорам Тюбингенского университета, но Ф. Г. Штрубе де Пирмон как преподаватель юридических наук оказался, по всей видимости, лучше их.

21 мая 1746 года восемнадцатилетний К. Г. Разумовский занял пустовавшее до этого более пяти лет место президента Академии наук¹ и помог своему берлинскому учителю-правоведу возвратиться в это учреждение. 1 июля того же года Ф. Г. Штрубе де Пирмон был определен на должность профессора юриспруденции, а на следующий день и на место конференц-секретаря Академии наук². В новом контракте, заключенном с ним, говорилось: «Понеже профессия его (юриспруденция) не такая, в которой частые должно делать изобретения, которые бы вносить можно было в Комментарии (т. е. научные труды Академии наук. — В. Т.), того ради вместо того, чтоб надлежало приносить ему в собрание академическое новоизобретенные письмы, одолжается он содержать в помянутом собрании протокол ученых дел беспременно, пока о том новое определение от г. президента учинено будет, и в том совершенно должность секретарскую отправлять, яко то: сочинять все к корреспонденции надлежащие письма на латынском, французском и немецком языке; переводить с одного из сих на другой язык таковые же или же сим подобные письмы, к должности секретарей принадлежащие. Ежели рассуждено будет за благо в Академии и определено от президента должность секретаря Академии наук положить на кого иного, в таком случае он, профессор Штрубе де Пирмон, обзывается вместо сего снятого труда читать другие лекции, которые Академия наук за благо найдет положить на него»³.

Приступая к исполнению обязанностей президента Академии наук, К. Г. Разумовский ясно дал понять академикам, что это учреждение нуждается в реформе. «За необходимо вам объявить нахожу, — заявлял он в первой своей речи перед академиками 12 июня 1746 года, — что собрание ваше такие меры от первого нынешнего случая принять должны, которые бы не одну только славу, но и совершенную пользу в сем пространном го-

¹ К. Г. Разумовский будет официально являться президентом Петербургской Академии наук почти 52 (!) года — до апреля 1798 года.

² Должность конференц-секретаря Ф. Г. Штрубе де Пирмон занимал до 1 марта 1749 г.

³ Цит. по: *Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 676–677.*

§ 2. Преподавание юриспруденции в Академическом университете в 40-е годы XVIII в.

сударстве производить могли. Вы знаете, что слава одна не может быть столь велика и столь благородна, ежели к ней не присоединена польза. Сего ради Петр Великий как о славе, так и о пользе равномерное попечение имел, когда первое основание положил сей Академии, соединив оную с университетом¹. Далее К. Г. Разумовский обращал внимание академиков на то, что из двух целей, указанных Академии наук ее основателем, достигнута была только одна — ученая. Университетом же Академия так и не сделалась.

На достижение этой последней цели — создание в России университета — был направлен «Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санктпетербурге», утвержденный императрицей Елизаветой Петровной 24 июля 1747 года².

Данный акт сохранял заложенное при основании Академии соединение ее с университетом, но для того, чтобы это учреждение стало по-настоящему действовать в качестве университета, он отделял обязанности академиков от функций профессоров.

В первой статье Регламента говорилось: «Академия собственно называется собрание ученых людей, которые стараются познать и разыскивать различные действия и свойства всех в свете пребывающих тел, и через свое испытание и науку, один другому показывать, а потом общим согласием издавать в народ. Сии люди, не только о том стараются, чтоб собрать все то, что уже в науках известно, но и далее трудятся в изобретениях поступать. Видно по сему, что такие люди заняты беспрестанным трудом, чтоб делать свои примечания, читать книги, и вновь сочинять их; чего ради им времени мало останется на то, чтоб обучать других публично. И так определяются особливые Академики, которые составляют Академию, и никого не обучают, кроме приданых им Адъюнктов и студентов, и особыливые Профессора, которые учить должны в Университете, о которых под учреждением Университета определено будет. Но ежели нужда востребует и время допустит и Академику трудиться в Университете, в таком случае отдается на Президентское рассуждение, чтоб определить он мог

¹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 11. С. 570.

² 1-ПСЗРИ. Том 12. № 9425. С. 730–739.

и Академика, по усмотрению, для чтания потребных лекций в Университете»¹.

Тридцать шестая статья Регламента Академии наук гласила: «Россия не может еще тем довольствоваться, чтобы только иметь людей ученых, которые уже плоды науками своими приносят; но чтобы всегда на их места заблаговременно наставлять в науках молодых людей, а особливо что за первый случай учреждение Академическое не может быть сочинено иначе, как из иностранных по большей части людей, а впредь должно оно состоять из природных Российских; того ради к Академии другая ее часть присоединяется, Университет»². В следующей, *тридцать седьмой* статье пояснялось, что это такое. «Университет, — гласила она, — есть собрание учащих и учащихся людей. Первые называются Профессоры, а другие студенты. Профессоры не обучают языков, но обучают наук. Того ради студенты должны уже искусны быть в языке Латинском, дабы лекции в науках, которых на ином ни на каком языке давать не позволяетя, как токмо на Латинском и Русском, могли они совершенно разуметь: сего ради надлежит выбрать из училищ Российских, где Президент за лучше усмотрит, тридцать учеников способных и знающих уже Латинский язык, и оных определить при Академии, дав им жалование и квартиру такую, чтоб они все могли быть в одном доме. А чтоб впредь сие число студентов могло всегда наполняться, то учредить Гимназию, при которой двадцать человек молодых людей содержать на коште Академическом, и годных производить в студенты, а негодных отдавать в Академию Художеств; только смотреть, чтобы как число студентов, так и число учеников в Гимназии, которые, как одни, так и другие содержатся имеют на коште Академическом, не пре- восходило положенного; ибо вольных людей принимать свыше сего позволяетя, сколько случатся, и за науку ни от кого, как Академии, так Профессорам и учителям от учеников ничего не требовать»³.

¹ 1-ПСЗРИ. Том 12. № 9425. С. 731.

² Там же. С. 735.

³ Там же. С. 735—736.

§ 2. Преподавание юриспруденции в Академическом университете в 40-е годы XVIII в.

Тридцать девятая статья, признавая, что «в Государстве люди способные весьма надобны», устанавливала порядок, по которому выпускники Академического университета не только пополняли бы штаты Академии, но и могли выйти в гражданскую или военную службу. Слушателям Кадетского корпуса, желавшим обучаться «статским наукам», разрешалось посещать такие лекции в университете, которых у них не читали¹. Согласно *сорок первой* статье Регламента Академии наук, в университет разрешалось принимать людей из всяких чинов, «смотря по способности, кроме положенных в подушный оклад». При этом предписывалось детей дворян не принимать в университет на академическое содержание, но обучать их только «на своем коште». Исключение делалось лишь для студентов из бедных дворянских семей².

В *сорок пятой* статье Регламента приводился список наук, которые надлежало преподавать в университете. В их числе назывались: латинский, греческий, французский и немецкий языки, «латинское красноречие», арифметика, «геометрия и прочие части математики», «география, история, генеалогия и гетаральдика», «логика и метафизика», «физика теоретическая и экспериментальная», «древности и история литеральная». Последними в этом списке стояли «права натуральные и философия практическая или нравоучительная»³.

Придавая Академическому университету некоторые черты самостоятельного ученого заведения, «Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санктпетербурге», принятый 24 июля 1747 года, не отделял его от Академии наук. В *тридцать восьмой* статье этого документа заявлялось, что «университет учрежден быть должен по примеру прочих европейских университетов», но дальше такого заявления дело не пошло: своего устава университет так и не получил. Вместо него в 1750 году была принята временная инструкция, определявшая организацию университетского учебного процесса.

¹ 1-ПСЗРИ. Том 12. № 9425. С. 736.

² Там же.

³ Там же. С. 736–737.

Преподавание юридических наук в академическом университете, реорганизованном в соответствии с «Регламентом Академии наук и художеств» от 24 июля 1747 года, было поручено Ф. Г. Штрубе де Пирмону. Для привлечения внимания публики к своим лекциям профессор написал на латинском языке пояснение к ним. В январе 1748 года оно было напечатано на языке оригинала и в переводе на русский язык под названием: «Программа, в которой равную пользу военной и судебной науки показывает; и купно желающим упражняться в основательнейшем учении на свои лекции призывает Фридрих Генрих Штрубе, Императорской академии наук профессор». Автор пытался доказать русским людям, что изучение права является для них более важным делом, чем изучение военной науки. Далее профессор Штрубе де Пирмон сообщал, что при Академии наук существует кафедра юриспруденции и что обязанность преподавать эту науку возложена на него. «А понеже должность сия на меня положена, — продолжал он свое пояснение, — то о точнейшем исполнении оныя крайнее буду иметь рачение. А пока еще не могу пользоваться таким щастием, чтоб правы и законы Российской империи, которым в рассуждении их справедливости никаких других предпочтеть нельзя, иметь в одной книге собранные и надлежащим порядком расположенные (чего желать весьма бы надлежало); то между тем, в публичной аудитории, в определенные часы со всяким прилежанием буду обучать и изъяснять *первые основания натурального и народного права*, ибо сие должно почитать за источник всех прав и законов гражданских, потому что без оного сих сочинить, разуметь и надлежащим образом употреблять никак невозможно. А как я в то время, которое мне от академических трудов оставаться будет, назначил к наставлению благородного юношества, то я в пользу тех, которые желание имеют учиться тому, что принадлежит до отправления при чужих двоих публичных дел, дома учить и изъяснять намерен. 1. *Знаменейших европейских государств и республик состояние, внутреннее их расположение и политическое между ними соответствие.* 2. *Должность и привилегии тех, которые для отправления публичных дел отсылаются в чужие земли с так называемым церемониальным правом, по колику оно касается до таких дел.* 3. *Сочинение писем и речей, особливо в означенных делах случающихся, на французском языке.*

ском языке, который ныне при оных больше употребляется. Того ради всех, которые охоту имеют в помянутых науках пользоваться моим наставлением, с благосклонностью прошу приходить в мой дом или подать мне другой какой способ, чтобы я им пространнее объявить мог о расположении моего учения¹. Из приведенных слов видно, что Ф. Г. Штрубе де Пирмон имел намерение устроить у себя на дому специальную школу для подготовки дипломатов из молодых людей знатного происхождения. По замечанию В. Э. Грабаря, эта частная инициатива профессора Российской Академии наук на год опередила аналогичную инициативу известного международника-позитивиста Иоганна Якова Мозера, основавшего в 1749 г. в г. Ганау (Hanau) свою Академию «для подготовки... принцев, графов, кавалеров и других лиц к европейской, особенно к германской государственной мудрости, к обычному ныне европейскому международному праву в мирное и военное время»².

По всей видимости, лекции Штрубе де Пирмона не заинтересовали русских юношей. Этот вывод напрашивается при чтении доношения, поданного им руководству Академии 10 декабря 1748 года. Сообщив в начале его, что во всех чужестранных университетах должность профессора юриспруденции состоит в том, чтобы обучать цивильному праву (*jus civile*), и что в заключенном с ним контракте ему вменено в обязанность «быть профессором гражданской, и притом публичной и натуральной юриспруденции», Штрубе де Пирмон писал далее: «А понеже в Российской империи гражданского права древних римлян или какого-нибудь другого народа юношеству публично изъяснять неприлично, и следовательно, положенная на меня должность касается напа-че до гражданской юриспруденции, поколику оная в одних российских правах упражняется; но сей должности совершенно исполнить невозможно, ежели наперед сочинено не будет краткое руководство к российским правам, которое бы как учащие, так

¹ Цит. по: *Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 677–678.*

² См.: *Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М.: Зерцало, 2005. С. 110.* Академия Мозера, носившая название «*Staats- und Canzley-Academie*» действовала недолго — до 1751 г.

и учащиеся во основание их упражнения полагать могли. Итак, сие дело на себя принять осмеливаюсь, ежели токмо во оном я, как для покупки потребных книг и писем, так и для награждения таких людей, от которых нужнейшие при таком сочинении известия получить могу, без помощи оставлен не буду...»¹. Ф. Г. Штрубе де Пирмон выражал, таким образом, мнение, что для русских студентов интересными могли быть только лекции, посвященные российскому праву, и именно поэтому предлагал написать краткое наставление по русскому праву — так называемый «*Compendium juris ruthenici*».

Руководство Академии наук приняло это предложение Штрубе де Пирмона и добавило к его 860 рублям годового жалованья еще 140 рублей. В феврале 1749 года профессор был уволен от должности конференц-секретаря Академии. В распоряжении президента Академии наук графа К. Г. Разумовского, предписавшем это увольнение, говорилось: «А ходить ему только, яко члену, в историческое собрание и при том излишнее свое время от университета с крайним тщанием и поспешением полагать к сочинению обещаемой от него книги так, как он расположение об оной к г. президенту в Москву прислал, дабы прибавка жалованья ему не вотще употреблена была...»².

В течение 1749 года Штрубе де Пирмон делал выписки из сборников печатных указов русских царей, изучал юридический сборник великого князя Ярослава, сопоставлял Кормчую книгу с Номоканоном. В августе 1749 года им была направлена в канцелярию Академии наук просьба о предоставлении ему следующих сведений, необходимых для написания «Компендиума русского права»: «1. В какой новгородской истории находятся ярославовы законы и имеется ли такая история в академической библиотеке, или можно достать ее где инде? 2. Потребна исправная копия законов великой княгини Ольги и великого князя Владимира из Степенной книги и из других летописцов. 3. Известны ли и имеются ли еще какие другие старинные российские законы, издан-

¹ Цит. по: *Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 678–679.*

² Цит. по: Там же. С. 679.

ные прежде Судебника царя и великого князя Иоанна Васильевича? Потребна исправная копия императорских указов, или жалованым грамотам, данным в пользу чужих вер. 5. Потребна копия с указов, публикованных о изгнании жидов и иезуитов¹. Правитель академической канцелярии И. Д. Шумахер поручил извлечь все эти сведения из академической библиотеки в срок до 15 сентября 1749 года.

В дополнение к ним профессор Штрубе де Пирмон получил в начале 1750 года рукопись первой части составленного В. Н. Татищевым «Собрания законов древних русских». Данная рукопись, незадолго перед этим переданная русским историком в библиотеку Академии наук, содержала подготовленный им к печати текст Краткой редакции Русской Правды, разбитый на статьи и снабженный комментариями. 6 февраля 1750 года Штрубе де Пирмон сообщал И. Д. Шумахеру о том, что узнал из комментариев В. Н. Татищева, что «законы великого князя Ярослава находятся в летописи Авраамия Ростовского» и просил правителя академической канцелярии распорядиться, чтобы ее выдали из академической библиотеки его служителю².

Собирая материалы для руководства по русскому праву, Штрубе де Пирмон в то же время вел разработку его структуры. В 1749 году он набросал краткое оглавление своего произведения. В начале 1750 года им было составлено полное его оглавление. Текст последнего сохранился среди бумаг, отражающих историю создания указанного руководства. Он обозначен как «реестр краткого руководства к российским правам, сочиненного г[осподином] профессором Штрубе»³. Содержание руководства разделялось, согласно данному «реестру», на две книги. Первая из них посвящалась общим понятиям права и закона, праву лиц, институтам вещного и обязательственного права, наследованию и суду. Вторая книга была названа «книгой о публичном праве».

Общая часть, с которой начиналась первая книга рассматриваемого руководства, состояла из пяти глав: 1) «о правах и законах

¹ Пекарский П. П. Указ. соч. С. 680.

² Там же. С. 681.

³ См.: Там же. С. 681–682.

вообще», 2) «о различии прав и законов», 3) «о правах и законах сея империи» 4) «о юриспруденции и о способах, как основательно оной научиться» и 5) «о главнейших правилах, при толковании и употреблении прав и законов наблюдаемых».

Вторая часть первой книги, в которой шла речь о правовых нормах, касающихся персон, также включала в себя пять глав: 1) «о персонах и о различии их вообще», 2) «о христианских собраниях и о особых духовного чина», 3) «о супружестве и о бракосочетающихся персонах», 4) «о фамилии и о принадлежащих ко оной персонах», 5) «о вольных и невольных людях».

Третья часть посвящалась правовым нормам, касающимся имений. Она делилась на десять глав: 1) «о имении и о праве владения вообще», 2) «о различии имения», 3) «о персонах, которым позволено владеть собственным имением», 4) «о способах к приобретению имения, а особливо о снискании имения собственным старанием», 5) «о ремеслах и торговых промыслах», 6) «о способах, по которым друг от друга получают имение, а особливо о договорах и крепостных делах», 7) «о векселях», 8) «о приданном», 9) «о духовных», 10) «о разделении имения».

В четвертой части первой книги, в которой описывались правила, касающиеся суда, было девять глав: 1) «о судах вообще», 2) «о разных судах Российской империи», 3) «о делах в судах судимых, а особливо о обидах и преступлениях», 4) «о таможенном и вексельном суде и о решении дел по прошениям», 5) «о форме суда», 6) «о решении розыскных дел», 7) «о поступках и о неправдах в судных местах», 8) «о подозрительных судьях и апелляциях», 9) «о полюбовных примирениях и о третейском суде».

Вторую книгу своего руководства по русскому праву Штруbbe de Пирмон предполагал составить из двух частей. В первой из них — под названием «О должностях, касающихся до императорского величества» — выделялись пять глав: 1) «о присяжной должности», 2) «о титулах императорского величества», 3) «о чеболбитечиках», 4) «о великих делах, також о бесчинствах и о бранях в государеве дворе», 5) «о доносах и великих делах».

Вторая часть второй книги — под названием «Об отправлении государственных дел в разных коллегиях, канцеляриях, конторах и прочих судных местах Российской империи, и о принадлежащих туда генеральных должностях, также и о прокурорском

§ 2. Преподавание юриспруденции в Академическом университете в 40-е годы XVIII в.

чине» — должна была включать в себя всего две главы: 1) «о множестве и разности государственных дел и об отправлении оных в разных коллегиях и прочих судных местах сея империи», 2) «о генеральных должностях».

В процессе написания текста руководства Штрубе де Пирмон внес в предварительно разработанную схему его некоторые изменения. К двум частям второй книги он добавил третью часть — «О военных делах». Раздел «О правах, касающихся до суда» он переместил из первой книги на место четвертой части второй книги.

Из приведенного плана очевидно, что задуманное Штрубе де Пирмоном руководство по русскому праву не могло быть «кратким». В результате осуществления этого плана должен был появиться весьма обширный трактат по русскому праву. Но Штрубе де Пирмон не сумел выполнить задачу, которую поставил перед собой.

В какой-то мере помешал ему сделать это правитель академической канцелярии. Оказывая Штрубе де Пирмону всяческое содействие в его работе над руководством по русскому праву, И. Д. Шумахер одновременно требовал от него постоянных отчетов о результатах данной работы. 11 января 1750 года профессор вынужден был представить в канцелярию Академии наук в качестве отчета о сделанном им незавершенный (черновой) вариант начального раздела своего произведения. Спустя пять месяцев, а именно: 18 июня 1750 года правитель канцелярии потребовал от Штрубе де Пирмона, «чтобы он то, что сочинил, немедленно подал в канцелярию для переводу...»¹. В результате Штрубе де Пирмон поспешил представить в Академию первую книгу своего руководства по русскому праву². До конца 1750 года ее текст был

¹ Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М. И. Сухомлинов. Том 10. СПб., 1900. С. 440.

² Г. С. Фельдштейн отмечает в своей книге, посвященной истории науки уголовного права в России, что данный труд «был написан Штрубе по немецки» (Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. С. 123). Любопытно, что большая часть сочинений Штрубе де Пирмона издавалась на французском языке. См.: Батлер У. Э. Международное право в России: Библиография // Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М.: Зерцало, 2005. С. 806.

переведен на русский язык переводчиком Василием Лебедевым. Данный перевод так и не был напечатан: его манускрипт, обозначенный как произведение Штрубе «Краткое руководство к российским правам», списанное в 1750 году *in folio* в двух переплетах, был отдан на хранение в рукописный отдел библиотеки Академии наук¹. В январе 1753 года Штрубе де Пирмон представил в канцелярию Академии наук «Гражданских прав часть вторую об отправлении государственных дел в коллегиях и прочих судебных местах Российской империи и о принадлежащих туда генеральных должностях, также и прокурорском чине». Правитель академической канцелярии дал произведению Штрубе де Пирмона, призванному служить руководством при изучении русского права, отрицательную оценку. В протоколе канцелярии было записано: «А что им, г. Штрубе, того руководства сочинено и подано, хранить до времени в канцелярском архиве, понеже при точнейшем рассмотрении оказалось, что она книга сочинена не тем образом, как он обещался и ее назвал, т. е. кратким руководством, ибо в оной ничего более не учленено, как только что под краткими заглавиями расположены материи и содержания указов, регламентов и прочаго во всем их пространстве от слова до слова, как напр. весь вексельный устав, весь воинский устав с процессом; большая часть Уложения и указной книги и пр., почему упомянутая его книга к тому намерению, для которого приказано было ему оное сочинять, т. е. российскому юношеству вместо краткого руководства, явилась неспособною и еще меньше того для внесения в оную от слова до слова всего того, что в особливых напечатанных уже книгах содержится, — оную таким образом, как от него подано, в печать произвестъ за излишне признано...»². На основании этой оценки 17 мая 1755 года профессору Штрубе де Пирмону перестали выплачивать

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. приписывал авторство «Краткого руководства к российским правам» правоведу Иоганну Симону Бекенштейну (см.: Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России в XVIII веке. Ч. I. Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль, 1874. С. 185). Это явная ошибка, а скорее всего — просто недоразумение. Авторство Ф. Г. Штрубе де Пирмона в данном случае никаких сомнений вызывать не может.

² Цит. по: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Том 1. С. 683.

добавочное жалованье в 140 рублей, назначенное за подготовку «*Compendium juris ruthenici*». Так завершилась история разработки краткого руководства по русскому праву для студентов академического университета. Ф. Г. Штрубе де Пирмону не удалось в полной мере осуществить свой замысел. Тем не менее его труды в этом направлении не должны быть забыты: они представляли собой *пер первую попытку научной обработки русского права с помощью исторического и догматического методов*.

Основному содержанию своего руководства по русскому праву Штрубе де Пирмон предпослал общую часть, в рамках которой старался прояснить понятия права и закона вообще, дать классификацию прав и законов, показать задачи юриспруденции, ее взаимосвязи с другими науками.

Слово «право» Штрубе де Пирмон определял как выражение сходства «всякого морального или свободного действия со всеобщим человеческим сохранением и благополучием». Слово же «закон» обозначает, по его мнению, «те правила, которые людям в обществе живущим чрез главу того общества даются..., чтоб по ним располагать и вершить все их дела, как чтоб оные со всеобщим сохранением и благополучием согласны были».

Законы различаются, отмечал Штрубе де Пирмон, по трем критериям: «отчасти законодавцем, отчасти делами, до которых они касаются, а отчасти и образом, как оные объявляемы бывают». По различию законодавцев (законодателей) он делил законы на «естественные (натуральные)», «божеские» и «гражданские». С точки зрения дел, которых законы касаются, должно различать, по мнению профессора, законы «государственные», то есть затрагивающие непосредственно пользу всего государства или его главы, и законы «земские или народные», касающиеся непосредственно «собственной пользы каждого члена общества».

По образу объявления Штрубе де Пирмон различал, с одной стороны, законы, сообщающиеся населению в письменном виде, и, с другой стороны, обычаи, которые «за действительные законы почитаются», потому что «не только служат государственной пользе, но и главами общества позволяются».

Под «юриспруденцией» Штрубе де Пирмон понимал «науку, которая учит нас, как права и законы точно разуметь и употреблять в дела, до которых оные касаются». По его мнению, что-

бы достичь указанной цели, юриспруденция должна использовать достижения «тех частей философии, по которым познаем мы силы человеческого разума и воли». Кроме того, она должна опираться и на историю, «по которой нам известно бывает не токмо состояние и нравы тех земель и народов, которым права и законы даются, но и самое их начало и причины с разными их переменами».

Историческое толкование правовых норм Штрубе де Пирмон считал необходимым условием уяснения русского «гражданского» права. В третьей главе общей части своего руководства по русскому праву, названной «О правах и законах сея империи», он дал обзор источников русского права: договоров Руси с Византией, законодательства великого князя Ярослава Мудрого, Судебника царя Иоанна Васильевича, Уложения Алексея Михайловича, Новоуказных статей и т. д.

В 1756 году Ф. Г. Штрубе де Пирмон произнес в публичном собрании Санкт-Петербургской Академии наук речь «Sur l'origine et les changements des lois russiennes». В том же году она была переведена на русский язык и напечатана в виде отдельной брошюры¹. В начале этой речи он сказал о предпринятой им в конце 40-х – начале 50-х годов попытке кратко изложить историю русского права следующее: «Думал я последовать некоторым писателям, упомянувшим о законах Российской империи. Но тот час увидел, что они сами не имея об них довольноного понятия, не могли описать их ясно, почему и подражания недостойны. Того ради должен я был поступать по учиненным собственными моими трудами в наизнаменейших древностях сего народа изобретениях»². Штрубе де Пирмон имел в виду в данном высказывании иностранных ученых и путешественников, писавших о России и бытавших в ней порядках. Он мало знал, к сожалению, о трудах по русскому праву Василия Никитича Татищева (1686–1750). Из писем Штрубе де Пирмона видно, что он ознакомился только с та-

¹ Слово о начале и переменах российских законов..., в публичном собрании Санкт-Петербургской Императорской Академии наук говоренное Федором Штрубе, сентября 6 дня 1756 года и переведенное на русский язык Семеном Нарышкиным. СПб., 1756.

² Там же. С. 2.

тищевским «Собранием законов древних русских», рукопись которого находилась в библиотеке Академии наук.

§ 3. Обучение юриспруденции в Корпусе кадетов шляхетских детей. Попытки самодержавной власти побудить дворян изучать российские законы

Необходимость обучения молодых дворян юриспруденции вполне сознавалась императрицей Анной Иоанновной и приближенными к ней сановниками. 29 июля 1731 года в Санкт-Петербурге был учрежден Корпус кадетов шляхетских детей¹. В изданном в этот день высочайшем указе говорилось: «Хотя вечнодостойный памяти дядя наш, государь Петр Великий, император, неусыпными своими трудами воинское дело в такое уже совершенное состояние привел, что оружие российское действия свои всему свету храбростию и искусством показало, а для произведения определено было указом Его Величества все младое шляхетство в гвардию с начала писать, и тем путем, яко школою, далее дослуживаться, також и в гражданских и политических делах не меньше старания прилагать изволил посылкою для обучения в чужие край и потом в государстве указом определил во всех коллегиях из шляхетства быть коллегии юнкерам, дабы из них, по примеру других европейских государств, через секретарство до выших градусов происходить могли, и напоследок Академию наук учредил. А понеже воинское дело поныне еще в настоящем добром порядке содержитца, однакож, дабы такое славное и государству зело потребное дело наивящие в искусстве производилось, весьма нужно, дабы шляхетство от младых лет к тому в теории обучены, а потом и в практику годны были. Того ради указали Мы учредить корпус кадетов, состоящий из 200 человек шляхетских детей от тринадцати до осьмнадцати лет, как российских, так и эстляндских и лифляндских провинций, кото-

¹ С 1743 года он будет носить название «Сухопутный кадетский корпус», в 1767 году его назовут «Императорским Сухопутным Шляхетским кадетским корпусом», с 1800 года он будет известен под именем «Первого кадетского корпуса».

рых обучать арифметике, геометрии, рисованию, фортификации, артиллерии, шпажному действу, на лошадях ездить и прочим к воинскому искусству потребным наукам. А понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна, також и в государстве не меныше нужно политическое и гражданское обучение: того ради иметь при том учителей чужестранных языков, истории, географии, **юриспруденции**, танцеванию, музыки и прочих полезных наук, дабы, видя природную склонность, потому б и к учению определять¹ (выделено мною. — В. Т.).

Согласно шестой статье Устава Кадетского корпуса, высочайше утвержденного 18 ноября 1731 года, изучать юриспруденцию кадеты должны были во втором классе².

Официальное открытие Корпуса кадетов шляхетских детей состоялось 17 февраля 1732 года. Его резиденцией стал дворец со сланного в Сибирь А. Д. Меншикова. Высочайше утвержденный в середине указанного года штат Корпуса предусматривал набор 360 воспитанников. Из рапорта, поданного императрице Анне Иоанновне в 1733 году Б. К. Минихом, видно, что в Корпусе кадетов обучалось 245 молодых русских дворян: из них юриспруденцию изучали только 11 человек³.

Далеко не все из кадетов горели желанием учиться, но нерадивых учащихся в Корпусе долго не держали. Именной указ императрицы Анны Иоанновны от 30 марта 1737 года содержал следующее предписание на такие случаи: «...А понеже в Кадетский Корпус ради разных учений определены Шляхетские ж и Офицерские дети, с которыми во всем, равно как в вышеупомянутом Нашем указе о прочих недорослях напечатано, поступать надлежит: того ради Всемилостивейше повелеваем: чтоб всех Кадетов по определенным в упомянутом указе срокам в их науках свидетельствовать в присутствии одного из Сенаторов, де сеанс и Ад-

¹ 1-ПСЗРИ. Том 8. № 5811. С. 519. Законодательство императрицы Анны Иоанновны / Составитель и автор вступительной статьи В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. С. 87–88.

² 1-ПСЗРИ. Том 8. № 5881. С. 537. Законодательство императрицы Анны Иоанновны. С. 91.

³ См.: Толстой Д. Взгляд на учебную часть в России в XVIII ст. до 1782 г. СПб., 1885. С. 30.

миралтейской Академии и Инженерной школы учителям, и которые из них пребывали в гулянии и в прочих неприличных честным людям поступках и время праздно провождали, и ничему ни обучились: таких по 16-ти летах возраста их, отсыпать в Адмиралтейскую Коллегию, для определения в матросы, без всякого произвождения: ибо от того никакой пользы ожидать не возможно, который в обучении таких беструдных и ему весьма потребных наук никакого радения не показал, и дабы все кадеты о сем Нашем Всемилостивейшем соизволении были известны и неведением не отговаривались: то надлежит сей Наш указ при собрании их всех читать в каждой неделе по дважды, и повелеваем в Нашем Кадетском Корпусе чинить по сему Нашему указу»¹.

Из юридических наук в Корпусе преподавалось главным образом естественное и римское право. В донесении директора Корпуса Ф. Теттау в Академию наук, поданном в 1737 году, содержалось следующее сообщение о произведениях, по которым кадеты учились юриспруденции: «1) Гeinекции элемента филозафие рационалис. 2) Реслери Институционес юрис натуралис. 3) Гeinекции элемента юрис цивилис секундум ординем институционум. Которые авторы кадетам совсем экспликованы, и кадеты притом Гундлингс на естественное право разговоры и Глафеис разума и народов право с малыми Гопии о: Ад институционес приватно читали. Ныне слушают они колегия: 1) над Гeinекции Элемента юрис цивилис секундум ординем пандектарум. 2) Над Шиллери юс феудале с Гундлингс дискурсами. 3) Над Будден филозофия практика вторая часть де официис гоминум генциум кве интеграрум адлеас натуре компонендис. 4) Гундлингс дискурс иберди рейхс гисториям. Токмо в сей науке, затем что господин лицензиат юрис Геи поныне недомогал, немного учинено»².

Выдержки из аттестата кадета Магнуса Фока 1739 года, приводимые в приложении к 20-му тому «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, показывают, что им изучались в

¹ 1-ПСЗРИ. Том 10. № 7213. С. 94. Законодательство императрицы Анны Иоанновны. С. 190.

² Материалы для Истории Императорской Академии наук. СПб., 1886. Том 3. С. 464.

Корпусе следующие предметы: 1) французский язык, 2) латинский язык, 3) «философия: юс натуры, институционес юстинианес, пандектум и юс феудале; в философии Гейнеции элемента, юс секундум ординем пандекторум до 41 книги дошел»; 4) русский язык¹. Данный аттестат давал в то время право его обладателю вступить в гражданскую службу.

11 августа 1740 года Правительствующий Сенат определил, чтобы кадеты в количестве 24 человек из тех, кто показал себя более способным к «статским делам», нежели военным, обучались одной юриспруденции и арифметике, а на другие науки времени бы не тратили и к воинским упражнениям и в караулы не привлекались².

О качестве подготовки кадетов в юридических науках судить трудно по тем материалам, которые дошли до нас, поскольку они отражают лишь единичные факты. Так, в 1742 году в собрании Сената были представлены прошедшие обучение в Корпусе кадетов юриспруденции, арифметике и другим наукам Колошин, князь Цицианов, Ляпунов и Попов. Профессора Академии наук, проверявшие уровень их подготовки, показали в аттестатах, что князь Цицианов, Ляпунов и Попов «во всей юриспруденции, универсальной истории и географии нарочито упражнялись, по-немецки совершенно говорят и во французском и латинском языках доброе познание получили, в арифметике и геометрии нарочито искусны. А Колошин в натуральном и гражданском праве³ несколько упражнялся»⁴. Сенат приказал определить названных выпускников Корпуса кадетов на секретарские должности: Колошина — в Юстиц-коллегию, Цицианова и Ляпунова — в Вотчинную, Попова — в Судный приказ.

Ощущая недостаток чиновников, знающих законодательство, императрица Анна Иоанновна предприняла в 1737 году попытку

¹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 10. С. 701.

² В «Полном собрании законов Российской империи» данного узаконения нет. Я привожу его текст по пересказу, который дается в Сенатском указе от 21 сентября 1748 г. Его текст цитируется ниже.

³ Имеется в виду цивильное (римское) право — *jus civile*.

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 11. С. 579.

побудить молодых дворян к изучению юриспруденции непосредственно на государственной службе. Государыня распорядилась всех дворянских недорослей, проживавших в Санкт-Петербурге, грамоте российской читать и писать обученных и являющихся к гражданской службе более способными, чем к воинской, распределить между Сенатом, коллегиями и канцеляриями «и поступать с оными дворянами нижеследующим образом: 1) вручить оных дворян в Сенате Обер-Секретарю, а ему расписать их по Экспедициям Секретарским, иметь над ними смотрение и попечение к поспешествованию пользе Государственной неленостно, чтоб Секретари по Экспедициям тщательно их обучали, что касается до приказного порядка и знания указов и прав Государственных, Уложения и прочего; к тому ж чтоб чисто и хорошо писать обучены были, и при том обучении вышеозначенным дворянам отправлять точно копийскую должность, а в коллегиях и Канцеляриях таким же образом смотрение и попечение в определении оных иметь Президентам, Вице-Президентам и Главным Судьям»¹.

В период правления императрицы Елизаветы Петровны недостаток в государственном аппарате юридически образованных чиновников был не менее острым, чем при Анне Иоанновне. Поэтому 21 сентября 1748 года был издан Сенатский указ следующего содержания: «В Собрании Правительствующий Сенат имели рассуждение, что Августа 11 дня прошлого 1740 года, по определению Правительствующего Сената, велено из обретающихся в Кадетском корпусе в науках Великороссийской нации кадетов, кои более к статским делам по науке своей склонны явятся, отделя 24 человека, обучать одной Юриспруденции и Арифметике, нужных к гражданской службе частей, и для того в другие науки, також к воинской экзерции и на караулы не употреблять; а понеже небесполезно есть, чтоб оным из кадетов, обучающимся Юриспруденции для знания Российских Гражданских прав, в некоторые дни слушать Уложение, Уставы, Ре-

¹ Сенатский указ от 11 мая 1737 года «Об определении недорослей в Сенат и в другие присутственные места; о порядке обучения их приказным делам и наукам и о смотрении за успехами их и нравственностью» // 1-ПСЗРИ. Том 10. № 7248. С. 141. Законодательство императрицы Анны Иоанновны. С. 191–192.

гламенты и указы; того ради *Приказали*: в Канцелярию Кадетского корпуса послать указ, велеть обучающимся в оном корпусе Юриспруденции кадетам определить между других наук слушать в каждой неделе по два дня лекцию, в которые собирая их, читать Уложение, Генеральный Регламент и прочие подлежащие к знанию Гражданских прав Уставы и Регламенты и указы, и для того определить к тому особым достойного человека из обретающихся не у дел из статских чинов, к чему представить от Герольдии кандидатов, дабы через то оные кадеты во время определения их к статским делам могли достаточно уже в Гражданские права знать»¹.

Попытки побудить дворянских детей к изучению юриспруденции со времен Петра I регулярно предпринимались самодержавной властью, но все они оказывались тщетными. Российское юридическое образование, а вместе с ним и российская теоретическая юриспруденция на всем протяжении первой половины XVIII века оставались в зачаточном состоянии. В России не существовало еще полноценных учебных заведений для обучения юридическим наукам, отсутствовало достаточное число правоведов — специалистов в области научной юриспруденции, не было и необходимых учебных пособий для изучения права. Теоретической обработкой действующего российского законодательства никто по-настоящему не занимался.

Впрочем, не только юридические знания, но и состояние действующего законодательства по разным причинам мало волновало российских дворян. Впрочем, они мало что и знали о содержании законов. Да и не особенно необходимо им было такое знание. В суд обращались редко, предпочитая решать споры иными способами. «При слове «суд» вздрагивал русский человек», — написал С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен».

¹ Сенатский указ от 21 сентября 1748 года «Об обучении кадет, склонных к статской службе, Юриспруденции и Арифметике; об освобождении их от занятий прочими науками и от упражнений в военной экзерциции» // 1-ПСЗРИ. Том 12. № 9532. С. 894. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / Составитель и автор предисловия В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2008. С. 78–79.

§ 4. Василий Никитич Татищев как правовед, роль его трудов в формировании научной юриспруденции в России

В настоящее время В. Н. Татищев (1686–1750) известен прежде всего как родоначальник русской исторической науки. Действительно, исследования по русской истории составляли главное призвание его души, и в этой области его научная деятельность оказалась наиболее плодотворной. Основной ее итог — обширный труд «История Российской с самых древнейших времен», писавшийся им до самой кончины¹. Но помимо русской истории Татищев занимался целым рядом других наук: математикой, географией, геологией, экономикой, политикой, философией, филологией, педагогикой. Изучал он также и юриспруденцию. Причем во всех указанных науках, включая юриспруденцию, Татищев добился значимых результатов, о чем свидетельствует содержание написанных им трактатов, записок, комментариев.

В историю России XVIII века В. Н. Татищев вошел также в качестве видного государственного деятеля, талантливого администратора². В. О. Ключевский писал о нем: «Артиллерист, горный инженер и видный администратор, он всю почти жизнь стоял в потоке самых настоятельных нужд, живых текущих интересов времени — и этот практический делец стал историографом, русская история оказалась в числе этих настоятельных нужд и текущих интересов времени; не плодом досужей любознательности патриота или кабинетного ученого, а насущной потребностью делового человека. Так[им] образ[ом] Татищев вдвойне интересен, не только как первый собиратель материалов для полной истории России, но и как типический образчик образованных русских людей петровской школы»³.

¹ Печатание татищевской «Истории Российской» началось спустя восемнадцать лет после его смерти (первая книга этого произведения вышла в свет в 1768 г.) и продолжалось оно до 1848 г., когда появилась последняя, пятая книга.

² См. подробнее о жизни и творчестве В. Н. Татищева в издании: *Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. Том 1. С. 1–62.*

³ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 129.

Право, действовавшее в России в XVIII веке, было глубоко укоренено в историю русского народа. Поэтому правоведы, стремившиеся придать изучению русского права научный характер, вынуждены были обращаться к русским правовым памятникам прошлых веков. С другой стороны, ученые, исследовавшие русскую историю, не могли обойтись без тщательного изучения содержания юридических сборников Древней Руси и Московии, уяснения смысла юридических понятий и терминов. Зарождавшаяся в России научная юриспруденция была тесно связана поэтому с формировавшейся исторической наукой.

В. Н. Татищев внес большой вклад в изучение русского права, а следовательно, и в развитие русской научной юриспруденции. Он первым из ученых обнаружил (в 1737 г. в составе Новгородской первой летописи младшего извода) «Русскую Правду». Он открыл для историко-правовой науки и Судебник 1550 года. Оба эти правовые памятники были им прокомментированы и подготовлены к изданию¹.

Юриспруденцию В. Н. Татищев ставил на второе место в иерархии наук — первой и высшей наукой он называл богословие. Юриспруденция, писал он, это наука, «которая учит благонравию и должности каждого к Богу, к себе самому и другим, следственно, к приобретению спокойности души и тела. Но не может никаков юрист мудрым назван быть, если не знает преждних толкований и пренеять о законах естественном и гражданском. И как может судия право дела судить, если древних и новых законов и причин пременениям неизвестен, для того ему нужно историа о законах знать»².

Признавая, что самодержцы «никаким законам не подлежат и никаких правил хранить (в смысле «соблюдать». — В. Т.), кро-

¹ Комментарии В. Н. Татищева к Судебнику 1550 г. и к царским указам XVI—XVII вв. были изданы в 1768 г. См.: Законодательные памятники XVI и XVII столетий, собранные Василием Никитичем Татищевым и изданные академиком Г. Ф. Миллером в 1768 году, вместе с примечаниями, к памятникам этим, В. Н. Татищева и приложением письма Царя Иоанна IV-го Васильевича к Архиепископу Казанскому Гурию М., 1905.

² Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. История Российской. Часть первая. М., 1994. С. 80.

ме божественных не должны» и что «законоиздание» состоит «единственно во власти монаршеской», Татищев полагал все же, что при издании законов необходимо следовать определенным принципам. По его мысли, государь должен руководствоваться при «законоиздании» стремлением «к пользе общей и справедливости». Государи могут, допускал он, в случае, когда «для тягости труда не всегда к тому время имеют», а также «от любви отеческого к подданным, храня пользу оных» доверить сочинение законов людям «довольно в законах искусным и отечеству безпредвзято верным». Однако при этом сочинителям законов необходимо, считал Татищев, соблюдать следующие правила: 1) чтобы закон был понятен, писать его следует на таком языке, на котором большая часть народа говорит; 2) чтобы закон действовал, он должен соответствовать естественному закону, дабы то, что им в качестве зла представляется, не почиталось бы в законах гражданских за добро; 3) чтобы законы один другому ни в чем не противоречили, дабы «как судящие, так судящая не имели случая законы по своим прихотям толковать и тем коварством законы скрытно нарушать»¹; 4) чтобы всякий закон немедленно всем объявлялся и становился известным, «ибо кто, не зная закона, преступит, тот по закону оному осужден быть не может»².

Приведенные высказывания В. Н. Татищева свидетельствуют о том, что он обладал обширными познаниями в области юриспруденции и хорошо понимал главные закономерности правотворчества. Его же комментарии и просто замечания к различным статьям Судебника 1550 года, мысли, которые он высказывал по поводу Соборного уложения 1649 года, и особенно его предложения о внесении поправок в текст этого свода, выдают в нем высококвалифицированного правоведа. Имя Василия Никитича Татищева должно занять достойное место в истории русской юриспруденции.

¹ Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения / Под общей редакцией С. Н. Валка. Л., 1979. С. 125.

² Там же.

С октября 1734 года и до июня 1737 года В. Н. Татищев пребывал на Урале, занимая должность главного начальника горных заводов Сибири¹. Отправление этой должности позволило ему ознакомиться с практикой применения в местных судах действующего законодательства. В конце 1736 года Татищев узнал, что в Санкт-Петербурге готовится к печати новое издание Соборного уложения. 30 декабря он написал по поводу данного события обширное письмо секретарю Академии наук И. Д. Шумахеру. «Это в высшей степени нужное и полезное дело, так как повсюду в Уложении чрезвычайная нужда, так что его нельзя купить даже за тройную цену; поэтому судьи часто по неведению ошибаются, а просители вовлекаются в более тяжелые тяжбы»², — сообщал Василий Никитич. При этом он высказывал мнение, что если будет напечатано 2000 экземпляров Уложения, то они «в короткий срок будут разобраны, особенно если их разослать в разные провинции. Однако же если Уложение будет напечатано в том виде, в каком оно сейчас имеется, то большой пользы оно не принесет, так как в нем имеется много несовершенств и неисправностей или отклонений».

В числе таких «несовершенств и неисправностей» Соборного уложения В. Н. Татищев называл: 1) необъясненные различия в написанном об одинаковых вещах, вследствие чего судьи могли «легко применить одно вместо другого»; 2) наличие ссылок на другие статьи, в которых по вопросам, которые должны в них разъясняться, на самом деле ничего не написано; 3) сохранение в тексте Уложения статей и даже целых глав, которые уже не действуют; 4) отсутствие в Уложении множества важнейших правовых норм, введенных в действие отдельными указами, и т. д.³

¹ Императрица Анна Иоанновна назначила его на эту должность своим указом от 17 марта 1734 г. Указом от 10 мая 1737 г. В. Н. Татищев был перемещен на должность начальника Оренбургской экспедиции.

² Василий Никитич Татищев. Записки. Письма: 1717–1750 гг. М., 1990. С. 214.

³ В своем сочинении «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» В. Н. Татищев писал об этом недостатке Соборного уложения следующее: «Оное, как видно, при сочинении надмерно спешили или к сложению искусного секретаря недоставало, что некоторые случаи равного состояния в разных главах или статиях разногласны; другие надмерно кратки и темны, так что с трудом сущую силу их разуметь можно; иные непотребным многогречием наполнены, чрез что судиям есть немалое

Указав на недостатки Соборного уложения, Татищев изложил в письме к И. Д. Шумахеру ряд предложений по их исправлению. Так, он предложил имеющиеся в его тексте похожие нормы «отметить на полях, чтобы всякий мог легко найти их». По его словам, «если что-нибудь отменено или изменено другими указами, то следует отослать к этим указам; если последние не напечатаны — напечатать во второй части». Кроме того, Татищев посоветовал вставить в текст Соборного уложения отсутствующие в нем нормы из действующих законодательных актов. Сознавая, что дополнение текста Соборного уложения новыми правовыми нормами — весьма сложная операция, предполагающая согласование их с уже имеющимися нормами, он предложил напечатать новые статьи в приложении или же собрать их воедино и издать отдельным томом, дополняющим основной текст Уложения¹. Данные предложения не были приняты. Напечатанное в 1737 году второе издание Соборного уложения повторило все указанные Татищевым недостатки первоначального его издания.

В воспитании юношей В. Н. Татищев придавал большое значение обучению праву. Он писал своему сыну в завещании («Духовной»): «Весьма же нужно тебе поучаться и о светских науках, в которых нужнейшее — право и складно писать... Необходимо нужно есть знать законы гражданские и воинские своего отечества, и для того, конечно, во младости надобно тебе Уложение и Артикулы воинские, сухопутные, морские неоднова, а некогда и печатные указы прочитать, дабы как скоро к какому делу определишься, мог силу надлежащих к тому законов разуметь; наипаче же об оном по причине собственных своих и посторонних дел с искусными людьми разговаривать и поряткам, яко же и толкованию законов, не меньше же и коварства ябедническия познавать, а не делать научиться, что тебе к немалому щастию послужит»².

сомнительство, а судящиеся коварно оными наносят затруднение и дела продолжают; многих же нуждных обстоятельств точно не положено, и затем оно само собою недостаточно» (Татищев В. Н. Избранные сочинения. Л., 1979. С. 127).

¹ См.: Там же. С. 215–216.

² Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избранные сочинения. Л., 1979. С. 138.

Особенно необходимо, полагал Татищев, учиться праву шляхетству. «Первое, понеже шлихтич всякой по природе судия над своими холопи, рабами и крестьяны, а потом может по заслуге чин судии нести яко в войске, тако и в гражданстве. Другое, что едва обходимое ль, чтоб он сам судя или приказного дела избежать мог и если не собственною своею, то своих причину привлечется, и для того ему необходимо нужно законы знать». Признавая, что всех законов «наизусть вытврдить и в памяти сохранить неудобно», Татищев заявлял, что «однако ж главные должности из законов нужно со младенчества учить, яко: 1) должность к государю; 2) должность к своему государству; 3) к родителям и единутробным; 4) к своим домовным, яко жене, детем и домочадцам; 5) к прочим людям...»¹. Когда же шляхтич «в возраст придет», то ему необходимо, утверждал Татищев, запомнить и в памяти своей иметь «должности и порядки, принадлежащие до судии и судящегося», и особенно «форму суда». Кроме того, ему следует и «закона естественного правила учить»².

Знание сути законов Татищев считал необходимым качеством для любого судьи. «Хотя уставов или законов у нас много, — отмечал он, — да если бы и еще их столько ж на разные приключения зделать, однако ж никак невозможно, чтоб какое обстоятельство не находилось, которое точно во всех тех законах написано не сыщется. И для того не знающие основания законов часто во мнениях погрешают или дело волочат, а ученному легко дознаться и по законам решить то же самое удобно». По словам Татищева, «естьли судия есть в правилах, принадлежащих тому, неученой, то, кроме пристрастия, незнанием тяжко погрешить и закон божий, яко же и волю законодавца, нарушить может». «Всякого судии, — писал он, — есть должность в недостатке какого-либо закона вновь сочинять таким порядком, что когда он от коего-либо высшего суда, яко градской от губернатора, губернии от Юстиц-коллегии, а оная от

¹ Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В. Н. Избранные произведения / Под общей редакцией С. Н. Валка. Л., 1979. С. 128.

² Там же.

Сената требует на сумнительство решения, тогда оному повинно мнение представить. Но естьли он в правилах законов неучен, то паки правильно и порядочно оного мнения сочинить не может. И тако, неученой судия будет подобен безразумной машине, которая ничего собою в себе исправить не может и за неудобностию к надзиранию устроившего часто вместо пользы вред приносит»¹.

§ 5. Частные собрания российских узаконений. «Книга Woselesow» Петра Елесова

Хаотичное состояние российского законодательства, усугублявшееся по мере увеличения количества принятых законов, создавало множество неудобств не только для судей и служащих различных государственных учреждений, деятельность которых была связана с применением правовых норм, но и для частных лиц, сталкивавшихся в своей жизни с теми или иными проблемами юридического характера. Действующие законы трудно было отделить от законов отмененных в массе принятых за время, прошедшее после издания Соборного уложения, юридических актов. Многие из них к тому же вообще не публиковались и были по этой причине практически недоступны для частных лиц.

Между тем потребность в знании действующего права, особенно в среде предпринимателей, была в русском обществе весьма большой. Ответом на нее стало появление систематизированных сборников действующих законов, составленных частными лицами. По словам П. И. Дегая, они «в течение многих лет обращались между деловыми людьми в списках и продавались в тетрадях высокою ценою»².

В содержании таких собраний российских узаконений было, конечно, много различных недостатков. «Частные лица, — отмечал К. П. Победоносцев, — не имея достаточно ни средств, ни сил, не могли совершить своего предположения с желаемым

¹ Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах. С. 129.

² Дегай П. И. Пособия и правила изучения российских законов. М., 1831. С. 9.

успехом, ибо большая часть из них делали, так сказать, опыты в издании законных книг. Но несмотря на все недостатки их трудов, они всегда останутся памятником их стараний и усилий на пользу общую¹.

Одним из первых среди подобных произведений, появившихся в XVIII веке, был составленный Петром Елесовым в 1749 году сборник под названием «Книга Woselesow², то есть собрание купное из состоявшихся Высочайших Государя Петра Великого собственноручных указов и резолюций и прочих при Его Величестве произведений и определений». Его обнаружил в 1911 году в Сенатском архиве профессор А. Н. Филиппов. Данное собрание имело довольно обширный объем: его текст был изложен на 1349 полулистах, сплетенных в три книги внушительных размеров. На корешках переплета была приkleена этикетка с надписью: «Алфавит указам и резолюциям Петра Великого, подлежащим к вечному хранению». Часть 1, 2, 3.

В предисловии к этому собранию Петровских узаконений его составитель сообщал о том, что с 1711 по 1719 год он служил в Сенате канцеляристом и протоколистом, в 1724 году занимал здесь должность секретаря, в 1744 году стал асессором. В 1749 году ему исполнилось 64 года (следовательно, родился он в 1685 году).

Имя Петра Елесова встречается в документах Центрально-го Архива гор. Москвы. Так, в исповедной ведомости 1754 года Церкви Всемилостивейшего Спаса или Пятницы Божедомской под номером 18 записано: «Печатного приказа ум[ершего] асс[ессора] Петра Иродионовича ЕЛЕСОВА дети: Николай, Алексей»³.

¹ Победоносцев К. П. Обозрение частных трудов по собранию законов и по составлению указных словарей до издания Полного Собрания Законов Российской Империи // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. 1860–1861. СПб., 1863. Кн. 5. С. 51.

² В предисловии к данному сборнику автор объяснил столь странное его наименование тем, что он «приложил к прозванию своему лагорически ВОЗ: Елесов, еже есть собрание на безкончаемую славу и честь превысочайшего Его Величества имени» (цит. по: Филиппов А. Н. Петр Елесов, бывший собиратель Петровского законодательства. М., 1911. С. 3).

³ ЦИАМ. Фонд 203. Оп. 747. Д. 208. Л. 130об.

Главную цель своего труда П. И. Елесов объявил в предисловии к нему. Напомнив слова Петра I о том, что «ничтоже так ко управлению государства нужно есть как крепкое хранение прав гражданских», он заявил далее, что решил «недочию для своей пользы, но и для прочих любостяжателей, а наипаче же, по все-подданнейшему своему и вернорабскому усердию, ради незабвеннего памятствования о Петре» все собрать «в пользу и (для) скорейшего приискания и ясного понятия из состоявшихся в бытие Его Величества и подписанных Его ж Величества властною рукою указов и уставов и прочаго произведения»¹. Непосредственным же поводом к составлению своего собрания Петр Елесов называл трудности, которые он испытывал в поиске необходимых указов, несмотря на то, что имел в своем распоряжении, как служащий Сената, реестры всех Петровских узаконений.

Основное содержание «Книги Woselesow» составлял перечень в алфавитном порядке законодательных актов эпохи правления Петра I с точным указанием года, месяца и числа их принятия. Наиболее важные из них были приведены в извлечениях или целиком. Так, на 15 полулистах было изложено краткое содержание всех узаконений Петра I о коллегиях, начиная с указа от 11 декабря 1717 года (о бытии в каждой коллегии президентам, членам и приказным) и заканчивая указом от 14 декабря 1724 года (о жалованьи коллежским членам — «против армейских афицеров впопы»).

В массе приводимых петровских указов П. И. Елесов специально выделял так называемые указы *генеральные*, то есть те, которые имели общенормативное значение и являлись настоящими законами, отличая их от указов *временных*, не имевших качества общего закона.

«Книга Woselesow» была бы очень полезна для тех, кто желал знать действующее законодательство Российской империи. Возможно, она переписывалась, и ее копии были известны кому-то еще, помимо ее составителя, но широкого распространения не получила.

¹ Филиппов А. Н. Петр Елесов, бывший собиратель Петровского законодательства. С. 2–3.

нения она в обществе не имела, поскольку осталась в рукописном виде.

§ 6. Попытки систематизации российского законодательства во второй четверти XVIII века и их значение для развития юриспруденции в России

Кончина Петра I не повлекла за собой роспуска уложенной комиссии, созданной в 1720 году. Более того, Сенат попытался оживить ее деятельность. Для этого надо было в первую очередь пополнить состав комиссии новыми членами, поскольку в нем осталось всего двое — советник С. Вольф и бригадир В. Н. Зотов, то есть один иностранец и один русский. 19 февраля 1725 года сенаторы, желая чтобы «Уложение при довольноом числе членов сочинямо было с поспешением», своим Указом «приказали: быть при том сочинении членам из духовных, из военных, из гражданских и из Магистрата по две персоны, а именно: из военных Бригадиру Зотову, а другого, выбрав в Военной Коллегии, представить в Сенат; из гражданских Степану Колячеву, да Советнику Вольфу; из Магистрата выбрать в Главном Магистрате к тому делу способных, а из духовных кому быть, о том дождить Ее Величеству»¹.

Обновленная комиссия к июню 1726 года подготовила проект нового Уложения к слушанию в Сенате. Составители вернулись к идеи распределения его материала по четырем книгам. Названия книг в окончательной редакции получили следующий вид:

Книга первая. «О процессе, то есть о суде, месте и о лицах, к суду надлежащих».

Книга вторая. «О процессе в криминальных или розыскных, пыточных делах».

Книга третья. «О злодействах, какие штрафы и наказания последуют».

¹ Сенатский указ от 19 февраля 1725 года «Об увеличении числа членов для успешнейшего сочинения Уложения» // Законодательство Екатерины I и Петра II / Составитель и автор вступительной статьи В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. С. 15.

§ 6. Попытки систематизации российского законодательства во 2-й четверти XVIII в.

Книга четвертая. «О цивильных или гражданских делах и о состоянии всякой экономии или добрых и противных порядках в домоправительстве»¹.

По подсчетам историка А. С. Замуруева, источником 32,2% текста этого проекта Уложения было шведское законодательство, источником 4,5% — датское Уложение 1683 года, 2,8% — Эстляндские акты XVII века. 53,7% текста проекта было составлено на основе Соборного уложения 1649 года, новоуказных статей и актов первой четверти XVIII века. 6,8% текста было сочинено комиссией².

1 июня 1726 года Сенат издал Указ, в котором говорилось: «В прошлом 719 году указом, писанным собственной рукою блаженной и вечно достойной памяти Его Императорского Величества, Нашего любезнейшего Супруга Государя, велено новое Уложение, по сношении с чужестранными правами, слушать в Сенате, и положить время, по скольку дней и часов оное в неделе слушать; а понеже оное еще и поныне не окончалось, того ради то Уложение, по силе прежних указов, что оного ныне сочинено и изготовлено, надлежит слушать в Сенате, и на то определить дни, дабы немедленно готовилось к докладу Нашему в Верховный Тайный Совет; и для того Обер-Секретарю Сверчкову, который при том новом Уложенье готовит проекты, велите быть при Сенате неотлучно, как для сочинения Уложения, так и для других Сенатских дел»³.

10 сентября 1726 года проект нового Уложения был передан для обсуждения в Правительствующий Сенат. Однако сенаторы обсуждать его не стали. За время, пока проект дорабатывался, он перестал уже удовлетворять потребностям Русского государства.

В связи с этим, когда верховная власть опять решила предпринять меры по упорядочению действующего российского законо-

¹ Замуруев А. С. Проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг. — памятник отечественной политико-правовой мысли // Замуруев А. С. Работы разных лет. Псков, 2006. С. 360–366.

² Там же. С. 313.

³ Сенатский указ от 1 июня 1726 года «О слушании ново-сочиняемого Уложения в Сенате» // Законодательство Екатерины I и Петра II. С. 137.

дательства, то первым ее шагом стало образование новой комиссии для сочинения сводного Уложения.

14 мая 1728 года был издан Сенатский указ, объявлявший, что «Его Императорское Величество, ревнуя Закону Божию и имея попечение о всех Своих верных подданных, дабы во всем Государстве был суд равный и справедливый без всякой волокиты, Всемилостивейше указал прежнее Уложение пополнить... и для того все указы и новоуказные статьи разобрать, и которые из них явятся в пополнение к законному Уложению, а не в противность или что еще потребно сверх того пополнить, то выписывать и приносить в Сенат, к слушанью, а в Сенате слушать немедленно; и когда на мере поставлено будет, тогда для апробации подавать в Верховный Тайный Совет, и когда апробовано будет, тогда напечатав, приобщить к приличным Уложенья главам»¹. М. М. Сперанский писал об этой попытке систематизации российского законодательства следующее: «Здесь снова всё обратилось к первоначальному предположению: к составлению Сводного Уложения; и хотя при том мысль о дополнении и усовершении его не была совсем устранена, но сего достигнуть надеялись собственною опытностию, не прибегая к иностранным источникам»².

Избранным для таких работ в каждой губернии (за исключением Лифляндии, Эстляндии и Сибири) «добрым и знающим людям» из офицеров и дворян надлежало прибыть в Москву к 1 сентября 1728 года. Но когда наступила назначенная дата, оказалось, что никто не приехал. День или два спустя прибыл один депутат, к концу сентября — еще несколько человек. Сенат слал в губернские канцелярии повеление за повелением о немедленном исполнении указа о присылке депутатов в Москву, но в ответ получал от местного начальства лишь объяснения причин, по которым оно не могло никого прислать. А если все же присыпали кого-либо, то это оказывались, как правило, лица совершенно неученные и неспособные к обсуждению и составлению законов; в

¹ Сенатский указ, вследствие Именного, состоявшегося в Верховном Тайном совете, от 14 июня 1728 года «О пополнении прежнего Уложения и о высылке для того в Москву из офицеров и из дворян способных людей, из каждой губернии по 5 человек, кроме Лифляндии, Эстляндии и Сибири» // 1-ПСЗРИ. Том 8. № 5287. С. 54.

² Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. С. 15.

§ 6. Попытки систематизации российского законодательства во 2-й четверти XVIII в.

ряде случаев прибывали в Москву люди глухие, хромые, старые и дряхлые, или же просто обедневшие дворяне, имевшие по одному двору, а иногда и вовсе ни одним двором не владевшие.

В. Н. Латкин, изучавший переписку, которую Сенат вел в 1728 году с губернскими канцеляриями по поводу избрания и присылки депутатов с мест для участия в комиссии по сочинению нового уложения, отмечал: «Из этой переписки мы можем видеть, до чего халатно относилось общество к избранию своих представителей и как мало интересовалось возможностью принять участие в составлении законов, непосредственно касавшихся его интересов. Местным начальствам приходилось прибегать ко всевозможным репрессивным мерам вроде, напр., ареста жен депутатов, захвата их крепостных, конфискации их имущества и т. п., чтобы заставить дворян участвовать в выборах, а депутатов ехать в Москву, и все-таки в результате получилось избрание совершенно неспособных к делу лиц»¹.

В конечном итоге император Петр II своим указом, объявленным 16 мая 1729 года из Верховного тайного совета Сенату, предписал: «Офицеров и дворян, которые из губерний высланы к Москве для сочинения Уложения, ныне отпустить в дома их по-прежнему; а к губернаторам послать наши указы, чтобы на их место выбрали других знатных и добрых людей, которые бы к тому делу были достойны, из каждой губернии по два человека, согласясь губернаторам обще с дворянами, и те выборы, закрепя им, губернаторам, и тем дворянам, прислать прежде их высылки в Верховный тайный совет, а их самих до нашего указа к Москве не высыпать. А ежели усмотрено будет, что губернаторы выберут к тому делу неспособных людей, то взыскано будет на них и для того повелено будет с такими людьми к Москве быть самим губернаторам или товарищам их, чтобы могли сами ответствовать»².

¹ Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). С. 43.

² Именной указ, объявленный из Верховного Тайного Совета Сенату 16 мая 1729 года «Об отпуске офицеров и дворян, которые высланы были в Москву к сочинению Уложения, в дома их по-прежнему, и о выборе вместо их губернаторам обще с дворянами к тому делу достойных из каждой губернии по два человека» // 1-ПСЗРИ. Том 8. № 5412. С. 198.

Как видим, столкнувшись с нежеланием дворянства на местах избирать из своей среды представителей для работы в комиссии по сочинению сводного уложения, Верховный тайный совет принял решение отказаться от выборов и поручил губернаторам назначить депутатов по своему усмотрению, но таких, которые были бы способны работать в данной комиссии¹. Губернаторы выполнили поручение правительства, назначенные ими депутаты даже прибыли в Москву, но смерть Петра II не позволила составленной таким образом комиссии приступить к работе.

1 июня 1730 года императрица Анна Иоанновна издала Именной указ, данный Сенату, «О немедленном окончании начатого Уложения и об определении к сочинению оного добрых и знающих людей из шляхетства, духовенства и купечества и о поднесении каждой кончанной главы к Высочайшему утверждению»². По словам М. М. Сперанского, эта (пятая по счету) уложенная комиссия учреждена была «на том же основании, как и предыдущая, с тою разностию, во-первых, что число членов умножено, депутатов также сперва положено было вызвать, но впоследствии предложение сие отменено; во-вторых, что мысль о дополнении законов из иностранных источников, в предыдущей Комиссии устраниенная, здесь снова появляется; в-третьих, что в Комиссиях Первой, Второй и Четвертой, главное дело состояло в Сводном Уложении, исправление же и дополнение его предначначаемо было токмо как последствие; здесь, напротив, главным делом постановлено было сочинение нового Уложения, а Свод существующих законов должен был служить к тому только пособием»³.

Сенатским указом от 19 июня 1730 года депутатам, избранным в состав новой комиссии, было предписано прибыть в Москву к 1 сентября⁴. Но Сенат принял решение не ждать их приезда,

¹ См. подробнее о предпринятой в 1728–1729 гг. Верховным тайным советом попытке создать комиссию для сочинения нового уложения: Поленов Д. В. Законодательная комиссия при Петре II // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1868. Том 2. С. 394–405.

² 1-ПСЗРИ. Том 8. № 5567. С. 284–285.

³ Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. С. 16–17.

⁴ 1-ПСЗРИ. Том 8. № 5577. С. 294.

но немедленно приступить к составлению нового уложения. Производство этих работ было поручено Ивану Познякову и Сверчкову. Первое время (около полутора месяцев) они работали одни, успев за это время составить главу о богохульниках. Затем в помощь им сенаторы отрядили пятеро работников (Григория Ергольского, Степана Колычева, Семена Карпова, Ивана Кожина, Петра Лобкова)¹. Выборные же в комиссию в губерниях ехать в Москву не спешили: 8 декабря, то есть спустя три с лишним месяца по прошествии назначенного для их приезда срока, в Москве находилось лишь пятеро таких лиц. Причем все они были только из одного сословия — дворянского. Сенаторы, познакомившись с ними, пришли к выводу, что никакой от них пользы в деле составления нового уложения не будет. В результате Сенат принял решение отпустить выборных по домам, а вместо них добавить в комиссию знающих людей из числа служивших в коллегиях.

До 1735 года данная комиссия сумела составить проекты (весьма несовершенные) лишь двух глав нового уложения: 1) о суде и 2) о вотчинах. Тем временем «крайние затруднения в судах и управлении, более от смешения и неизвестности законов, нежели от недостатка их происходившие, представили необходимым прежде всего, и не ожидая *нового*, привести в порядок и известность *старое*². Самым легким способом решения этой проблемы правительству показалось в этих условиях издание сводного уложения, которое, как предполагалось, трудами прежней комиссии было уже почти составлено. При этом работы по сочинению нового уложения императрица Анна Иоанновна останавливать не собиралась. Государыня лишь повелела срочно напечатать сводное уложение.

Однако первая же попытка исполнить данное высочайшее по-веление обнаружила, что имеющиеся главы сводного уложения, составленные предыдущими комиссиями, включают в себя лишь малую часть действующих законодательных актов. К тому же эти главы нуждаются в переработке: после того как они были составлены, появилось множество новых указов. То есть готового к на-

¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 10. С. 228.

² Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. С. 18.

печатанию сводного уложения не оказалось. Поэтому было принято новое решение: поручить приказам и коллегиям собрать находившиеся в них тексты указов и составить отдельные своды по каждой отрасли управления, с тем чтобы впоследствии соединить их в единый большой свод.

Но так как «Приказы и Коллегии все обременены были текущими делами», а «Канцелярии везде были слабы и чрезмерно заняты»¹, то работы по составлению сводов в их рамках шли чрезвычайно медленно. Деятельность комиссии также оказалась неэффективной: члены ее не получили в свое распоряжение из приказов и коллегий законодательного материала, необходимого для составления сводного уложения. После вступления на императорский престол Елизаветы Петровны работа данной комиссии была и вовсе прекращена, хотя распоряжения о ее роспуске новой императрицей сделано не было².

12 декабря 1742 года императрица Елизавета Петровна издала Именной указ Сенату о создании комиссии из нескольких сенаторов для пересмотра указов и составления реестра тем из них, которые должны быть «отставлены» (т. е. отменены. — *B. T.*), как «с состоянием сего настоящего времени несходные и пользе государственной противные»³. Данная комиссия занималась порученным делом более двенадцати лет, но сколько-нибудь значимых результатов не добилась.

«Все, что в сем роде до 1754 г. было сделано, представляет ничего более, как первоначальный опыт, попытки к сочинению проекта, а не самый проект какой-либо части Уложения»⁴, — писал М. М. Сперанский, подводя итоги деятельности законодательных комиссий. Одной из главных причин неуспеха всех попыток систематизации законодательства, предпринимавшихся в XVIII веке, выдающийся русский государственный деятель-реформатор считал неразвитость в России теоретической юриспруденции. «Опытность практического познания законов есть

¹ Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. С. 19.

² Последние известия о данной комиссии датируются 1744 годом.

³ 1-ПСЗРИ. Том 11. № 8480.

⁴ Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. С. 49.

§ 6. Попытки систематизации российского законодательства во 2-й четверти XVIII в.

первая потребность в делопроизводстве, — отмечал он. — В применении законов никакое умозрительное познание заменить ее не может; тут теория без опыта почти бесполезна, между тем как опытность и без теории обойтись может. Но когда дело настоит о приведении законов в систему, тогда опытность одна недостаточна: здесь нужно познание начал, из коих каждый род законов проистекает, связь их между собою, пределы их и взаимные отношения; здесь нужна теория, с опытностию соединенная»¹.

¹ Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. С. 56—57.

ГЛАВА 4

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

§ 1. Учреждение Императорского Московского университета. Юридический факультет Московского университета в 50–60-е годы XVIII века: период формирования

Вторая половина XVIII века стала переходным временем в развитии русской юриспруденции. Во все предыдущие эпохи она имела исключительно практический, прикладной характер: знание законов, способов классификации правовых норм, умение формулировать их и толковать приобретались преимущественно при составлении различного рода деловых бумаг и в процессе практического осуществления правосудия. Соответственно носителями такого знания и умения становились, как правило, лица, занятые в делопроизводстве и судопроизводстве. Ими были по преимуществу служащие государственного аппарата — так называемые приказные: докладчики, рассказчики (стряпчие), казначеи, дьяки и подьячие. Предпринимавшиеся на протяжении первой половины XVIII века попытки верховной власти создать в России систему юридического образования, основан-

ную на изучении теоретических основ права, и соответственно развить научную юриспруденцию оказались тщетными. Положение изменилось только во второй половине указанного столетия. И произошло это во многом благодаря появлению в Москве Императорского университета.

Он был открыт на основании изданного императрицей Елизаветой Петровной 24 января 1755 года Именного указа «Об учреждении Московского университета и двух гимназий», к которому был приложен «Проект об учреждении Московского Университета».

Указ начинался с изложения мотивов, побудивших государыню открыть в Москве Императорский университет: «Когда бессмертные славы в Бозе почивающий, Любезнейший Наш Родитель и Государь Петр Первый, Император Великий и обновитель отечества своего, погруженную во глубине невежеств, и ослабевшую в силах Россию, к познанию истинного благополучия роду человеческому приводил, какие и коликие во все время Дражайшей Своей жизни монаршеские в том труды полагал, не толико Россия чувствует, но и большая часть света тому свидетель; и хотя во время жизни толь Высокославного Монарха, Отца Нашего и Государя, всеполезнешие Его предприятия к совершенству и не достигли, но Мы Всевышнего благоволением, со вступления Нашего на Всероссийский Престол, всечасное имеем попечение и труд, как об исполнении всех Его славных предприятий, так и о произведении всего, что только к пользе и благополучию всего отечества служить может, чем уже действительно по многим материям все верноподанные Матерними Нашими милосердиями ныне пользуются, и впредь потомки пользоваться станут, что времена и действия повседневно доказывают. Сему, последуя, из Наших истинных Патриотов и зная довольно, что единственно Наше желание и воля состоит в произведении народного благополучия к славе отечества, упражняясь в том, к совершенному Нашему удовольствию прилежность свою и труд в общенародную пользу прилагали; но как всякое добро происходит от просвещенного разума, а напротив того зло искореняется, то следовательно нужда необходимая о том стараться, чтоб способом пристой-

ных наук, возрастало в пространной Нашей Империи всякое полезное знание»¹.

«Проект об учреждении Московского Университета» предусматривал создание в университете трех факультетов: юридического, медицинского и философского. Согласно § 5 указанного документа в юридическом факультете должны были состоять три профессора: «1) Профессор всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи. 2) Профессор юриспруденции Российской, который сверх вышеписанных должен знать и обучать особенно внутренние государственные права. 3) Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время»².

Указанная структура юридического факультета и его учебная программа были построены по плану М. В. Ломоносова, начертанному им в июне—июле 1754 года в письме к И. И. Шувалову³. Михаил Васильевич писал в этом письме следующее: «Милостивый государь Иван Иванович! Полученным от вашего превосходительства черновым доношением Правительствующему Сенату к великой моей радости я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества. При сем случае довольно ведаю, сколь много природное ваше несравненное дарование служить может и многих книг чтение способствовать. Однако и тех совет вашему превосходительству не бесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине, представляются. Того ради, ежели

¹ 1-ПСЗРИ. Том 14. № 10346. С. 284—285. См. также: Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / Составитель и автор вступительной статьи В. А. Томсиков. М.: Зерцало, 2009. С. 171—172.

² 1-ПСЗРИ. Том 14. № 10346. С. 289. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны. С. 178.

³ Текст указанного письма был впервые опубликован в журнале «Московский телеграф» (1825. Ч. 5. № 18. Сентябрь. С. 133—136).

§ 1. Учреждение Императорского Московского университета

Московский университет по примеру иностранных учредить намеряется, что весьма справедливо, то желал бы я видеть план, вами сочиненный. Но ежели ради краткости времени или ради других каких причин того не удостоюсь, то, уповая на отеческую вашего превосходительства ко мне милость и великодушие, принимаю смелость предложить мое мнение о учреждении Московского университета кратко вообще». Далее М. В. Ломоносов высказывал мнение о том, что «профессоров в полном университете меньше двенадцати¹ быть не может в трех факультетах» и называл предметы, которые они должны преподавать².

На основании § 7 «Проекта об учреждении Московского университета» все профессора должны были иметь по субботам в присутствии директора университета общие собрания, чтобы «советовать и рассуждать о всяких распорядках и учреждениях, касающихся до наук и до лучшего оных произвождения»³.

§ 8 «Проекта об учреждении Московского университета» устанавливал: «Никто из профессоров не должен по своей воле

¹ И. И. Шувалов сократил число профессорских должностей в учреждавшемся Московском университете до 10.

² В юридическом факультете, указывал Ломоносов, должны быть: «I. Профессор всей юриспруденции вообще, который учить должен натуральные и народные права, также и узаконения Римской древней и новой империи. II. Профессор юриспруденции Российской, который, кроме вышеписанных, должен знать и преподавать внутренние государственные права. III. Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как стоят в нынешнее время» (Ломоносов М. В. Письмо к И. И. Шувалову (1754, июнь—июль) // Избранные произведения в двух томах. М., 1986. Т. 2. С. 325–326).

³ Указанное собрание — «Конференция» или «Ученый совет» — начало свою работу 16 октября 1756 г. (см.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. М., 1960. С. 27). В первое время оно состояло из директора университета (А. М. Аргамакова) и трех ординарных профессоров (Н. Н. Поповского, Ф.-Г. Дильтея и И. Г. Фроммана). Приказом куратора Московского университета И. И. Шувалова от 16 февраля 1757 г. в состав университетской Конференции были включены в дополнение к названным членам три асессора канцелярии университета (М. Веревкин, П. Хованский и М. Херасков). См.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. С. 36. 7 января 1757 г. Аргамаков умер, и 18 апреля того же года новым директором Московского университета, а следовательно, и председателем Конференции, был назначен И. И. Мелиссино (1718–1795), который пребывал в этих должностях до 10 июля 1763 г.

выбрать себе систему или автора и по оной науку свою слушателям предлагать, но каждый повинен следовать тому порядку и тем авторам, которые ему профессорским собранием и от кураторов предписаны будут».

Согласно § 9 «Все публичные лекции должны предлагаться быть либо на латинском, либо и на русском языке, смотря как по приличеству материи, так и по тому, иностранной ли будет профессор или природный русской». Десятым параграфом всем профессорам предписывалось располагать курс своей науки таким образом, чтобы он мог быть в какой-то части своей завершен в полгода — от конца одних каникул до начала других, а в целом прочитан за год. Двенадцатым параграфом было установлено, что «большим ваканциям» отводилось время от 18 декабря по 6 января и от 10 июня по 1 июля.

В соответствии с § 22 «Проекта об учреждении Московского университета» обучение на всех его факультетах должно было длиться три года. Зачисление в студенты университета производилось, в соответствии с двадцать третьим параграфом, по результатам экзамена, во время которого желавший обучаться в университете должен был показать, что «способен к слушанию профессорских лекций»¹.

В качестве здания для Московского университета был выбран Аптекарский дом, располагавший рядом с Красной площадью у Курятных (ныне Воскресенских) ворот. Он был построен в конце XVII века и был похож своей конструкцией на знаменитую Сухареву башню². Указ о передаче открывавшемуся Московскому университету Аптекарского дома императрица Елизавета подписала 8 августа 1754 года³.

¹ 1-ПСЗРИ. Т. 14. № 10346. С. 291.

² См. подробнее о первом здании Московского университета: Пенчко Н. А. Основание Московского университета. М., 1953. С. 91.

³ Проект об учреждении Московского университета, представленный Сенатом императрице Елизавете 22 июля 1754 г., был подписан Ее Величеством до указанной даты, т. е. 8 августа 1754 года. Но по каким-то причинам (вероятно, из-за неготовности помещений для учебных занятий) экземпляр высочайше утвержденного документа был возвращен в Сенат. В настоящее время он хранится в архиве: место, где была подпись императрицы, вырезано и заклеено бумагой, в нижней части документа приписано «возвращен 2 декабря». С этого экземпляра была снята копия, которую импе-

§ 1. Учреждение Императорского Московского университета

В этом доме, перестроенном под учебное заведение, 26 апреля 1755 года состоялось официальное открытие — «инавгурация», как тогда говорили, — гимназии Императорского Московского университета, а вместе с ней и самого университета. В «Санкт-Петербургских ведомостях» данное событие описывалось следующим образом: «В назначенный день в 8 часу поутру учителя с учениками собраны были в Университете, куда и все знатные персоны, которые прошены были через печатные программы, во многом числе прибыли, также чужестранные и знатное купечество по их требованию допущены были: тогда в надлежащем порядке ученики разделены на классы, с учителями пошли в церковь Казанская богородицы и в присутствии директора отправлялся молебен соборной за высочайшее здравие Ее Императорского Величества и Императорской фамилии... Возвращались оттуда таким же порядком, как и в церковь шли, и вшед в большую залу говорены были речи: на российском языке магистром Антоном Барсовым, на латинском — магистром и конректором Николаем Поповским, на французском — учителем вышнего французского класса — ла Бомом, на немецком — учителем вышнего немецкого класса Литкеном. По окончании оных речей знатнейшие персоны прошены были во внутренние покой, где трактованы были разными ликерами и винами, кофеем, чаем, шоколадом и конфектами, и так все с удовольствием около второго часа пополудни разъехались. В шестом часу после обеда множество народа приезжали смотреть в университетские покой представленную иллюминацию, которая изображала Парнасскую гору, Минерва поставляет обелиск во славу Ее Императорского Величества. Вся оная иллюминация как днем, так и ночью делала преизрядный вид к удоволь-

ратрица Елизавета подписала в «Татьянин день» — 12 января 1755 г. См. об этом: *Андреев А. Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755–1855.* М., 2001. С. 61; *Беляевский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета.* М., 1955. С. 151. На медали, отчеканенной в память основания Московского университета, в качестве его учреждения был обозначен 1754 (MDCCLIV) год. По словам С. П. Шевырева, на данной медали «год 1754 указывает на то, что мысль об Университете входила уже тогда в совещания государственные, и донесение Шувалова слушано было в Сенате 19-го июля 1754 года» (*Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею.* М., 1855. С. 20).

ствию всех знающих и всего народа». Оная иллюминация освещена была многими тысячами ламп с такою приятностию, как бы огород с аллеями и деревьями казался. Все университетские покои и башня до самого верьха иллюминованы были внутри и снаружи. Музыка инструментальная, трубы и политавры слышны были чрез весь день, как звук радостного и всем любезного торжества»¹.

Учреждение Московского университета представлялось в Указе императрицы Елизаветы от 12 января 1755 года исполнением замысла ее родителя и государя Петра I, связывавшего благополучие России с распространением полезных знаний среди ее населения. Университет мыслился в соответствии с такими взглядаами в качестве просветительского центра, который должен был подготовить достаточное количество «национальных достойных людей», способных преподавать науки в созданных «по знатным российским городам» училищах, «от которых и во отдаленном простом народе суеверие, расколы и тому подобные от невежества ереси истреблятся». Вместе с тем, в высочайшем Указе от 12 января 1755 года выражалась надежда, что воспитанные и обученные пристойным образом молодые люди станут пригодными для государственной службы и для умножения славы своего отечества.

Очевидно, что главную роль в подготовке таких лиц призван был играть юридический факультет Московского университета. На философский факультет возлагалась вспомогательная функция. Обучаясь здесь в течение трех лет общеобразовательным наукам: логике, метафизике, нравоучению, красноречию, всеобщей и российской истории и т. п., студенты готовились тем самым к восприятию «высших наук» на юридическом или медицинском факультетах. О том, что обучению на юридическом факультете на практике действительно предшествовала учеба на факультете философском, свидетельствуют протоколы Конференции Московского университета. Так, 25 июня 1769 года Конференция рассу-

¹ Из «Санкт-Петербургских ведомостей». Из Москвы от 1 мая. Описание инавгурации при начинании гимназии Московского Императорского университета сего 1755 года, апреля 26 дня // Московский университет в воспоминаниях современников. Сборник / Составитель Ю. Н. Емельянов. М., 1989. С. 36–37.

§ 1. Учреждение Императорского Московского университета

ждала «о распределении и переводе студентов философского факультета на высшие факультеты, юридический и медицинский». При этом подчеркивалось, что «период времени, которое они должны употребить на изучение различных дисциплин на этих факультетах, устанавливается в три года для юридического и четырех лет для медицинского»¹.

Первые студенты появились в Московском университете 25 мая 1755 года. Ими стали двое учащихся Заиконоспасской (Славяно-греко-латинской) академии: Петр Вениаминов² и Семен Зыбелин³, переведенные в университет по распоряжению Святейшего Синода. Они принесли с собой текст указа, в котором кроме них были названы еще четверо учащихся духовной академии, назначенных для зачисления на учебу в Московский университет. Эти студенты появились здесь позднее.

Занятия в Московском университете начались 1 июня 1755 года со вступительной лекции на русском языке ученика М. В. Ломоносова Н. Н. Поповского⁴, посвященной роли философии в познании мира и необходимости преподавать эту науку в Московском университете на русском языке⁵. «Наука, которая рассуждает о всем, что ни есть в свете, может ли довольствоваться одним римским языком, который, может быть, и десятой части ее

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. М., 1963. С. 210.

² Петр Дмитриевич Вениаминов (1733–1775), впоследствии профессор Московского университета, доктор медицины, преподаватель ботаники.

³ Семен Герасимович Зыбелин (1735–1802), впоследствии профессор Московского университета, доктор медицины.

⁴ Николай Никитич Поповский (1728 или 1730–1760) по праву должен считаться первым профессором Императорского Московского университета. Он происходил из семьи московского священника, образование получил в Славяно-греко-латинской академии и в Санкт-Петербургской Академии наук. До мая 1756 г. занимал должность ректора университетской гимназии, 10 мая 1756 г. был назначен профессором красноречия и философии. Ранняя смерть не позволила Поповскому реализовать свои таланты. По мнению специалистов, он был многообещавшим поэтом и мыслителем.

⁵ По настоянию М. В. Ломоносова текст этой лекции был напечатан в августе 1755 г. в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» под названием «Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским» (1755. Т. 2. Август. С. 167–176).

разумения не вмещает?»¹ — спрашивал в своем выступлении — в первой учебной лекции, прочитанной в Московском университете, — Николай Никитич Поповский и говорил в ответ: «Что ж касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвалиться не могут. Нет такой мысли, кою бы по-российски изъяснить было невозможно... Итак, с божиим спешествованием начнем философию не так, чтобы разумел только один изо всей России или несколько человек, но так, чтобы каждый российский язык разумеющий мог удобно ею пользоваться. Одни ли знающие по латине толь понятны и остроумны, что могут разуметь философию? Не безвинно ли претерпевают осуждение те, которые для незнания латинского языка почитаются за неспособных к слушанию философии? Не видим ли мы примеру в простых так называемых людях, которые, не слыхавши и об имени латинского языка, одним естественным разумом толь изрядно и благоразумно о вещах рассуждают, что сами латинщики с почтением им удивляются. Самые отроки могут чрез частое повторение привыкнуть и [к] глубочайшим предложениям, когда они им порядочно и осторожно от учителей внушаемы бывают, только лишь бы на известном языке предлагаемы им были»². Духом Ломоносова веяло от этих слов.

В сентябре–октябре 1755 года численность казенномкоштных студентов была увеличена до тридцати человек. Первый набор был на этом завершен: Московский университет начал действовать. Однако ни юридический, ни медицинский факультеты в то время еще не выделялись в качестве самостоятельных подразделений университета.

Первый профессор, призванный преподавать на юридическом факультете, прибыл в Москву 28 сентября 1756 года. Это был *Филипп-Генрих Дильтей* (1723–1781)³ — доктор права из Майнца, приглашенный на должность профессора правоведения

¹ Поповский Н. Н. Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. М., 1952. С. 90.

² Там же. С. 91–92.

³ См. биографический очерк о Ф.-Г. Дильтее в издании: Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. Том 1. С. 114–130.

§ 1. Учреждение Императорского Московского университета

в Московский университет работавшим в Санкт-Петербургской Академии наук немецким историком Г.-Ф. Миллером. 31 октября 1756 года Ф.-Г. Дильтей выступил в торжественном собрании Московского университета на тему «О нужде и пользе права». 1 ноября 1756 года он начал читать всем студентам Московского университета лекции по естественному праву и истории¹. Из каталога лекций на 1757 год видно, что Ф.-Г. Дильтей преподавал в Московском университете курсы естественного и народного права. За основу своих лекций, читавшихся им на латинском языке, первый профессор юридического факультета Московского университета взял руководство немецкого правоведа Самуэля Пуфендорфа².

Распределение лекционных курсов по факультетам стало осуществляться, по всей видимости, только в 1758/1759 учебном году. На заседании Конференции, которое состоялось 22 августа 1758 года, было решено: «Так как между господами профессорами произошло маленькое пререкание по поводу того, чье имя должно стоять первым в каталоге лекций³, то Конференция рассудила определить им места по факультетам»⁴. И действительно, в каталоге лекций 1759 года сначала перечислялись науки, преподававшиеся на юридическом факультете, и назывался их преподаватель — Ф.-Г. Дильтей, затем указывалось имя преподавателя медицинского факультета Керштенса (единственного в то время) и обозначались читавшиеся им лекционные курсы, затем

¹ См.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. М., 1960. С. 27.

² См.: Морошкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции. С. 224.

³ Данное пререкание возникло между профессорами Ф.-Г. Дильтеем и Н. Н. Поповским. В каталогах лекций, составлявшихся в западноевропейских университетах, было принято располагать профессоров в следующем порядке: 1) профессора богословского факультета, 2) профессора юридического факультета, 3) профессора медицинского факультета и 4) профессора философского факультета. На основании этого Дильтей требовал, чтобы его имя в каталоге лекций Московского университета стояло первым. Однако Поповский полагал, что первым в этом каталоге должно стоять его имя, поскольку он первым из профессоров начал читать лекции в Московском университете — на год и четыре месяца раньше Дильтея.

⁴ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. С. 126.

назывались преподаватели философского факультета (среди них и Н. Н. Поповский) и преподававшиеся ими науки.

В программе преподавания юридических наук в Московском университете в первые годы его существования отсутствовало русское право. Каталоги лекций, читавшихся на юридическом факультете в первое десятилетие существования Московского университета, показывают, что здесь преподавались такие предметы, как естественное или общеноародное право, права гражданские римские, публичное право Римской империи, начала всеобщего положительного права, право феодальное¹. В работах по истории русской юриспруденции указанная особенность обычно объясняется чисто субъективными обстоятельствами. Так, по мнению А. Г. Станиславского, «причиной этому был, конечно, совершенный недостаток в природных русских подданных, способных занять место преподавателя в университете». Поэтому для преподавания приглашались иностранцы, «но, само собою разумеется, нельзя было требовать от иностранцев, незнакомых даже с языком туземным, чтобы они занимались изучением русского законодательства»². С точки зрения А. Капустина, Ф.-Г. Дильтей, приехав в Россию, вместо того, чтобы изучать новые для него отношения в корне, глубоко, «старался подвести их только под понятия и взгляды, которые принес с собою». Не умея вывести из русской истории «своеноародной системы права, он взял готовую систему римского права, к которому прилагал русские законы»³. По мнению А. А. Тилле, «немецкие профессора имели слабое представление о русском праве и преподавали главам образом римское право и его немецкую интерпретацию, историю права и «естественное право». Таким образом, история русской юридической науки началась с изучения иностранного права»⁴.

¹ См.: Морошкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции. С. 224.

² Станиславский А. Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. С. 33.

³ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Ч. 1. М., 1855. С. 305.

⁴ Тилле А. А. Социалистическое сравнительное правоведение. М., 1975. С. 46.

По моему мнению, тот факт, что на юридическом факультете Московского университета изучалось первоначально преимущественно римское право, а российское законодательство оставалось вне сферы специального изучения, невозможно объяснить лишь тем, что иностранные ученые, и в частности профессор Дильтей, не знали и не желали знать права русского.

1 марта 1764 года Конференция Московского университета поручила профессору Дильтею разработать вопрос о способах преподавания в университете российской юриспруденции¹. 20 марта 1764 года Дильтей передал Конференции свою записку (*memoir*) об этом.

В ней говорилось, что «изучение права (stadium juridicum) предполагает уже законченное гуманитарное и философское образование» и поэтому, «если кандидаты на обучение юриспруденции в университете будут присыпаться без твердого знания этих наук, они не могут быть выпущены из университета иначе, чем по прошествии десяти или двенадцати лет»². Если же этой науке будут обучаться студенты, подготовленные к ней благодаря окончанию курса гуманитарных наук и философии, и «если появятся в университете профессоры права, определенные и назначенные в силу § 5 первого Проекта университета³, то курс юриспруденции может быть завершен в три года»⁴. При отсутствии же упомянутых профессоров курс обучения юридическим наукам мог быть завершен, по мнению Дильтея, лишь в пять лет, «в особенности при наличии в Московском университете одного лишь профессора права, да и то только при условии, что однажд-

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1. С. 283.

² Там же. С. 284.

³ Дильтей имел здесь в виду предусмотренных указанным параграфом профессора «всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи», профессора «юриспруденции российской, который сверх вышеписанных должен знать и обучать особенно внутренние государственные права», и профессора «политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время».

⁴ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1. С. 285.

ды определенные к этому занятию никоим образом от него отвлекаться не будут»¹.

В этом случае, то есть при наличии единственного профессора права, программа преподавания юридических наук в Московском университете должна была иметь, согласно записке Дильтея, следующий вид: «1) Всеобщее или естественное право и право народное, как основа и фундамент всех прав, изучается прежде всего... 2) Далее должны следовать установления Римского права... Здесь к каждой главе должно присовокуплять Российские законы, которые либо согласуются с Римским правом, либо ему противоречат. 3) Право уголовное и право вексельное, в обоих также всюду следует присоединять соответствующие Российские законы. 4) Право Российское, таким образом обращенное в законоведение. 5) Государственное право»².

Ф.-Г. Дильтей брался обеспечить в одиночку преподавание всех вышеперечисленных наук на юридическом факультете Московского университета и в том числе русского права при условии, если, во-первых, ему от университета будут «сообщены все русские законы», а во-вторых, дадут ему «двух студентов, которые уже занимались правом, для чтения русских законов и расположения их по порядку»³.

Составленный Дильтеем план о способе преподавания наук на юридическом факультете не был осуществлен на практике. В ответе Конференции на запрос из Правительствующего Сената по делу профессора Дильтея, данном 12 октября 1765 года, говорилось о том, что Конференция по многим причинам этого плана не аппробовала и потому он, не надписанный Дильтеем ни к кому и им не подписанный и числом дня не означеный, «остался без действия»⁴. В результате программа преподавания наук на юридическом факультете оставалась неизменной еще несколько лет — вплоть до появления в Московском университете русских профессоров юриспруденции.

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1. С. 285.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Т. 2. М., 1962. С. 182.

О том, что Ф.-Г. Дильтей предпринимал серьезные попытки изучения российского законодательства, показывает его труд «Начальные основания вексельного права...», вышедший первым изданием в 1768 году¹ и переиздававшийся вслед за тем пять раз (в 1772, 1781, 1787, 1794, 1801 гг.). По словам Г. Ф. Шершеневича, «книга эта свидетельствует о несомненном и подробном знакомстве Дильтея с этой частью русского законодательства»². Известно, что русские купцы быстро признали ее в качестве авторитетного руководства в деловой практике. Правда, нельзя не согласиться с замечанием П. С. Грацианского о том, что «успех книги в какой-то мере был обеспечен усилиями Десницкого, который при подготовке новых изданий вносил в них дополнения, обусловленные изменениями русского вексельного законодательства»³.

В предведомлении к «Начальным основаниям вексельного права...» Ф.-Г. Дильтей сделал признание, которое проливает свет на истинное состояние юриспруденции в России в XVIII столетии: «Если кто усмотрит, что в сем моем сочинении многие российские указы, к вексельному праву принадлежащие, мною пропущены, такого прошу извинить мое в сем непрепобедимом затруднении незнание. Ибо скрывать законы, как некоторую тайну, есть обыкновение канцелярий российских, не говорю всех, но некоторых, как то я уже и сам довольно опытом дознал, впрочем есть ли меня изобличает кто и тем, что я много постороннего и к делу чужого из римского и натурального права здесь к праву вексельному приводил, тот правду говорит; однако и такого, дабы меня не выслушать за бесполезную обширность впредь не осуждал; прошу с моей стороны принять в рассуждение то, что я принужден был здесь и постороннего много приводил как в книгу, сочиненную единственно для моих слушателей, которым выра-

¹ См.: Начальные основания вексельного права для употребления в юридическом факультете Московском, по удобнейшему способу расположенные Филиппом Генриком Дильтеем, обоих прав Доктором, оных же и истории в Императорском Московском университете. Переводили с латинского юриспруденции студенты Борзов и Артемьев под смотрением Доктора Десницкого. М., 1768.

² Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 5.

³ Грацианский П. С. Политическая правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. С. 155.

жений, случающихся в праве вексельном, без допольного описания со стороны взятого изъяснить всячески невозможно было¹.

Подлинная причина того, что в программе преподавания юридических наук в Московском университете почти исключительно место занимали естественно-правовая наука и римское право и не находилось места науке русского права, заключалась, таким образом, не столько в субъективных настроениях иностранцев, сколько в объективном факторе — само состояние законодательства Российской империи препятствовало его широкому изучению. Впоследствии М. М. Сперанский писал: «У нас усердием наших ученых неоднократно были составляемы опыты начертаний так называемого российского права; — усилия, достойные похвал и одобрений, но для успеха самого законоведения мало полезные. Как начертать учебную систему законов, не зная с достоверностью самих законов во всей их совокупности? Сему недостатку желали пособить введением в высших училищах наших права римского»².

До середины августа 1764 года Ф.-Г. Дильтей являлся единственным преподавателем юридического факультета³. Правда, и студентов на факультете было тогда немного — бывали времена, когда Дильтею приходилось читать лекции всего лишь одному студенту. А в 1763/1764 учебном году на юридическом факультете не было ни одного студента⁴.

¹ *Дильтей Ф. Г.* Начальные основания вексельного права для употребления в юридическом факультете Московском. Предуведомление.

² *Сперанский М. М.* Обозрение исторических сведений о своде законов. С. 101–102.

³ «В течение 10 лет в Дильтее сосредоточивался весь юридический факультет Московского университета», — указал в биографической статье о нем А. Капустин (Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 1. С. 301–302). На самом деле Ф.-Г. Дильтей был единственным преподавателем юридического факультета 7 лет и 9 с половиной месяцев (с 1 ноября 1756 г. до середины августа 1764 г.), а если учесть, что как отдельное подразделение Московского университета юридический факультет фактически существовал с 1759 г., то не более 5 с половиной лет.

⁴ В ответе Конференции Московского университета на запрос из Сената, данном 12 октября 1765 г., говорилось о составленном профессором Дильтейем плане преподавания наук на юридическом факультете, что в этом плане «не содержится представления, чтоб ему несколько студентов дать для слушания его лекций, а естьли бы

§ 1. Учреждение Императорского Московского университета

В августе 1764 года куратор Московского университета В. Е. Адодуров¹ отставил Ф.-Г. Дильтея от должности профессора университета. В письме Г. Н. Теплову куратор объяснял свое решение тем, что иностранный профессор не старался о пользе университета и учащихся, «употреблял все рачение к одному своему прибытку, и в своих лекциях також и в смотрении за пенсионерами против ево обязательства оказался нерадив, студенты же и к слушанию ево лекций никакого желания не оказывали и ходить на оные не хотели, что как от г. директора мне представлено, так и от некоторых профессоров подтверждено было и потому наводило сумнительство, не от непорядка ли какого в преподавании оных то нехотение происходило, ...то я ево в прошедшем месяце, чтоб на него... жалованье напрасно производимо не было, и юридической как нужной класс не мог бы оставаться бесплодно, принужден был и отрешить...»².

Вместо Ф.-Г. Дильтея для преподавания юридических наук в Московском университете его куратор В. Е. Адодуров пригласил, по рекомендации Г.-Ф. Миллера, немецкого преподавателя Карла-Генриха Лангера, который, хотя и прошел курсы обучения философии и юриспруденции в Гейдельбергском и Иенском университетах, ни печатных трудов³, ни ученой степени доктора права

оное и содержалось, то бы его тогда исполнить не можно было, ибо неможно всегда переменять курса лекций студенческих, которая перемена бывает только однажды в году по окончании июня месяца» (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. М., 1962. С. 182).

¹ Президент Мануфактур-коллегии, математик, филолог, переводчик Василий Евдокимович Адодуров (1709–1780) был назначен куратором Московского университета императрицей Екатериной II в октябре 1762 года — через два месяца после того, как первый куратор университета И. И. Шувалов был отдан от государственных дел. Формально Шувалов сохранил за собой звание куратора, но на практике настоящим куратором был только Адодуров.

² Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1. С. 333.

³ Первая печатная работа К.-Г. Лангера выйдет в свет в Москве спустя год после его прибытия сюда. Это будет текст его речи, произнесенной в публичном собрании Императорского Московского университета в честь «высокоторжественного дня рождения» императрицы Екатерины Алексеевны 26 апреля 1766 года. См.: *Лангер К. Г. Слово о начале и распространении положительных законов, и о неразрывном союзе философии с их учением. М., 1766.* В 1767 г. появится в печати самое значительное произведение Лангера в области юриспруденции — «Слово о происхождении и свой-

ва не имел¹. 11 августа 1764 года К.-Г. Лангер прочитал пробную публичную лекцию и был рекомендован Конференцией на должность профессора юридического факультета сроком на три года и годовым жалованьем 500 рублей. 12 августа 1764 г. В. Е. Адодуров сообщал Г.-Ф. Миллеру: «Вчера представлен был от меня г-н Лангер в Конференции здешней господ профессоров, как кандидат профессии юридической, где по учинении с ним небольшого разговора предложена была материя «*De pactis ex iure naturae*», а другая: «*De successione ab intestate ex iure civili pro lectione cursoria*», которую г-н Лангер сегодня в собрании университетских профессоров и студентов в большой аудитории и прочитал. По окончании же оной лекции рассуждено по общему согласию ево г. Лангера профессором юриспруденции принять и с ним заключить контракт на три года, о чем имеет ему завтрашнего дня и объявлено быть, потому что голоса собираны и рассуждение произошло по выступлении ево из Конференции². К.-Г. Лангер стал читать на юридическом факультете курс всеобщей юриспруденции по руководству И. Г. Винклера³. По сведениям, приводимым в «Истории Императорского Московского университета», написанной С. П. Шевыревым, куратор Адодуров «поручал Лангеру

стве вышнего криминального суда, и что употребление оного рассуждать надлежит, по различному состоянию гражданств, и по намерению, которое в наказании людей иметь должно». Это произведение являлось текстом его речи, произнесенной 26 июня 1767 года, в день восшествия на престол Екатерины II.

¹ В протоколе заседания Конференции, состоявшемся 29 октября 1765 г., приводится ответ Конференции на сенатский запрос относительно К.-Г. Лангера. Из данного ответа явствует, что Лангер занимался науками в Гейдельберге и Иене, затем путешествовал, «а в 1759 году принял приглашение в Петербург, обучать там одного молодого человека наукам, и в этом городе пробыл пять лет. Когда же он возымел намерение отправиться в Киль для занятия в тамошнем университете должности экстраординарного профессора..., то ему сделал предложение г. колл. сов. и профессор Миллер, не желает ли он занять место в Московском университете» (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. М., 1962. С. 192–193).

² Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1. С. 293.

³ По всей видимости, это был учебник И. Г. Винклера, вышедший в свет вторым изданием в 1742 году (*Winclerus Io. Institutiones philosophiae universae usibus academicis accustomate. Lips.*, 1742). Вторая часть его была посвящена доктрине общей морали («*doctrina morum generalis*») и естественному праву («*jus naturae*»).

стараться особенно о приобретении познаний в языке Русском, чтобы профессор мог скорее вести занятия и Русскою Юриспруденциею. Лангер начал читать Право положительное всеобщее, по системе Неттельбладта, но с 1765 года стал уже требовать для своих лекций экземпляра Российских указов¹.

Между тем увольнение Ф.-Г. Дильтея вылилось в большое дело, которое более года разбиралось в Правительствующем Сенате. Документы по этому делу интересны для нас тем, что зафиксировали некоторые особенности внутренней жизни юридического факультета Московского университета в первые годы его существования.

20 января 1765 года в Московский университет поступил сенатский указ с требованием немедленно передать в Правительствующий Сенат все имевшиеся в университетской канцелярии документы по делу об увольнении Ф.-Г. Дильтея. В указе говорилось, что Именным указом от 13 декабря 1764 года, собственоручно подписанным Ее Императорским Величеством «на экстракт из челобитья профессора юриспруденции Филиппа Дильтея», высочайше повелено рассмотреть его претензии в Сенате. В своей челобитной Дильтей жаловался, что его уволили необоснованно, что ему более года не давали в университете студентов для обучения юриспруденции, что университетская канцелярия не выплачивала ему положенного жалованья. При этом он приложил к тексту челобитной список «убытков», которые были им понесены вследствие увольнения из университета. В частности, Дильтей указал на потерю частных уроков, покупку экипажа для поездки в Санкт-Петербург, расходы на свое содержание там во время судебного процесса и содержание семьи, оставшейся в Москве, и т. п. Общая сумма, которую он требовал взыскать в его пользу с Московского университета, составляла 5000 рублей и была равна его жалованью в университете за десять лет.

5 октября 1765 года в Конференцию Московского университета поступил из Сената новый запрос по делу Ф.-Г. Дильтея. Конференции предлагалось «немедленно и конечно сего же чис-

¹ Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855. С. 129.

ла подписать: профессор Филипп Дильтей по званию своему во обучении наук в прилежности ль находился и не было ль от него, что ему для обучения определенных учеников не дают, каких в тое Конференцию представлений, и буде были, то оные приложить при сем¹. В ответе, направленном Конференцией в Сенат на следующий день, говорилось, что «о прилежности г. профессора Дильтей Конференция ничего сказать не может, потому что до сего времени не употребительно было в университете подавать в Конференцию репорты², из которых бы о бытности или небытности, а тем меньше о прилежности учащих рассуждать можно было... От г. профессора Дильтей в оную Конференцию, что ему для обучения определенных учеников не дают, никаких представлений не было и не имеется»³. Спустя пять дней — 11 октября — Конференция Московского университета получила новый запрос из Сената: «было ль от профессора Дильтей во оную, что ему студентов для слушания ево лекций не дано, какое представление, и буде было, сообщить при сем точную копию»⁴. Конференция снова дала отрицательный ответ на этот вопрос. Указав, что «ни в протоколе, ни между прочими письмами университетскими совсем не находится никаких представлений от г. профессора Дильтей» о том, будто ему не давали студентов для слушания его лекций⁵.

28 октября 1765 года в Конференцию поступил новый запрос из Сената относительно профессора Дильтей. Сенат интересовался, в частности, какое количество студентов имел Дильтей в бытность свою при Московском университете и кто именно были его слушатели. Конференция не смогла в полной мере ответить на этот вопрос, поскольку никаких ведомостей с именами студентов, учившихся на юридическом факультете, не обнаружила, и сообщила: «Профессорскому собранию известно, что в 1763 году

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. М., 1963. С. 180.

² Так в оригинальном тексте.

³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 180.

⁴ Там же. С. 181.

⁵ Там же. С. 181–182.

к нему были определены пятеро студентов, а именно: Родион Гвоздиковский, Илья Грачевский, Иван Доброхотов, Иван Теплов и Илья Федоров¹. Из этих студентов двое — Гвоздиковский и названный Федоровым Илья Федорович Яковлев — были в 1767 году взяты на работу в Комиссию по составлению нового уложения. Илья Грачевский стал учителем подведомственной Московскому университету Казанской гимназии. Доброхотов и Теплов не смогли закончить университет и были отчислены².

Разбирательство по делу Ф.-Г. Дильтея продолжалось до весны 1766 года. 9 марта 1766 года его жалоба была высочайшим указом признана подлежащей удовлетворению на том основании, что университетская канцелярия не предупредила его, как это было предусмотрено в заключенном с ним контракте, за три месяца об увольнении от службы. Куратору Адодурову было повелено принять Дильтея в службу, «заключа с ним вновь контракт», и «дать ему студентов для обучения юриспруденции»³.

Согласно заключенному вскоре контракту с Московским университетом Ф.-Г. Дильтей принимался в службу «яко профессор всеобщего положительного права»⁴ с 9 марта 1766 года сроком на три года с жалованьем в год по 700 рублей. В соответствии

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 192.

² Несмотря на малое количество студентов Конференция Московского университета немедленно отчисляла тех из них, кто не показывал на экзаменах требуемого уровня знаний. Случаи отчислений неуспевающих студентов отражены во многих протоколах Конференции. Так, в протоколе заседания, состоявшегося 4 июля 1758 г., можно прочитать: «Конференция проэкзаменовала вчера 50 казенномкоштных дворян, из коих шестеро подлежат исключению». Далее называются имена данных студентов и указываются причины, по которым их необходимо было исключить, — «ленив и неспособен», или «ленив и ни в чем не успевает», или «ленив и никакие наказания его не исправили». После этого отмечается: «Имеется восемь человек сомнительных, между ними несколько недавно поступивших в университет; их оставили на 4 месяца, после чего, если они успевать не будут, то должны быть также исключены», и приводится список таких студентов. В заключение же данной справки об экзаменах говорится: «Все остальные получили аттестаты о прилежании и многие о весьма хорошем поведении» (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 1. С. 119).

³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 311.

⁴ Там же. С. 315.

с первым пунктом контракта профессор Дильтей обязывался «в определенные ординарным профессорам дни и часы со всякою верностию и прилежанием обучать публично всеобщему положительному праву во всех оного частях, купно с историою о праве гражданском, а особливо римском»¹. Второй пункт контракта возлагал на него обязанность положить за основание своих лекций «Неттельблатту систему начал всеобщего положительного права², изъясняя не токмо положительную юриспруденцию во всем ее пространстве внятным и полезным толкованием, но показывая притом своим слушателям сравнение и различие всех чужестранных гражданских законов, а особливо тех государств, которые с Россиею состоят в некоторой коннексии, таким образом, чтоб его слушатели через то предуготовлены были к предварительному правильному познанию прав своего отечества». Контракт определял не только содержание, но также форму лекций, которой должен был придерживаться профессор Дильтей. «А дабы время определенных на лекции часов не проходило втуне, — говорилось в заключение второго пункта рассматриваемого контракта, — то имеет он удерживаться от всякого излишнего диктования

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVII в. Т. 2. С. 313.

² Сохранившийся в документах Московского университета список книг, выпущенных книгопродающим Вевером для медицинского и юридического факультетов, показывает, что в январе 1765 г. для библиотеки юридического факультета было куплено семь экземпляров сочинения Неттельбладта на латинском языке «Элементарная система всеобщей естественной юриспруденции (Systema elementare universa jurisprudentiae naturalis)», каждый из которых стоил 83 копейки (там же. С. 209). В 1770 г. оно было издано в Москве в переводе на русский язык. См.: Неттельбладт Д. Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции, принадлежавшее к употреблению основания положительной юриспруденции. М., 1770. Содержание своей книги Неттельбладт распределил на три тома: «Философия практическая всеобщая теоретическая», «Юриспруденция естественная теоретическая» и «Юриспруденция естественная практическая». «Юриспруденцию естественную теоретическую» он разделил на три части: «приватную», «публичную» и «народную». При этом «приватной» юриспруденцией Неттельбладт именовал науку, которая «содержит в себе истины о правах и обязательствах людей, вне общества живущих», «публичной» юриспруденцией — науку, которая «содержит в себе истины о правах и обязательствах между подданным и вышним», «народной» юриспруденцией Неттельбладт считал совокупность истин «о правах и обязательствах народов между собою». Под «юриспруденцией естественной практической» им подразумевалась наука применения права на практике, т. е. нечто похожее на процессуальное право.

ния, но наипаче подавать учащимся основательное наставление в приличных лекциям ево наукам остроумным, а притом легким и понятным разговором, которому, как обыкновенно, должно быть на латинском языке»¹.

В шестом пункте контракта профессор Дильтей обещал «своим нынешним поведением и поступками подавать добной пример обучающемуся при университете юношеству, чина своего никаким образом не делать презрительным, честь и пользу университета при всяком случае наблюдать... ибо худой пример при воспитании юношества неизбежной вред приносит и никогда извинен и оправдан быть не может»².

Восстановление Ф.-Г. Дильтей в должности ординарного профессора Московского университета³ не повлекло за собой увольнения К.-Г. Лангера. Поэтому с 9 марта 1766 года преподавание правовых наук на юридическом факультете стали вести два профессора. С этого времени Дильтей уделял в своих лекциях русскому праву значительно больше внимания, нежели прежде. Он потребовал у Конференции закупить для своих лекций на юридическом факультете тексты российских законодательных актов: вексельного, морского и воинского уставов. И Конференция отдала 1 мая 1766 года распоряжение удовлетворить данное требование⁴. На заседании Конференции, состоявшемся 20 мая 1766 года, профессор Дильтей повторил свое требование о покупке вышеуказанных книг и, кроме того, попросил, чтобы в дополнение к ним была приобретена «книга законов, в просторечии называемая Уложение, а также Указы от 30 января и 10 марта, относящиеся к вексельному праву»⁵. Дильтей имел в виду Указ от 30 ян-

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 314.

² Там же.

³ Лекции на юридическом факультете Ф.-Г. Дильтей начал читать с 13 апреля 1766 г., о чем свидетельствует протокол «экстраординарной» Конференции Московского университета, состоявшейся днем раньше (там же. С. 245).

⁴ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 248.

⁵ Там же. С. 255.

варя 1766 года «О наказании за сочинение фальшивых векселей»¹ и Указ от 10 марта 1766 года, предусматривавший уничтожение карточных долгов и выданных по ним векселей².

12 августа 1766 года профессор Дильтей обратился в Конференцию с просьбой, чтобы все российские узаконения, присланые в канцелярию университета, а также те, которые впредь присыпаться будут, передавались, в оригинале или в заверенной копии, в Конференцию. Обосновывая эту свою просьбу, он пояснил, что «необходимо должно знать законы, а особливо юриспрудентам, которые преподавать оные должны, притом из узаконения государя императора Петра Великого знание законов и от иностранных также требуется»³. Из этих фактов очевидно, что после восстановления профессора Дильтая в должности ординарного профессора Московского университета в преподавании правовых наук на юридическом факультете произошли серьезные перемены к лучшему. Российское законодательство стало одним из основных предметов изучения студентами-юристами.

В июне 1767 года в Москву возвратились из Шотландии посланные в Глазговский университет на учебу в 1761 году Семен Ефимович Десницкий (около 1740–1789)⁴ и Иван Андреевич Третьяков (около 1735–1779)⁵.

Университет города Глазго отличался в то время своими учеными, которые превосходили знаниями и качеством преподавания ученых любого британского университета. Здесь преподавал с 1751 до 1764 года знаменитый шотландский ученый Адам Смит (1723–1790). Семен Десницкий и Иван Третьяков слушали лекционный курс Адама Смита по нравственной философии в течение первых двух лет своего пребывания в Глазго — в 1762 и 1763 годах. Он состоял из четырех частей: 1) естественной теологии, 2) этики, 3) юриспруденции, 4) политической экономии.

¹ См.: 1-ПСЗРИ. Том 17. № 12561. С. 551–552.

² См.: Там же. № 12593. С. 606–607.

³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 2. С. 272.

⁴ См. биографический очерк о С. Е. Десницком в издании: Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. Том 1. С. 131–156.

⁵ См. биографический очерк об И. А. Третьякове: там же. С. 157–163.

§ 1. Учреждение Императорского Московского университета

Лекции Адама Смита по этому курсу, которые слушали русские студенты, были посвящены преимущественно юриспруденции¹ и политической экономии.

Под юриспруденцией шотландский ученый понимал «теорию правил, которыми должны руководствоваться гражданские правительства»², или «науку, исследующую общие принципы, которые должны быть фундаментом законов всех народов»³. Из этих определений ясно видно, что он сводил юриспруденцию к естественному праву.

Помимо лекций по нравственной философии Семен Десницкий и Иван Третьяков прослушали курс Адама Смита по риторике и изящной словесности⁴.

Кроме того, русские студенты посещали в университете Глазго лекции Джеймса Уильямса по математике⁵ и занятия Джозефа Блэка по физике⁶. Однако наибольшее значение для них как будущих правоведов имели лекции по цивильному (римскому) праву, а также по публичному и частному шотландскому праву

¹ См. тексты этих лекций в издании: *Smith A. Lectures on Jurisprudence. Report of 1762–1763 / Ed. R. L. Meek, D. D. Raphael and P. G. Stein. The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith. Vol. 5. Indianapolis, 1982.*

² «*Jurisprudence is the theory of the rules by which civil governments ought to be directed*». Это определение Адам Смит дал в лекции, прочитанной 24 декабря 1762 г.

³ «*Jurisprudence is that science which inquires into the general principles which ought to be the foundation of the laws of all nations*» — такое определение Адам Смит привел в первой своей лекции по юриспруденции, прочитанной в 1766 г.

⁴ См.: *Smith A. Lectures On Rhetoric and Belles Lettres / Ed. by J. C. Bryce // The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith. Vol. IV. Indianapolis: Liberty Fund, 1985.*

⁵ Эти лекции, по всей видимости, мало что дали Десницкому и Третьякову. После возвращения их в Россию руководство Московского университета решило проверить, насколько глубоки их познания в области математики. Десницкий отказался держать сей экзамен, а Третьяков предпринял попытку его сдать, но она оказалась неудачной: экзаменовавший его профессор Рост отметил в своем докладе об этом экзамене, что «экзаменующийся не знает даже первых оснований чистой математики по анализу и вследствие того не способен преподавать математику...» (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1962. Т. 3. С. 119).

⁶ Эти занятия Десницкий и Третьяков посещали зимой 1764–1765 гг. Впоследствии Дж. Блэк дал высокую оценку способностям русских студентов усваивать законы физики.

профессора Джона Миллара (1735–1801). Лекции по цивильному праву (Институциям и Дигестам Юстиниана) Джон Миллар читал в университете Глазго в течение 1761–1762 годов, но русские студенты скорее всего посещали тот лекционный курс, который начался 1 ноября 1763 года. Слушали они данный курс в течение трех лет — до лета 1766 года. Лекции профессора Миллара по шотландскому праву Десницкий и Третьяков могли слушать в период с ноября 1765 до лета 1767 года¹.

За шесть лет пребывания в Глазго будущие русские правоведы в совершенстве освоили английский язык и, пройдя обучение философским и юридическим наукам, получили в Глазговском университете степени магистра свободных наук и доктора права. 23 июля куратор Московского университета Адодуров издал приказ «о произведении экзамена в Конференции возвратившимся на родину докторам юриспруденции Десницкому и Третьякову». При этом он распорядился «экзаменовав, определить их к чтению лекций, к каким они способны будут, а оные лекции иметь им на латинском языке, равно как и прочие господа профессоры оные имеют, дабы не токмо они в том языке час от часу большую могли получить способность, но и прочие б господа профессоры удобнее о пользе и исправности оных рассуждать могли»².

13 августа 1767 года Семен Десницкий и Иван Третьяков держали экзамен по юриспруденции перед комиссией в составе профессоров Московского университета Ф.-Г. Дильтея и К.-Г. Лангеря и обер-секретаря Правительствующего Сената и помощника генерал-прокурора А. А. Вяземского Самуила Дэна. Протокол экзамена вел профессор Керштэнс³.

Первым отвечал на вопросы экзаменаторов Семен Десницкий. Профессор Лангер спросил его: «Чем пакт отличается от контракта?» Десницкий ответил: «Пакт — гол (pactum est nudum),

¹ Свой курс по шотландскому праву профессор Миллар начинал с лекций об институтах публичного права, затем излагал институты частного права. Первая часть его лекционного курса начиналась, как правило, 10 ноября, вторая — 3 февраля.

² Там же. С. 51–52.

³ См. текст этого протокола на латинском и русском языках в издании: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 59–73.

контракт же является одетым соглашением». Лангер добавил: «На основании контракта дается право на гражданский иск»¹. Всего экзаменаторами было задано тридцать три вопроса. Десницкий почти на все из них дал правильные ответы, хотя и не во всех случаях они были исчерпывающими. Экзаменовавшим его профессорам неоднократно приходилось делать добавления к его ответам.

17 августа Семен Десницкий и Иван Третьяков прочитали пробные лекции. Десницкому была назначена лекция из курса римского права по Институциям Юстиниана, с применением к русскому праву отдельных титулов (*jus romanum ad ductum Institutionum, applicatione ad jus ruthenicum facta in singulis titulis*)².

В своем мнении о Десницком и Третьякове, составленном на основании их ответов на экзамене и пробных лекций, профессор Лангер отметил, что «ответы гг. д-ров на предложенные им вопросы не всегда были правильными и не вполне удовлетворили как профессоров-экзаменаторов, так и г. обер-секретаря Дэна, в особенности потому, что упомянутые вопросы были сообщены гг. экзаменующимся за три дня до того... Все же, однако, не подлежит сомнению, что они обнаружили достаточную способность к дальнейшим успехам в занятии римским правом, что в особенности следует утверждать о г. д-ре Десницком»³. Сравнив лекцию Десницкого с лекцией, прочитанной до него Третьяковым, Лангер заявил, что лекция Десницкого была «полнее и содержательнее, и изложение лучше»⁴.

Профессор Дильтей в своем «Донесении об экзамене и пробной лекции гг. докторов права Семена Десницкого и Ивана Третьякова» сообщил, что «они представили столь исчерпывающие доказательства, и устные и письменные, своего знания в юриспруденции, что и тот и другой должны быть признаны достойными определения, согласно ордеру его превосходительства г. куратора

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVII века. Т. 3. С. 65.

² Там же. С. 75.

³ Там же. С. 81.

⁴ Там же. С. 82.

нашего, на юридический факультет для преподавания публичных лекций, тем более что они привезли с собой докторские степени, полученные установленным порядком в Глазговском университете». При этом он счел необходимым заметить: «Если, однако, его превосходительству г. куратору угодно и сейчас назначить одному из упомянутых господ докторов вакантную должность третьего профессора на юридическом факультете, то по моему мнению она должна быть представлена г. Десницкому»¹.

После того как Десницкий и Третьяков подтвердили свои докторские степени, было принято решение о допуске их к преподаванию на юридическом факультете Московского университета. В качестве темы лекционного курса Десницкому было назначено римское право по Институциям Юстиниана, с применением к русскому праву отдельных титулов².

Первоначально подразумевалось, что русские преподаватели должны будут читать лекции, как и было до этого принято в Московском университете, на латинском языке. Однако вмешательство Екатерины II внесло перемену в этот порядок. В конце июля 1767 года императрица приехала в Москву на торжественную церемонию открытия Уложенной комиссии³. При встрече с Ее Величеством директор Императорского Московского университета М. М. Херасков⁴ преподнес ей каталоги лекций университетских профессоров. Принимая их, государыня выразила пожелание, чтобы «лекции в университете на российском языке преподаваемы были»⁵. Готовясь ввести русский язык в систему преподавания наук в Московском университете, Херасков обратился 13 ноября 1767 года к секретарю Екатерины II С. М. Кузьмину, в котором выразил опасение, что новый порядок чтения лекций, основан-

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 84.

² Там же. С. 75.

³ Торжественная церемония открытия Комиссии для сочинения нового уложения состоялась 30 июля 1767 г.

⁴ Писатель Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807) являлся директором Московского университета с 1763 по 1770 г.

⁵ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 3. С. 426.

ный лишь на устном пожелании государыни, не станет прочным и будет продолжаться лишь до тех пор, пока он, Херасков, будет занимать должность директора университета. Михаил Матвеевич просил Кузьмина передать императрице его просьбу утвердить свое высочайшее намерение письменно: в этом случае оно «уже навсегда твердым намерением останется»¹. Не дожидаясь ответа Екатерины II на свою просьбу, Херасков написал 19 ноября письмо куратору Адодурову, в котором объявил ему, что Ее Императорское Величество «всемилостивейше указать соизволила, что в университете пристойнее бы читать лекции на русском языке, а особливо юриспруденцию, что де неоднократно повторяя, соизволила всевысочайше повелеть, дабы о том старатца». Куратор Адодуров, сославшись на это письмо, рекомендовал С. Е. Десницкому и И. А. Третьякову готовиться к чтению лекций на русском языке. 29 ноября он обратился к Хераскову с просьбой приказать «докторам юриспруденции Третьякову и Десницкому..., как и докторам медицины Зибелину² и Вениаминову, равно же и магистру Аничкову... лекции свои читать уже на русском языке». В заключение своего обращения к директору университета куратор заявлял: «Каким же образом им себя к тем лекциям за-благовременно приуготовить и следуя назначенным от Конференции авторам в юридических лекциях показывать и употребление Российского права, оное оставляя вашему о том рачительно-му попечению»³.

На практике чтение лекций на русском языке в Московском университете началось 15 января 1768 года. Сообщение об этом было напечатано в тот же день в газете «Московские Ведомости». В нем говорилось: «С сего 1768 году в Императорском Московском университете, для лучшего распространения в России наук, начались лекции во всех трех факультетах природными Россия-

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 426.

² В других документах — Зибелин.

³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 3. С. 124.

нами на Российском языке. Любители наук могут в те дни и часы слушать, которые оны в лекционном каталоге назначены¹.

8 мая 1768 года куратор Адодуров распорядился своим ордером произвести докторов юриспруденции Третьякова и Десницкого, «в рассуждении их порядочного и с успехом своих должностей отправления», экстраординарными профессорами². 24 мая того же года Третьяков и Десницкий впервые приняли участие в работе Конференции Московского университета в качестве ее полноправных членов.

С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков стали профессорами юридического факультета Московского университета в то время, когда в русском обществе продолжали господствовать способы изучения права, присущие старой дьяческой, практической юриспруденции. Система же юридического образования, предполагавшая подготовку юристов на базе изучения теоретической юриспруденции, находилась еще в процессе формирования. Поэтому первым русским ученым-правоведам приходилось еще доказывать преимущества этой системы.

В начале 1768 года С. Е. Десницкий написал свое первое крупное сочинение в области юриспруденции и политики. Оно называлось «Представление о учреждении законодательной, судильной и наказательной власти в Российской империи»³. Основной текст его предваряло обращение автора к императрице Екатерине II, в котором говорилось: «Ваше императорское величество для таких представлений, без сомнения, рассудительнейших меня изволите иметь в повелении подданных, которых долговременное упражнение в делах государственных несравненно больше будет уважаемым в вашем высочайшем изволении. И кроме таких под-

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. С. 426. См. также: Шевырев С. П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. С. 141.

² Там же. Т. 3. С. 142.

³ Есть основания считать, что Десницкий писал это произведение по поручению генерал-прокурора князя А. А. Вяземского, который исполнял в то время вместе со своей основной должностью обязанности президента Комиссии по сочинению нового уложения. Опубликовано оно было впервые только в 1905 г. См.: Записки Академии наук по историко-филологическому отделению. СПб., 1905. Т. 7. № 4. С. 1–45.

данных вашему величеству в таких важных предприятиях служить за счастье почитают и самые первые из ученых в Европе, которые по своему основательнейшему рассуждению в законоискусстве и в делах политических больше могут предвидеть, что полезным и возможным есть для учреждения в вашей империи. Того ради мое, без таких совершенств, о представляемых здесь учреждениях рассуждение не может заключать в себе никакого другого разумения, как только то одно, что я из последних [сил] дарованием служить своей всемилостивейшей монархине стараюсь»¹.

Десницкий высказывал в этом рассуждении свои мысли относительно различного рода государственных властей. Рассуждая о «судильной власти», он коснулся вопроса о том, «в каком знании и науках судьи искусны должны быть». Ответ его на этой вопрос гласил: «Искусство и знание, надобное судии, зависит: 1) От свойственности его рассуждений о том, что добрым и худым сливет в свете. 2) Такое его знание несравненно еще больше усугублено может быть из учения премногих примеров судебных дел. Первое руководство, показующее, в чем свойственность наших рассуждений состоит, есть нравоучительная философия, натуральная юриспруденция и кроме сих учение натуры человеческой, которая больше познается с чтения и примечаний писателей о разных правлениях народов, нежели из школьных метафизических споров. Второе средство для снабдения наш разум довольными примерами судебных дел есть учение такой системы, в которой бы можно ясно видеть все примеры судов, и сверх сего начало, возвышение и совершенство правления. Для сего лучшей нет другой системы, кроме законов римских. Почему следует, чтобы судьи до вступления на такую должность довольно управлялися в нравоучительной философии, натуральной юриспруден-

¹ Десницкий С. Е. Представление о учреждении законодательной, судильной и наказательной власти в Российской империи // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. В двух томах. М., 1952. Т. 1. С. 292–293. Десницкий датировал это обращение 30 февраля 1768 г. Приведенное число (или месяц) является очевидной опиской, поэтому точную дату завершения им указанного произведения определить невозможно. Это могло быть тридцатое января или тридцатое марта, но, скорее всего, Семен Ефимович имел в виду третий день февраля.

ции и в римских законах, и кроме сих наук они должны подробно знать и искусно толковать законы своего отечества»¹.

Из этих слов видно, что Десницкий считал главным способом подготовки судей изучение ими теоретической юриспруденции, преподававшейся в университетах. В примечании к приведенному высказыванию правовед заявлял, что судья «принужден будет иметь полное университетское воспитание, для которого по причине столь обширного государства российского со временем могут быть учреждены училища во всех местах, где такие главные судьи тяжебные и криминальные будут присутствовать, равномерно как и факультеты адвокатские с библиотеками, надобными адвокатам». При этом он отмечал, что «судья точно так, как человек художественный, чем больше будет иметь в своей голове разных примеров, надобных к его профессии, тем больше будет искусен в своем деле и знании. И потому он должен знать историю, разные языки, как например, латинский, немецкий, французский и английский, дабы с помощью сих мог читать разные системы законов и тем бы мог усугубить свое знание и искусство в делах судебных»².

Десницкий не отрицал необходимости практической подготовки судей, но полагал, что она должна быть дополнением к изучению ими теоретической юриспруденции.

30 июня 1768 года свободных наук магистр, юриспруденции доктор, римских и российских прав экстраординарный профессор Семен Десницкий прочитал в торжественном университете собрании, состоявшемся по случаю шестой годовщины «всерадостного восшествия на престол государыни императрицы Екатерины Алексеевны», лекцию «Слово о прямом и ближайшем способе к обучению юриспруденции»³. Данная речь имела про-

¹ Десницкий С. Е. Представление о учреждении законодательной, судильной и наказательной власти в Российской империи. С. 304.

² Там же.

³ Полный текст данной лекции был напечатан в том же году в типографии Московского университета.

См.: Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к обучению юриспруденции, в публичном собрании Императорского Московского Университета бывшем для Всерадостного восшествия на Престол Государыни Императрицы Екатерины

§ 1. Учреждение Императорского Московского университета

граммное значение. В ней была начертана система преподавания юридических наук, которую русский правовед, получивший юридическое образование за границей, считал наиболее приемлемой в тех условиях для российского университета.

Общую систему преподавания наук в России Десницкий предлагал составить из четырех частей: нравоучительной философии, естественной (натуральной) юриспруденции, римского права и русского права. Он проверил подобную систему на себе во время учебы в университете Глазго. Ей следовали ведущие профессора этого университета — Адам Смит и его ученик Джон Миллар. Впрочем, Семен Ефимович сам признавал, что в его рассуждении «господина Смита нравоучительная философия ближайше с натуральною юриспруденциею соединена, нежели все другие системы сея науки»¹.

Лекции по нравоучительной философии и натуральной (естественной) юриспруденции должны были, по мнению Десницкого, показывать студентам, «что праведным и неправедным, добрым и худым почтается у разных народов»².

После этого, считал Десницкий, необходимо снабдить ум студентов достаточным количеством примеров различных судебных решений и подробным понятием о полной системе законов. С его точки зрения, «для такого намерения нет в свете лучших законов, кроме римских, ибо ни один еще народ в Европе столь долговременно не жил и столь не скоро до своего совершенства доходил, как римляне, которых течение столь продолжительное было, что нам из их законов можно видеть всякую степень, по которой они восходили до своего величества. В противном случае для такого намерения можно бы преподавать и другую какую-нибудь систему».

Алексеевны 30 июня 1768, говоренное свободных наук магистром, юриспруденции доктором, римских и российских прав публичным экстраординарным профессором Семеном Десницким. М., 1768; в 1819 г. он был перепечатан в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оного» (М., 1819. Ч. 1. С. 213–281). С небольшими сокращениями текст первой публичной лекции Десницкого был воспроизведен в первом томе издания «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века» (М., 1952. Т. 1. С. 187–235).

¹ Там же. С. 202.

² Там же. С. 199.

му, например, немецкую, французскую, аглинскую, если бы только оная была столь полная, какова есть римская»¹.

Завершать же юридическое образование Десницкий призывал изучением русского права. «После нравоучительной философии, натуральной юриспруденции и римских прав, — отмечал он, — обыкновенно в университетах преподается отечественных законов юриспруденция»². Ученый провозглашал задачу создания кратких наставлений «всероссийских прав» и развертывания специального преподавания русской юриспруденции. «Удивительно, — говорил он, — что в России до сих времен никакого почти особливого старания к отечественной юриспруденции прилагаемо не было. Мы не имеем и поныне никаких сокращенных по примеру других государств наставлений российских законов»³. По мнению Десницкого, одна из причин этого заключается в том, что в России все законодательство писалось «на природном языке» и «в российских указах не было никогда таких трудных и невразумительных слов, какие примечаются в законах феодальных правлений»⁴. Другой причиной было «немножество законов в России и дел государственных»⁵. В настоящее же время, отмечал Десницкий, ситуация в России изменилась: «по причине множества дел, и внутрь и вне государства происходящих, и по причине разных беспрестанно устанавляемых возобновлений законы и дела довольно умножились и требуют уже необходимо, чтоб сделаны были и напечатаны для общего всех знания краткие наставления всероссийских прав»⁶. Вследствие этого возникла потребность и в преподавании российской юриспруденции. В связи с этим он высказывал мысль о том, что для преподавания российской юриспруденции в российских учебных заведениях необходим особый профессор, обязанностью которого было бы пока-

¹ Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции... С. 208–209.

² Там же. С. 200.

³ Там же. С. 209.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 209–210.

зывать данную юриспруденцию «порядком историческим, метафизическим и политическим, снося притом законы российские с натуральным об них рассуждением»¹.

Десницким были начертаны и контуры той системы, по которой следовало, с его точки зрения, излагать российскую юриспруденцию. Он полагал, что сначала необходимо показать «главное всех российских прав разделение на *права*, происходящие от различного состояния людей в России, и на *права*, происходящие от различных и взаимных дел между обывателями российскими». Затем следует рассмотреть «права *вещественные и персональные*, то есть собственность, владение, наследие, право дозволенное, заклады, откупы, контракты и подобные сим права». После них — «тяжебные и криминальные дела с назначенными по указам наказаниями»².

Идеи, высказанные в «Слове о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции», С. Е. Десницкий старался осуществить на практике. Систему натуральной (естественной) юриспруденции по руководству Неттельбладта читал на юридическом факультете вплоть до 1773/1774 учебного года ординарный профессор К.-Г. Лангер³. Профессор Ф.-Г. Дильтей читал в конце 60-х и в 70-е годы XVIII века «Неттельбладтову систему универсальной положительной юриспруденции», «право вексельное по своей книге», «военное право по руководству российского военного устава», «изъяснение Адмиралтейского регламента и право морское», «историю российского права», уголовное право по Пандектам применительно к русским законам. Кроме того, он «занимал студентов практически юридическими сочинениями»⁴. И. А. Третьяков преподавал «титулы из Дигестов: о знаменовании слов и о разных правилах в законах, сравнительно с правом российским», а также «историю права и римских древностей по

¹ Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции... С. 210.

² Там же.

³ Закончив свой лекционный курс в указанном учебном году, К.-Г. Лангер покинул Московский университет и Россию.

⁴ Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. С. 186.

Гейнекцию»¹. С. Е. Десницкий читал с 1768 года лекции по римскому праву — «всегда сравнительно с правом российским»². О пособиях, которыми Семен Ефимович пользовался в преподавании данного курса, свидетельствует его требование о покупке на казенный счет книг для юридического факультета, направленное в Конференцию Московского университета 29 октября 1768 года. В составленном им списке были указаны: 25 экземпляров руководств Гейнекия к Институциям и Пандектам Юстиниана, 6 экземпляров *Corpus Juris Civilis* голландского издания, «один экземпляр указов российских, один экземпляр Кормчия книги, один экземпляр старинного сводного уложения, сделанного по последней комиссии»³.

В 1773 году Десницкому удалось добиться открытия в рамках юридического факультета Московского университета кафедры русского законоведения и начать чтение лекционного курса по этому важнейшему для будущих русских юристов предмету. «Не знание закона отечественного всегда почиталось, даже у древних, бесчестным для тех, коим доверенность возложило отечество наблюдать и производить в действование закон», — подчеркивал он в речи «Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах», с которой выступал в торжественном собрании Московского университета 22 апреля 1778 года.

Считая изучение русского права важнейшей задачей университетской системы юридического образования, Десницкий отказывался при этом от практического метода познания русских законов вследствие его бессистемности и неэффективности. По его словам, «прежних веков законоучители и письмоводители не столько для изъяснения вещей, к их упражнению принадлежащих, сколько для показания своей должности писали. В таком

¹ Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. С. 188.

² Там же.

³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. М., 1963. С. 169.

§ 1. Учреждение Императорского Московского университета

преподавании бременном и непорядочном юриспруденция, наука, впрочем, наиблагороднейшая и полезнейшая, от множества пространных писателей учинилась бременною и учащихся умы обременяла и отягощала»¹. Не принимал Десницкий в качестве метода изучения русского права и гlosсаторские приемы, в каковых он усматривал «безмерное и беспорядочное множество законоучительских примечаний, которых прочтение отнимало у всех почти размышление, утомляло рачительную память и в изнеможение приводило всю остроту разума и рассуждения»².

Единственным методом, способным дать студентам знание отечественного права, Десницкий считал метод научного его изучения. В отсутствии науки русского права он видел главный недостаток формировавшегося в России в стенах Московского университета юридического образования. В речи, посвященной пользе знания отечественного законоискусства, которую Семен Ефимович произнес в торжественном собрании Московского университета в 1778 году, им обращалось внимание на тот факт, что «Римское право преподается здесь уже более 20 лет и во всей своей полной системе. Когда напротив сему Российское право не составляет в себе ни какой особливой науки, кроме практического употребления судящих и судящихся; хотя впрочем основано оное на твердом положении, и утверждено быть может опытами множественных веков...»³.

* * *

В мае 1770 года М. М. Херасков, покидая пост директора Московского университета, представил Десницкого и Третьякова к производству в ординарные профессора. В том же году на юриди-

¹ Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов, и о совершенстве, к какому оное приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими... говоренное... 30 июня 1775 // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. С. 258.

² Там же.

³ Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах... говоренное апреля 22 дня 1778 г. М., 1778. С. 9.

ческом факультете Московского университета произошло другое примечательное событие. Полный курс обучения юридическим наукам окончили два студента: Иван Борзов и Алексей Артемьев¹.

Все те, кто обучались на юридическом факультете до них, не оканчивали по разным причинам полного курса обучения². Из-за недостатка в государственном аппарате и учебных заведениях Российской империи образованных чиновников многих студентов определяли на государственную службу еще до выпуска из Московского университета. Так, в 1767 году восемнадцать студентов были назначены в Комиссию для сочинения нового уложения. Среди них было несколько молодых людей, обучавшихся юриспруденции. На юридическом факультете к началу 1767/1768 учебного года осталось четверо студентов — ровно столько, сколько было в тот момент профессоров. 22 августа профессора юридического факультета обратились к Ученому собранию Московского университета со следующим письмом: «Почтеннейшая Конференция! Так как в указе 1763 года о штатах для государственных учреждений ясно постановлено, что в Московском университете должна преподаваться юриспруденция³, а всемилостивейшим е. и. в. указом от 9 марта 1766 года⁴ повелено назначить студентов для обучения юриспруденции, то мы, профессора права, настоятельно просим, чтобы это было сделано теперь, когда в студентах такой недостаток, тем более что по ордеру его превосходительства г. куратора лекторов стало больше, студентов же число, по-

¹ См. биографический очерк об А. А. Артемьеве в издании: Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. Том 1. С. 173–177.

² 3 ноября 1770 г. вице-директор Московского университета А. А. Тейльс сообщал в своем рапорте куратору Адодорову, что хотя из Московского университета к тому времени «более трехсот студентов в штатскую и военную службу вышли, токмо то были почти все не окончавшие надлежащим образом ни одного факультета» (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 397).

³ На самом деле данный акт, названный «Манифестом», был издан в 1764 году (15 декабря). В нем содержалось предписание императрицы Екатерины II учредить в Московском университете «классы российской юриспруденции» (см.: 1-ПСЗРИ. Том 16. № 11989).

⁴ Имеется в виду указ о восстановлении Ф.-Г. Дильтея в должности ординарного профессора юридического факультета Московского университета.

мимо надежды на двух, поставленных учителями, уменьшилось в настоящее время до того, что на всем юридическом факультете остается их только четверо, [то есть столько], сколько на этом факультете находится учащих. Мы предлагаем также, чтобы студенты, которые занимались философскими предметами один год, были переведены на юридический факультет ввиду настоящей необходимости [для] юридического факультета, без предварительного окончания философского факультета, который также экстраординарным образом принял двенадцать слушателей. Настоящая просьба наша усиленно поддерживается тем доводом, что в нынешних обстоятельствах, может статься, в Комиссию для сочинения Уложения будут требовать того или другого из студентов, а мы их в будущем дать не сможем»¹. Конференция отказалась профессорам юридического факультета в этой, удивительной для нашего времени, просьбе, сославшись на правило, по которому на юридический факультет зачислялись только те студенты факультета философского, которые изучили все преподававшиеся здесь науки. Через год, а точнее — 2 августа 1768 года — профессор Дильтей снова просил у Конференции «в виде исключения дать ему студентов для юридического факультета, хотя они еще не окончили философского»², и снова ему было отказано.

Следствием описанного положения было то, что первые студенты, которые смогли завершить полный курс обучения наукам, появились на юридическом факультете только в 1770 году. 11 августа указанного года Иван Борзов и Алексей Артемьев обратились в Конференцию с прошением, в котором заявляли: «Обучались мы через три года в юридическом факультете и в оном преподаваемое нам учение кончили, вследствие чего теперь с надлежащим почтением просим, чтоб учинено было его превосходительству г. куратору представление вместе с засвидетельствованием о наших успехах гг. докторов помянутого факультета с тем, дабы мы, получая пристойное нашему званию награждение, употреблены были к государственным должностям, чрез что бы мы мог-

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 85–86.

² Там же. С. 156.

ли воспитавшему нас отечеству по крайнему нашему разумению оказать усердные услуги и что бы служило к приращению славы императорского университета и к большему поощрению наших товарищей»¹.

В ответ на это прошение Конференция в тот же день, то есть 11 августа, постановила подвергнуть Ивана Борзова и Алексея Артемьевца экзамену в присутствии профессоров юридического факультета.

Экзамен состоялся 9 октября 1770 года. В своем рапорте, по-данном в «почтеннейшую Конференцию» 20 октября, профессора Дильтей, Лангер, Десницкий и Третьяков сообщали: «Из экзамена выяснилось, что названные студенты сделали в юридических науках исключительные успехи, ибо на предложенные им вопросы из древне-римского права, его институций и дигест, отвечали превосходно и при одобрении профессоров, так же, как и на прежде произведенных им экзаменах по вексельному, военному и морскому праву согласно с русскими законами, а в диспутах и диссертациях обнаруживали весьма часто свои способности, вследствие чего они были дважды награждены золотыми медалями. Таким образом, по приведенным резонам, мы считаем их достойными его превосходительству г. куратору на предмет их дальнейшего производства. Чего ради мы не усумнились дать наше настоящее свидетельство и усиленно их рекомендуем, и от души желаем каждому из них преуспеяния и благополучия»².

Появление в числе преподавателей юридического факультета Московского университета русских профессоров, докторов права, выпуск первых студентов, успешно усвоивших преподававшиеся в рамках факультета юридические науки, — все это означало, что формирование его в качестве учебного заведения, способного осуществлять подготовку юристов на основе изучения теоретической юриспруденции, завершилось. В истории юридического факультета наступал новый этап.

¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. С. 363.

² Там же. С. 390.

§ 2. Юридический факультет Московского университета в 70–90-е годы XVIII века: период становления

В 1779 году умер И. А. Третьяков, и на юридическом факультете снова стало недоставать квалифицированных профессоров для преподавания юридических наук. Положение еще более усугубила смерть Ф.-Г. Дильтея осенью 1781 года. С. Е. Десницкий остался единственным профессором юридического факультета. 6 апреля 1782 года на место Дильтея был приглашен *Федор (Theodor) Григорьевич Баузе (1752–1812)*¹. Это был очень удачный выбор со стороны руководства Императорского Московского университета. Выпускник юридического факультета Лейпцигского университета, преподававший с 1775 года в Петровском училище (Peter-Schule) при лютеранской церкви Святого Петра в Петербурге географию, историю и латинский язык, Баузе в свободное время самостоятельно изучал древнюю историю мира и русскую историю, совершенствовался в юридических науках, был вхож в общество столичных русских интеллигентов. Он охотно принял лестное для себя предложение и уже 11 апреля официально рас прощался с Петровским училищем.

Зарождение юридической науки требовало переосмыслиения не только содержания юридического образования и сущности правотворчества, но также смысла самого понятия юриспруденции. О новом значении этого понятия думал и новый профессор юридического факультета Московского университета. 25 ноября 1782 года, в день тезоименитства императрицы Екатерины II, Федор Григорьевич Баузе произнес в стенах Московского университета торжественную речь о сущности юриспруденции. Речь произносилась на латыни и называлась: «*Oratio de jurisprudentia ejusque docendae et discendae ratione professionis juridicae* (Речь о юриспруденции, в которой излагается и разъясняется смысл юридической профессии)»². «Под именем юриспруденции,— говорил в ней

¹ См. биографический очерк о Ф. Г. Баузе в издании: Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. Том 1. С. 178–186.

² В том же году латинский текст указанной речи был напечатан. См.: *Bause Th. Oratio de jurisprudentia ejusque docendae et discendae ratione professionis juridicae in Uni-*

Ф. Г. Баузе, — не разумею я сухого тщедушного знания тех законников, которые считают себя и достаточно учеными и достаточно опытными, если держать в памяти слова законов, не понимая смысла и значения их, если в суде могут на них *сослаться* (по прекрасному их выражению). Пусть эти господа наслаждаются своими познаниями — Бог с ними — ведь и дети радуются, если, как попугай, могут пробормотать слова, для них непонятные. Но пусть не стараются они убедить меня, что своей убогой наукой они в самом деле могут принести хотя какую-нибудь пользу государству. Под именем юриспруденции я не разумею также того увертливого, непостоянного, коварного и обманчивого искусства крючкотворцев, которые стараются только склонять законы то в ту, то в другую сторону, смотря по желанию, которые пышными словами и другими уловками стараются проводить и глумиться над судьями и самим правосудием. Пусть и эти люди довольствуются своим честным искусством, пусть величают себя (говоря их словами) непобедимыми защитниками правды — оставим их, — есть ведь воры и разбойники, которые состязаются друг с другом в коварстве, хитрости и ими величаются. Но пусть они не называют себя защитой и опорой справедливости, безопасности и общественного благосостояния. Наконец, под именем юриспруденции я не разумею тех ходячих, непрочных подъяческих сведений, которые, не скажу почерпнуты, но повыдерганы из лексиконов, сокращений, руководств и т.п. книг. Пусть и эти люди торжествуют, опираясь на свою грубую и беспорядочную груду определений, различий, правил и формул, пусть заставляют грубую чернь дивиться грубому их знанию. Но они не ослепят людей ученых и знающих это дело... Что же признаю я достойным имени юриспруденции? — То, что древние Римляне, создатели всякого права и законов, называли познанием вещей божественных и человеческих, справедливого и несправедливого, честного и бесчестного. Юриспруденция так обширна, что ее нельзя ограничить кругом дел судебных; она стоит так высоко, что недоступна для людей легкомысленных и бесчестных. Как дело врача — за-

versitate litteraria Mosquensiadeunda causa dicta D. XXV Nov. M., 1782. См. также: Московские ведомости. 1782. № 96. С. 761—762.

ботиться о здоровом состоянии тела человеческого и всех его частей: так дело законоведца заботиться о здоровье тела общественного и всех его частей, т. е. государства и его граждан».

Таким образом, профессор Баузе придавал понятию юриспруденции предельно широкий смысл. Практическое законоискусство мыслилось им лишь в качестве малой части этого явления. Но и юридическая наука не охватывала всего понятия юриспруденции. С точки зрения Ф. Г. Баузе, юриспруденция — это наука не только о праве как таковом, но о поведении человека вообще.

Поэтому он считал недостаточным для познания юриспруденции усвоения норм действующего права. По его мнению, прежде чем приступить к изучению юриспруденции, необходимо пройти школу грамматики, риторики и критики, овладеть иностранными языками, как древними, так и современными, изучить историю и географию, философию и математику. Последние две науки Баузе рекомендовал будущим юристам для развития способности к логическому мышлению.

Изучение же самой юриспруденции профессор Баузе советовал начинать с энциклопедии законоведения, с которою должна быть соединена история права, особенно римского. Затем необходимо, полагал он, перейти к изучению права естественного, народного и публичного. И только после этого можно приступать к познанию положительного права, причем лучше всего начинать с такой его разновидности, как гражданское право. Для познания же последнего следует изучать в первую очередь римское право.

В целом, взгляды Ф. Г. Баузе на право, его деление юриспруденции на различные части, а права — на те или иные разновидности несли на себе печать влияния трудов немецкого правоведа И.-Г. Гейнекия. Однако в ряде случаев профессор Баузе шел дальше своего предшественника. Так, в изучении теоретической юриспруденции Федор Григорьевич придавал большое значение истории права. Гейнекий также отводил историческому рассмотрению права важную роль. Однако если Гейнекий понимал историю права как простую иллюстрацию правовой догмы, как эволюцию юридических понятий и их определений, то Баузе главную цель исторического изучения права видел в познании причин тех перемен, которые претерпевают с течением времени юридические понятия.

Ф. Г. Баузе считал, что теоретическое правоведение должно сочетаться с правоведением практическим. С его точки зрения, последнее стоит к теоретическому знанию о праве в таком же отношении, в каком умение играть на инструменте относится к теоретическому знанию музыки. Данный пример Ф. Г. Баузе привел не случайно — он был большим любителем и знатоком музыки. Обладая широкими познаниями в самых различных сферах человеческой культуры, он не мог смотреть на юриспруденцию иначе, как на неотъемлемую часть этой культуры, тесно связанную со всеми другими ее элементами.

В 1783 году Ф. Г. Баузе, по не вполне ясным причинам, вынужден был уволиться из Московского университета и уехать в Германию. Но пребывая там, он не терял связи со своими университетскими коллегами. В 1786 году ученый возвратился в Россию и занял прежнюю свою должность в Московском университете, начав преподавание с 1787/1788 учебного года на философском факультете энциклопедии, истории и метода наук и художеств. Со следующего учебного года он стал читать студентам юридического факультета курс юридической энциклопедии. С 1791 года Баузе преподавал на юридическом факультете римское право (сначала по Гейнекию и Генферу, затем по Шмальцу, историю же римского права — по Баху). В последнее десятилетие XVIII века Федор Григорьевич увлеченно занимался русской историей и русской словесностью. Он страстно полюбил русскую древность, найдя в ней образцы высокой художественной и просто умственной культуры, намного превосходившей по своему уровню западноевропейскую культуру той же самой эпохи.

В первые годы XIX века профессор Баузе преподавал в Московском университете, помимо юриспруденции, также историю русской словесности, историю дипломатии, нумизматику. В 1801 году он был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук.

Почти одновременно с Ф. Г. Баузе пришел на юридический факультет Яков Шнейдер. В каталоге публичных лекций в Московском университете на 1782/1783 учебный год он представлялся как «лицензиат Шнейдер, теоретический искуснейший профессор». При этом говорилось, что он «будет читать лекции по Монтескье о духе законов — для студентов на латинском языке, а

для дворян на французском языке, без платы». С 1783/1784 учебного года Я. Шнейдер читал на юридическом факультете историю римского права и римские древности по руководству Гейнекция, а также курс римского права по Институциям Юстиниана. В каталоге лекций на 1789 год Я. Шнейдер не упоминался вовсе. Скорее всего, он к этому времени оставил преподавательскую должность на юридическом факультете Московского университета.

С 1786 года началась преподавательская деятельность на юридическом факультете знаменитого русского законоискусника Захара Аникеевича Горюшкина (1748—1821)¹. Он был приглашен для преподавания на юридическом факультете российского практического правоведения в конце 1785 года тогдашним директором Московского университета П. И. Фон-Визиным.

1 января 1786 года его зачислили в штат преподавателей юридического факультета Московского университета на профессорскую должность. В этом качестве Захар Аникеевич останется до самого увольнения из университета, которое произойдет в начале 1811 года. Звания профессора он за двадцать четыре года университетской службы так и не получит. Профессорами юридического факультета в то время были в основном немцы. Исключение составлял лишь С. Е. Десницкий, но он из-за болезней заканчивал тогда уже свою преподавательскую деятельность.

В истории русской юриспруденции З. А. Горюшкин занимает особое место. Он принадлежит к той категории людей, которых в России называют «самородками» или «самоучками». Захар Аникеевич не учился в учебных заведениях — обширные юридические знания, которыми он славился среди своих современников, ему пришлось приобретать путем самообразования и в процессе многолетней практической деятельности в различных ведомствах государственного управления.

Это был один из самых своеобразных преподавателей за всю историю юридического факультета Московского университета. Преподавание юриспруденции осуществлялось Горюшкиным в весьма необычной манере. Он превращал свои лекции в театраль-

¹ См. биографический очерк о З. А. Горюшкине: Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII—XX веков: очерки жизни и творчества. Том 1. С. 187—201.

ный спектакль: учебная аудитория объявлялась им залом судебного заседания, из студентов избирались основные участники судебного процесса — судьи, секретари, обвиняемые и т.п. Такое преподавание давало студентам достаточно много. По общему признанию, из учеников Горюшкина получались хорошие стяпчие.

Учившийся у него Ф. П. Лубяновский (в 1819–1829 гг. — Пензенский, а в 1830–1833 гг. — Подольский губернатор) вспоминал о годах своей учебы в Московском университете: «По русскому законодательству мы были на руках у г. Горюшкина, славившегося тогда в Москве всеобъемлющим законоведением, разумом в сочинении прошений и практическим знанием применять закон к данному случаю. Под руководством его можно было научиться писать прошения на высочайшее имя по изданной форме и по пунктам. Если дозволено назвать это недостатками, то нельзя не принять в уважение, что тогда не было еще ни «Русской истории» Карамзина, ни «Полного собрания», ни «Свода законов», ни лицеев, ни училища правоведения»¹.

Профессор Московского университета И. М. Снегирев (1793–1868) оставил нам следующее описание внешнего облика Горюшкина, которого он часто видел в доме своего отца: «По приемам и костюму Захар Аникеевич не походил на прежнего подъячего, но скорее на щеголеватого барина; черты лица были у него правильные, глаза маленькие, рот узкий, выражавший проницательность и скромность. Он пудрился, украшал волосы пуклями, носил модный кафтан и шлифные на башмаках пряжки с розами или стразами, двое часов в карманах с золотыми цепочками, на пальцах жалованные бриллиантовые перстни»².

По словам профессора права И. Ф. Тимковского (1773–1853), Захар Аникеевич Горюшкин был «росту среднего, худощав, темно-рус, лица бледного с морщинами, неказистого, с прижатым голосом; имел впрочем вид доброго внушения»³.

¹ Лубяновский Ф. П. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 48.

² Воспоминания И. М. Снегирева // Русский архив. 1866. № 5. Стлб. 760.

³ Тимковский И. Ф. Памятник И. И. Шувалову // Москвитянин. 1851. № 9–10 (май). С. 28.

З. А. Горюшкин славился своими познаниями в русской истории. Он был глубоким знатоком народных традиций, обычаев, носил в своей памяти огромное количество различных пословиц и поговорок. Он любил изящные искусства: организовал в своем доме театр, устраивал и концерты музыки. Но главным его увлечением было законоискусство. Это слово лучше, нежели термин «юриспруденция», подходит для обозначения характера его знаний в области права, приобретенных посредством долговременного практического упражнения в законах.

Сам Горюшкин именовал законоискусство наукой. «Законоискусственная наука, быв в сопряжении с прочими частями учености, как-то: математикою и философию, — писал он, — есть знание прав и законов, дабы уметь справедливо применять оные к действиям человеческим, или действия человеческие к законам, и выводить заключения, непосредственно следующие из сравнения сих двух предложений; или разбирать и полагать которое действие противно законам и которое сходно с оными; или иначе наукой судить дела человеческие по точной силе и словам законов; или законоискусство есть деятельный навык праведно судить дела человеческие по законам»¹. Законоискусник же, согласно Горюшкину, это — «тот, который имеет надлежащий навык: справедливо применять законы к делам человеческим, или дела к законам, и выводить заключения из оных следующие»².

Захар Аникеевич придавал большое значение соблюдению законов. «Я думаю, — учил он своих студентов, — что законы должны исполняться не для того, чтобы опасаться какого-либо ответа за преступление их; но для того, чтобы все предписанное ими есть само по себе такое, которое только может составлять наше общественное и частное благосостояние. Следовательно, всякому благомыслящему должно стыдиться вопреки им располагать свои действия»³. Главную цель законов, согласно Горюшкину, составляет общее

¹ Тимковский И. Ф. Памятник И. И. Шувалову // Москвитянин. 1851. № 9—10 (май). С. 1.

² Там же. С. 33.

³ Горюшкин З. А. Описание судебных действий или легчайший способ к получению в краткое время надлежащих познаний к отправлению должностей в судебных местах... М., 1807. С. 17.

благо. «Гражданские права и законы можно почтеть такими путями, которыми бы всяк из живущих в обществе, ради своей пользы, шествуя неуклонно, мог достигнуть к тому великому намерению, которое составляет благосостояние всех и каждого»¹.

Средством, через которое познается законность или незаконность наших действий, Горюшкин считал правосудие. Последнему он придавал высокий нравственный смысл. «Итак, можно сказать, что правосудие есть навык, по которому справедливый человек располагает добро и зло между самим собою и другими по пропорции и уравнению геометрическому»², — утверждал учений.

В связи с этим Захар Аникеевич обращал особое внимание на качества людей, отправляющих правосудие. «Ничто не может, по мнению Платона, утаиться от прозорливых очей правосудия; а потому древние Египетские жрецы говорили, что острое зрение оного проникает во внутренность всех вещей. От сего ж произошло, что Апuleй клялся всегда оком Солнца и оком Правосудия, подразумевая под тем, что как то, так и другое, равномерно всевидящи. Сии мнения древних открывают нам, каковы должныствуют быть Особы, отправляющие правосудие. Надлежит, чтоб свет разумма озарял их, с помощью которого могли б они открывать истину, где б она скрыта ни была, и чтоб они, как непорочнейшие девы, не причастны были никаким страстям, и никогда б не допускали развращать себя ни дарами, ни ласкательными убеждениями»³.

В своих лекциях Горюшкин старался внушать студентам мысль о необходимости для судьи быть при решении дел в любых обстоятельствах беспристрастным и в одинаковой мере справедливым ко всем подсудимым или спорящим сторонам, независимо, к примеру, от того, бедный или богатый человек предстает перед ним. «Я от вас не скрою, — учил Захар Аникеевич студентов, — слыхал я об этом от некоторых милостивых и богообязли-

¹ Горюшкин З. А. Описание судебных действий или легчайший способ к получению в краткое время надлежащих познаний к исполнению должностей в судебных местах... М., 1807. С. 34.

² Там же. С. 60.

³ Там же.

вых Судей вот что: естьли тяжбу имеют равного состояния люди, то, конечно, должно в их деле строго наблюдать правосудие; а когда бедный с богатым, то какой-нибудь участок от избытков богатого отдать бедному, кажется, что тут за грех? А еще милость: богатому это ничего, а бедный, поправя свое состояние, будет иметь кусок насущного хлеба. Но я всегда был противных тому мыслей. Кто столько сострадателен к бедному, так дай ему из своего кармана; а над чужими кто меня сделал управителем? Но грехто очень явно видим. Закон Божественный говорит: “Не сотвори неправды в суде, да не приемеши лица нашего, ниже почудити-шися лицу могущаго: по правде да судиши ближнему твоему”¹.

В 1787 году юридический факультет лишился профессора С. Е. Десницкого: он почувствовал, что здоровье не позволяет ему вести преподавательскую деятельность на должном уровне, и подал в отставку. 15 июня 1789 года Семен Ефимович скончался. С его смертью на юридическом факультете не осталось ни одного профессора первого состава.

Преподавание наук, которые прежде читались на юридическом факультете профессором Десницким, взял на себя ординарный профессор Иоганн Пургольд. Каталоги лекций в Московском университете с 1787/1788 по 1789/1790 учебный год показывают, что он читал в указанное время студентам-юристам Институции Юстиниана в сравнении с российскими законами, историю римского и российского права, всеобщую юридическую энциклопедию. С 1788/1789 учебного года на юридическом факультете преподавал ректор университетской гимназии *Иоганн Матиас Шаден* (1731–1797): он читал лекции по праву естественному, общено-родному праву, а также по курсам политики и государственного управления.

Подбор преподавателей для юридического факультета свидетельствует, что в преподавании юридических наук стремились в то время совместить три основных направления: философско-теоретическое, догматическое и практическое. *Первое* воплощалось в широком преподавании студентам юридического факульте-

¹ Горюшкин З. А. Описание судебных действий или легчайший способ к получению в краткое время надлежащих познаний к отправлению должностей в судебных местах... М., 1807. С. 64.

та философско-правовых дисциплин — естественного и общено-родного права. Второе направление представляла наука римского права, базировавшаяся на текстах Институций и Дигест Юстиниана, а также руководствах по ним немецкого правоведа Иоганна Готлиба Гейнекия (*Johannes Gottlieb Heineccius* или *Heinecke*, 1681–1741) «Основы цивильного права, изложенные по порядку Институций»¹, «Основы цивильного права, изложенные по порядку Пандектов»² и «Древности римской юриспруденции»³. Третье направление в преподавании на юридическом факультете выражал собой русский законоискусник З. А. Горюшкин.

С сентября 1790 года Захар Аникеевич стал вести класс российского практического законоискусства и в университете Благородном Пансионе⁴. В изданном в указанном году «Кратком начертание учебных классов и вообще всего порядка, наблюдаемого при содержании Вольного Благородного Пансиона, учрежденного при Императорском Московском Университете» говорилось: «Главная цель заведения сего Пансиона состоит в том, дабы доставить лучшее, легчайшее и основательнейшее пред про-

¹ См.: *Heineccius J.-H. Elementa juris civilis, secundum ordinem Institutionum, commodity auditoribus methodo adornata*. Т. 1–2. Venetiis, 1771, 1794 или Lausanne, 1787 или Goettingae, 1796 и др. издания.

² См.: *Heineccius J.-H. Elementa juris civilis secundum ordinem Pandectarum, commodity auditoribus methodo adornata*. Т. 1–2. Neapoli, 1764.

³ См.: *Heineccius J.-H. Antiquatum Romanorum jurisprudentiam illustrantium syntagma secundum ordinem Institutionem Justiniani digestum in quo multa juris romani atque auctorum veterum loca explicantur, atque illustrantur*. Т. 1–2. Halle, 1718 или Argentorati, 1734 или Venetiis, 1771.

⁴ Относительно года учреждения Благородного пансиона единства нет как в исторических работах, так и в документах: называют 1776, и 1779 гг. «Постановление Благородного Пансиона, при Императорском Московском университете учрежденного», изданное в 1806 г., гласило: «Императорский Московский Университет, движимый патриотическим желанием доставить почтенному Дворянству всевозможные способы приличного сему званию воспитания, в 1779 году основал Благородный Пансион, и заведение сие существует 27 лет с немалою общественною пользою». В «Объявлении же о Благородном Пансионе, учрежденном при Императорском Московском университете», изданном в 1812 г., говорилось: «Императорский Московский Университет, движимый патриотическим желанием доставить почтенному Дворянству всевозможные способы приличного сему званию Воспитания, в 1776 году основал Благородный пансион, и Заведение сие существует 35 лет с немалою общественною пользою».

чими частными пансионами воспитание благородному юношеству». Среди имен преподавателей упоминалась в этом документе и фамилия Горюшкина. В пункте 4 раздела «Порядок учения и кто чему именно в пансионе сем учит» было напечатано следующее: «Практическому зеконоискусству. Захар Горюшкин, коллежский асессор, по понедельникам и четвергам от 6 до 8 по по-пудни, предложа, во-первых, общее понятие о российских правах и законах, о начале и происхождении оных, с разделением на разные роды и виды, о присутственных местах, о должностях судей и всех чинов со всеми переменами, происходившими до нынешних времен, будет показывать по том обряд, каковой должно употреблять при сочинении всяких писем и прошений, касающихся до судебных дел, и порядок, по которому взносить их должно в судебные места и отправлять производство самых дел; а дабы всему тому научить практически, то составя для того судебные места и наполня их всеми нужными к тому членами из самых учащихся по образу начертанному в Высочайших учреждениях о управлении губерний Всероссийской Империи и прочих законах, заставит учащихся самым делом отправлять судопроизводство по задаваемым от него разного содержания делам».

Будучи юристом-практиком, Захар Аникеевич придавал большое значение и теоретическим знаниям о праве. На это указывает, в частности, название и содержание лекции, прочитанной им 5 сентября 1790 года, в день открытия класса российского практического зеконоискусства, в Благородном Пансионе при Императорском Московском университете: «Краткое рассуждение о нужде всеобщего знания российского зеконоискусства и о том, что несравненно тягостнее приобретать сию науку навыком при отправлении дел в судебных местах, нежели по правилам, избранным из законов»¹.

В этой лекции Горюшкин говорил: «Сколь важна сия наука, столь и многотрудны к достижению ее средства, дабы научиться оной обыкновенным приказным порядком, меня уверяет в том беспрерывное в течение почти тридцати лет самым делом упраж-

¹ См.: Горюшкин З. А. Краткое рассуждение о нужде всеобщего знания российского зеконоискусства... // Горюшкин З. А. Руководство к познанию российского зеконоискусства. Т. 1. М., 1811. С. VI—X.

нение в судебных местах, начиная от первых канцелярских степеней приобретать мои сведения и прилежнейшее старание о собрании, сколько можно, о сем правил, обыкновением введенных и в законах предписанных. Таковой опыт дает мне смелость предположить, что для получения основательных сведений не доставало мне знания, приобретенного мною одним навыком при отправлении самым делом разных канцелярских должностей; ибо их там иным образом и получить не можно, потому что на вопрос о том, почему так делается, они обыкновенно отвечают только то, что и прежде все другие так же делали, а сомневающегося далее разрешают показыванием самых таковых деяний, о которых вопрос настоит. Но известно, что побуждаемый стремительным любопытством искать в чем-либо основательных причин, таким ответом мало будет доволен. Более мне недостаток сей открылся, когда я, входя в порядочное рассуждение судебных деяний, усматривал во многих из них такие выражения, которые затмевают точное понятие содержащихся в них материй; а снося их с равными или подобными деяниями, отправляемыми в других местах, находил во многом несходство. Но, желая и при сем случае разрешения моего недоумения, в ответ получал от предпочитаемых многими в приказном звании и то, что там заведен такой порядок, или другое подобное сему; а потом они решительно заключали обыкновенным их правилом, подтвержденным многими опытами, что сея самые ради причины знающий порядок в одном судебном месте, переведен будучи в другое, непременно должен будет снова учиться порядку, в оном употребляемому... Из сего не ясно ли видеть можно, сколь надежнее приобретать навык российского практического законоискусства при всех недостатках, свойственных новости таковой науки, по правилам, избранным из законов, нежели при производстве дел в судебных местах¹.

Результатом трудов З. А. Горюшкина в области теоретического правоведения явилось объемное, составлявшее в целом более 2000 страниц, сочинение «Руководство к познанию российского законоискусства». Оно было издано в 4-х переплетах (так Горюшкин назвал тома. — *B. T.*) в 1811–1816 годах.

¹ Горюшкин З. А. Краткое рассуждение о нужде всеобщего знания российского законоискусства... // Горюшкин З. А. Руководство к познанию российского законоискусства. Т. 1. М., 1811. С. VI–X.

После смерти И. М. Шадена в конце августа 1797 года на юридическом факультете осталось всего два преподавателя: З. А. Горюшкин и Ф. Г. Баузе. В этих условиях руководство Московского университета не нашло иного способа решения проблемы недостатка преподавателей, как пригласить для преподавания юридических наук доктора философии и медицины профессора физиологии, патологии и общей терапии на медицинском факультете Михаила Ивановича Скиадана (40-е гг. XVIII в. — 1802)¹. Он стал читать курсы естественного и общенародного права по руководству С. Пуфendorфа.

На рубеже XVIII и XIX столетий юридический факультет Московского университета переживал нелегкие времена. Недостаток квалифицированных преподавателей не позволял вести на должном уровне обучение всем отраслям юриспруденции. Однако присутствие в преподавательском корпусе З. А. Горюшкина во многом спасало положение. Главное предназначение факультета заключалось в подготовке служащих государственного аппарата, обладавших знанием действующего в России законодательства и умением вести судебные дела. Лекции Горюшкина вполне позволяли студентам приобрести такие знания и умения.

Характеризуя значение юридического факультета Московского университета в становлении русской научной юриспруденции, Ф. Л. Морошкин писал: «Юриспруденция является в числе наук и, подкрепляемая изящной словесностию, математикой, философией и историей, с успехом вытесняет ухищренные приемы старой подъяческой юриспруденции. В деловых бумагах появилась правильность изложения, натуральное и мерной движение мыслей, чистота и благородство выражения: ибо **на службе государственной прошедшего века сияют питомцы Московского университета**. Вот блестательные плоды, коими открыл свое юридическое поприще Московский университет» (выделено мною. — В. Т.)².

¹ М. И. Скиадан родился в Кефалонии и скорее всего был греком по происхождению. Степень доктора философии и медицины он получил в Лейденском университете в 1771 г. В Московском университете преподавал с 1776 г.

² Морошкин Ф. Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. 3. Февраль. № 8. С. 219—220.

§ 3. Академический университет во второй половине XVIII века

Существовавший же в Санкт-Петербурге Академический университет во второй половине XVIII столетия постепенно угасал. Предписание «Регламента Академии наук и художеств» 1747 года об учреждении на основе Академического университета учебного заведения, подобного европейским университетам, не было выполнено. Объясняя причину этого, президент Императорской Академии наук и художеств граф К. Г. Разумовский указывал на то, что учащие и учащиеся Академического университета «поныне не находятся еще в таком состоянии, по которому бы можно было сделать совершенный университетский регламент». В данном учебном заведении читались отдельные лекции и даже лекционные курсы, однако системы обучения студентов по определенной программе так и не сложилось. Формированию такой системы препятствовало малое количество учащихся в Академическом университете, исчислявшееся в некоторые годы даже не десятками, но буквально единицами. А бывали годы, когда и вообще студентов не было. В то же время в Сухопутном кадетском корпусе, где наряду с военными науками преподавалось множество наук гражданских, учились сотни молодых русских дворян, и это были далеко не все из тех, кто желал поступить в это учебное заведение.

Из-за малого числа студентов преподавание юридических наук в Академическом университете носило в 50–60-е годы XVIII века эпизодический характер. Профессор Ф. Г. Штрубе де Пирмон был в 1754 году включен в состав комиссии, учрежденной Сенатом для сочинения нового уложения. В октябре 1756 года ему поручили издание газеты Академии наук, которая должна была выходить на французском языке. Убедившись, что его роль в подготовке газеты сводится к функции переводчика, Штрубе де Пирмон 7 июня 1757 года заявил об отказе от данного поручения. В ответ на это академическая Конференция приняла 12 сентября того же года решение о его увольнении из Академии наук. После этого Штрубе де Пирмон поступил на службу в Коллегию иностранных дел, где работал до 1775 года.

Оказавшись вне Академии наук, Ф. Г. Штрубе де Пирмон продолжал издавать труды по юриспруденции, но это были большей частью публикации ранее написанных, но не напечатанных по каким-то причинам работ или же переиздания прежде вышедших в свет произведений. Так, в 1767 году он выпустил книгу «*Introduction à la jurisprudence naturelle*» с посвящением великолепному князю Павлу Петровичу. В том же году историограф Герхард Миллер (Мюллер) обратился к Штрубе де Пирмону с просьбой предоставить ему рукописные юридические произведения. Их просила якобы для себя императрица Екатерина II. Штрубе де Пирмон послал Миллеру две своих работы: сначала — о законах великого князя Ярослава Мудрого («*Les loix de Jaroslaf*») и спустя некоторое время — введение к современным законам Российской империи («*Introduction aux loix modernes de l'empire de Russie*»).

В 1774 году Штрубе де Пирмон напечатал в Петербурге книгу «*Catéchisme de la nature, ou l'on taché de mettre dans un plus grand jour le fondemens de la jurisprudence naturelle, de la politique privée*». Это было переиздание сочинения Ф. Г. Штрубе де Пирмона «Исследование о происхождении и основах естественного права», опубликованного в 1732 году.

Покинув в 1775 году государственную службу, ученый не оставил своих занятий наукой. Научный интерес Штрубе де Пирмона сосредоточился в последние годы жизни на проблеме происхождения руссов, которая привлекла его внимание еще в 1749 году, во время споров по поводу речи Герхарда Миллера «О происхождении имени и народа российского». Немецкий историограф, работавший в России, пытался доказать скандинавское происхождение варягов-руси и в их числе Рюрика. Против такого воззрения решительно выступил тогда М. В. Ломоносов, доказывавший, что Рюрик и другие варяги, звавшиеся русью, были славянами. Штрубе де Пирмон поддержал точку зрения русского ученого. В предисловии к своей книге «Рассуждение о древних Руссах», опубликованной в 1785 году на французском языке¹, а в 1791 году в переводе на русский язык², он писал о том, что Мил-

¹ Dissertation sur les anciens Russes par F. H. S. D. P. SPb., 1785.

² Рассуждение о древних россиянах, сочиненное Ф. Г. Д. П. СПб., 1791.

лер «предлагает о начале россиян понятия, совсем несходные с краткими и ясными показаниями наших летописцев и с известиями чужестранных историков, которые, зная сей древний народ, первые об оном писали».

Любопытно, что за разъяснением некоторых вопросов, возникших у него при работе над темой происхождения руссов, Штрубе де Пирмон обращался ни к кому иному, как к Герхарду Миллеру. В одном из писем, посланных историографу Миллеру в 1779 году, он следующим образом описывал свое душевное состояние: «Хотя я на исходе семьдесят пятого года моего возраста, однако почти во все продолжение моей жизни не помню, чтобы был когда-нибудь нездоров так, чтобы слечь в постель и чтобы это заслуживало названия болезни. Уже четыре года, как я, не находя более удовольствия в должности при департаменте Коллегии иностранных дел, испросил себе разрешение уехать в мое имение, состоящее из пяти деревенек в окрестностях Петербурга, и пожалованное мне графом Паниным, и с тех пор живя в уединении, могу поистине сказать: «Deus nobis, haec otia fecit¹»².

Умер Ф. Г. Штрубе де Пирмон около 1790 года. Из всех профессоров-правоведов, работавших в XVIII веке в Академии наук, он был, пожалуй, наиболее способным к работе в сфере научной юриспруденции. И можно только пожалеть о том, что самый плодотворный для научной деятельности период своей жизни — с 1754 по 1775 год — ему пришлось отдать практике государственной службы.

Место Ф. Г. Штрубе де Пирмона в Академии наук и соответственно в Академическом университете занял Георг-Фридрих Федорович (*Georg Friedrich Fedorowitz*, год рожд. неизв. — умер 01.08.1790), состоявший до 1760 года обер-аудитором в Адмиралтействе и одновременно преподавателем в духовном училище Феофана Прокоповича. Он был приглашен в Академию наук М. В. Ломоносовым по рекомендации академика Христиана

¹ Досл.: «Бог знает, здесь досуг оплодотворяет» или «свободное время плодотворно», дает плоды. — В. Т.

² Цит. по: *Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. Том 1. С. 688.*

Голдбаха. Представляя Г.-Ф. Федоровича академическому собранию, Михаил Васильевич говорил, что он «кроме того, что юриспруденции в университетах обучался, был через много лет в статской службе при медицинской канцелярии и в Адмиралтействе и сверх других изрядно научился Российскому языку и прав»¹. В каталоге лекций в Академическом университете на 1761 год Г.-Ф. Федоровичу было поручено выяснение «истории о правах и первых их основаниях». В 1762 году он должен был, согласно каталогу лекций, читать «окончание истории европейского универсального права», в 1766 году — публичные лекции по сочинению Э. Оттона «Первые основания к познанию политического состояния Европейских государств». По всей видимости, лекции профессора Федоровича не пользовались успехом у тех немногих студентов, которые их посещали. А. Я. Поленов, слушавший некоторые лекции профессора Федоровича, отзывался о них отрицательно. По свидетельству М. В. Ломоносова, он просился однажды «за море для науки, объявляя, что у Федоровича ничего понять не может»².

Среди документов, опубликованных академиком Билярским в сборнике «Материалы для биографии Ломоносова», есть выписка из Журнала академической Конференции, в которой описывается ссора Федоровича с Герхардом Миллером. Согласно этой выписке 2 декабря 1762 года в академическом собрании разбиралась предложенная конференц-секретарем Миллером задача об определении долготы города Москвы, когда пришел университетский профессор Федорович с просьбой дать ему «посмотреть протокол о прежнем экзамене, ибо имеет он подозрение, что написано там нечто ко вреду чести ево или студентов»³. Но Миллер отказался выполнить эту просьбу, заявив, что ничего такого в протоколе нет. Федорович в ответ разразился руганью в его адрес. Кончилась эта ссора тем, что Миллер взял Федоровича за руку и,

¹ Цит. по: *Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсина. М.: Зерцало, 2003. С. 132.*

² Цит. по: Там же.

³ Материалы к биографии Ломоносова. С. 571.

поскольку тот не являлся членом академического собрания, «вывел ево вон и приказал сторожу, чтоб он не пускал ево опять в собрание»¹. Любопытно, что причиной данной ссоры стала сканная накануне Миллером Федоровичу фраза о том, что «слушатели ево мало успели в юриспруденции»².

Формально место профессора Академического университета Г.-Ф. Федорович занимал до 1770 года, хотя фактически обучение юридическим наукам прекратилось здесь еще в 1766 году.

Среди студентов, проходивших обучение юриспруденции в Академическом университете, самым способным за всю его историю являлся, без сомнения, Алексей Яковлевич Поленов (1738 или 1739—1816)³. В это учебное заведение он попал после окончания гимназии при Академии наук. Процесс обучения А. Я. Поленова юриспруденции в Академическом университете заключался в слушании лекций, читавшихся сначала Ф. Г. Штрубе де Пирмоном, а затем Г.-Ф. Федоровичем, и в самостоятельном штудировании юридических сочинений.

В июле 1761 года Юстиц-коллегия привлекла слушателя Академического университета Поленова к работам по переводу старых лифляндских и эстляндских законов на русский язык. Это позволило ему занять в Академии наук (с 31 октября 1761 г.) должность переводчика и впоследствии добиться от ее руководства направления для дальнейшей учебы за границу.

В сентябре 1762 года эта просьба Алексея Поленова была удовлетворена, и он отправился в Страсбург (вместе с И. И. Лепехиным и А. П. Протасовым). Инструкция академической канцелярии предписывала Поленову обучаться в Страсбургском университете «древностям и истории, юриспруденции и натуральному и общенародному праву». Но, увлекшись общегуманитарными или, как тогда говорили, «свободными» науками, он посещал главным образом лекции по филологии, философии, церковной и светской истории Германии. Лишь с весны 1764 года Поленов

¹ Материалы к биографии Ломоносова. С. 572.

² Там же. С. 571.

³ См. биографический очерк о нем в издании: Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII—XX веков: очерки жизни и творчества. Том 1. С. 164—172.

начал серьезно заниматься юриспруденцией — посещать лекции профессоров-правоведов, читать юридические произведения западноевропейских ученых.

23 июня 1766 года Алексей Поленов получил из Санкт-Петербурга письмо своего товарища Протасова, в котором сообщалось о недовольстве руководства Академии наук тем, что он, отправленный в Страсбургский университет для изучения юриспруденции, отдал предпочтение исторической науке. Академическое профессорское собрание «усмотрело, — писал Поленову Протасов, — что вы много времени употребили на слушание таких лекций, которые к будущей вашей профессии служить очень мало могут; почему оное и приказало вам при сем объявить, чтобы вы, оставя *Genealogicas Germaniae* и *Specialicas historiae ecclesiasticae et profanae Germaniae lections*, время все употребили к слушанию тех коллегий, которые точно надлежат до юриспруденции»¹.

В ответ на это мнение Алексей Поленов направил 7 августа 1766 года в Петербургскую Академию наук свой «Покорнейший рапорт». «Мне дано также знать, — заявлял он, — что профессорское собрание, не имея ни малой, по справедливости сказать, к тому причины и основания, оказалось свое неудовольствие в рассуждении долговременного мною слушания исторических коллегий, представляя будто оные очень мало могут служить к будущей моей профессии... меня сие приводит в великое удивление, что господа профессоры так мало почитают свободные науки, особенно знатнейшую их часть, т. е. исторические знания, служащие главнейшим основанием к моей должности. Не утврдясь прежде в сем знании, приниматься за юриспруденцию столько же безрас-судно, как, не насадив железа, рубить дрова одним топорищем. Пусть только приведут себе на память пример, служащий здесь доказательством, славных в неблагополучные для наук времена юриспрудентов, которые, не имея понятия об истории и древностях, в такое впали заблуждение, что без сожаления о сих великих впрочем людях и подумать не можно. Кто не знает, что в преж-

¹ Цит. по: Поленов Д. В. А. Я. Поленов — русский законовед XVIII века // Русский архив. 1865. № 5-6. Стлб. 709.

ние времена Алциат¹, Куяций², Готоман³, Бриссоний⁴, Риттерсгут⁵ и многие другие великие мужи, возобновляя юриспруденцию, с знанием законов соединяли твердое познание свободных наук и тем самым, открыв и другим свободный путь, заслужили себе бессмертную славу?»⁶

Приведенные слова в рапорте А. Я. Поленова были восприняты иностранными учеными, составлявшими профессорское со-

¹ Андреа Алциати (*Andrea Alciati*, 1492–1550) — итальянский правовед, профессор права в университетах Авиньона, Бурже, Милана, Павии, Болоньи и Феррара. Занятия юриспруденцией он сочетал с изучением истории, филологии, этики. Юридические произведения его составили шесть томов (изданы в Падуе в 1571 г.), из его сочинений по другим гуманитарным наукам самыми известными были «*Historia Mediolanensis*», «*Formula romani imperii*», «*Emblemata*».

² Яков Куяций (*Jacobus Cujas* или *Jacques de Cujas*, 1522–1590) — французский правовед школы гуманистов, профессор права в университетах Тулузы, Валенса, Бурже, Турна, Гренобля, Парижа, автор многочисленных произведений, посвященных Кодексу и Дигестам Юстиниана, таких, как, например: «*Paratitla in libros quinquaginta digestorum seu pandectarum*». Item in libros Novem Codicis Imperatoris Iustiniani», «*Novellarum constitutionum imp. Iustiniani expositio*», «*Paratitla in libros IX codicis iustinianii repetitae paelectionis*», «*Observationvm et emendationvm libri XXVIII. Quibus multa in iure corrupta & non intellecta restituuntur*. Eiusdem De origine iuris ad Pomponium commentarius» и др.

³ Франциск Готоманус (*Franciscus Hotmanus* или *François Hotman*, 1524–1590) — французский правовед, сторонник и друг Жана Кальвина, преподавал римское право в Парижском университете, затем историю и литературу в академии Лозанны, в 1555 г. являлся профессором цивильного права в Страсбургском университете. Автор таких сочинений, как «*Commentarius de verbis iuris, antiquitatum Ro[manarum] elementis amplificatus*», «*Legum Romanorum index*», «*Partitiones iuris civilis elementariae*» и др.

⁴ Варнава Бриссоний (*Barnabas Brissonius*, 1531–1591) — французский правовед, генеральный адвокат (в 1575 г.) и президент (в 1583 г.) Парижского парламента. Составитель сборника королевских ордонансов, сохранявших свою силу в период правления короля Генриха III («*Code Henry III*»), автор таких сочинений, как «*Lexicon iuris; sive, De verborum quae ad ius pertinent significatione libri XIX*», «*De formulis et solennibus populi Romani verbis libri 8, ex recensione Francisci Caroli Conradi*», «*De veteri ritu nuptiarum & jure connubiorum*», «*Opera minora varii argumenti, nimirum Antiquitatum ex jure civili selectarum*» и др.

⁵ Конрад Риттенсгузиус (*Conradus Rittenshusius*, 1560–1613) — немецкий правовед, профессор права в Страсбургском университете, автор таких произведений, как «*Commentarius novus in quattuor libros Institutionum imperialium divi Justiniani ex manuscriptis et eo praecipue exemplari*», «*Expositio methodica Novellarum imperatoris Justiniani*», «*Differentiarum iuris civilis et canonici seu pontificii libri septem*» и др.

⁶ Цит. по: Поленов Д. В. А. Я. Поленов — русский законовед XVIII века // Русский архив. 1865. № 5-6. Стлб. 710–711.

брание Петербургской Академии наук, как оскорбление. «Кажется, что тогдашние академики не могли допустить мысли, чтобы молодой студент, хотя и имевший чин переводчика, но все-таки ученик, да притом еще и русский, осмелился так свободно выражать свой образ мыслей, а главное осуждать и знание профессоров, и их распоряжение»¹.

В результате академическое профессорское собрание признало нежелательным пребывание строптивого русского студента в Страсбургском университете и приказали ему переехать для занятий юриспруденцией в Геттинген. 30 октября 1766 года Алексей Поленов покинул Страсбург. В Геттингенском университете он слушал лекции до мая 1767 года, после чего отправился в Россию. 1 июня он прибыл в Санкт-Петербург.

По словам историка Е. Ф. Шмурло, автора статьи об А. Я. Поленове в «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова, пребывание за границей выработало в нем «не только хорошего юриста, но и человека с широким образованием. Школа и серьезное направление ума удержали его от одного лишь внешне-го заимствования западно-европейской культуры; господствую-щие идеи века не прошли для него бесследно и ярко оказались во взглядах на нормы общественного права; с особенною силою усвоил П[оленов] уважение к личности и к принципу свободы».

Обратившись по приезде в Санкт-Петербург в Академию наук за новым назначением, А. Я. Поленов узнал, что для правоведа здесь нет должности. В письме к Г. В. Козицкому он написал об этой странной ситуации: «Вы удивитесь, что господин Штелин² не устыдился в канцелярии при мне молодому Уйлеру сказать, что я совсем не годен при Академии, по причине, что у нас нет никаких тяжеб; так как будто юриспруденция состояла в одной тяжбе...»³ В связи с этим Алексей Поленов, прошедший

¹ Поленов Д. В. А. Я. Поленов — русский законовед XVIII века // Русский архив. 1865. № 5-6. Стлб. 713.

² Якоб Штелин (1712–1785) — член Петербургской Академии наук с 1738 г., с 1741 г. управляющий учрежденным при Академии художественным департаментом (с 1747 г. Академией изящных искусств).

³ Цит. по: Поленов Д. В. А. Я. Поленов — русский законовед XVIII века // Русский архив. 1865. № 5-6. Стлб. 729.

курс обучения юриспруденции и другим гуманитарным наукам в Страсбургском и Геттингенском университетах, был вынужден занять в Академии наук прежнюю свою должность переводчика.

В августе 1767 года он начал переводить на русский язык сочинение Шарля Монтескье «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка». В 1769 году этот перевод был напечатан. Затем Алексей Поленов перевел (совместно с переводчиками Б. А. Волковым и В. И. Костыговым) вторую часть произведения Самуэля Пуфendorфа «Введение в историю знатнейших иностранных государств» (напечатана в 1777 г.), первую часть записок С.-Г. Гмелина «Путешествие по России» (совместно с В. П. Световым). Вместе с издателем С. С. Башиловым он подготовил к печати вторую часть «Русской летописи по Никонову списку» (издана в 1768 г.). В намерение А. Я. Поленова входило также издание «Судебника Ивана Грозного», но руководство Академии наук не поддержало этого проекта.

В 1766 году Вольное Экономическое общество объявило конкурс на лучшее сочинение по теме «Что полезнее для общества: чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?»¹ Сроком представления сочинений было назначено 1 ноября 1767 года. А. Я. Поленов принял участие в этом конкурсе, представив работу «О крепостном состоянии крестьян в России».

Отвечая на заданный Вольным Экономическим обществом вопрос, он писал, что «каждый крестьянин должен иметь доволь-

¹ Фактическим инициатором данного конкурса была императрица Екатерина II. В конце 1765 г. она обратилась (как частное лицо) в Вольное Экономическое общество с вопросом, что полезнее для земледелия, когда земля находится в единичном или в общем родовом владении. Ответа на этот вопрос дано не было. В 1766 г. государыня (опять-таки как частная персона) задала обществу новый вопрос: «В чем состоит собственность землевладельца, в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости, и какое он право на то или другое для пользы общепародной иметь может?» На сей раз к письму императрицы было приложено 1000 червонцев в награду за наиболее удачное решение вопроса и на оплату издания сочинения, в котором оно будет изложено. Вольное Экономическое общество немедленно опубликовало эти два вопроса и предложило в качестве награды за лучшее их решение 100 червонцев и медаль стоимостью в 25 червонцев.

но земли для сеяния хлеба и паства скота и владеть оною наследственным образом так, чтобы помещик ни малой не имел власти угнетать каким-нибудь образом или совсем оную отнимать, т. е. пока крестьянин исправно будет наблюдать все свои должности; ибо иначе можно его в наказание лишить сих выгод как недостойного и снабдить оными другого. Однако прежде нежели помещик может сие сделать, то дело должно быть рассмотрено в приличном суде»¹.

Для обеспечения личных и имущественных прав крестьян Поленов предлагал учредить особые, «крестьянские», суды. «Весьма легко может случиться, — отмечал он, — что господа от презрения к своим крестьянам и в надежде на преимущества своего состояния будут, утесняя их, причинять всякие обиды, чего ради неотменно должно их привести в безопасность чрез установленное на твердом основании правосудие, при помощи которого могли бы они себя защищать против всяких неправедных нападений и насилиств»². По его мнению, «крестьянские суды» должны находиться в руках «таких людей, которых бы искусство и знание российских законов не было подвержено никакому сомнению»³. Вместе с тем он считал необходимым снабдить эти суды «хорошими инструкциями, дабы богатый бедному, сильный немощному предпочтены не были, но каждый по заслугам своим получил бы достойное воздаяние»⁴.

Для случаев, когда решение, вынесенное «крестьянским судом», оказывается неправовым или вызывает недовольство какой-либо стороны судебного спора, Поленов предлагал предусмотреть возможность подачи апелляции в вышестоящую судебную инстанцию — в земской суд «из окольничих дворян», которые должны были, по его мысли, «для большей исправности и порядка» выносить решения по совету «знающих права людей»,

¹ Поленов А. Я. О крепостном состоянии крестьян в России // Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия / Составитель Б. В. Емельянов. Екатеринбург, 1990. С. 121.

² Там же. С. 125.

³ Там же. С. 126.

⁴ Там же. С. 126 (примечание).

«дабы никаких нарушений закона не происходило, но все бы отправлялось по предписанию правосудия»¹.

Крепостничество («рабство») А. Я. Поленов объявлял в своей работе «О крепостном состоянии крестьян в России» противоречащим естественному праву и возникшим исключительно из «насильствия». При этом он не призывал к немедленной ликвидации данного явления, но предлагал существенно ограничить произвол помещиков по отношению к своим крестьянам.

Вольное Экономическое общество высоко оценило конкурсное сочинение Поленова, назвав его в числе пяти работ, заслуживающих второй премии². Допускная возможность напечатания трактата «О крепостном состоянии крестьян в России», члены конкурсной комиссии сошлись во мнении, что для этого необходимо предварительно изъять из его текста слишком критические по отношению к существующим крепостническим порядкам фразы. 22 октября 1768 года Алексею Поленову была вручена в награду медаль Вольного Экономического общества стоимостью в 12 червонцев. Первая публикация указанного сочинения была осуществлена лишь в 1865 году (в третьем номере журнала «Русский архив»), то есть после отмены в России крепостного права. Полный же его текст вышел в свет в 1960 году.

В апреле 1771 года А. Я. Поленов был назначен на должность секретаря Первого департамента Правительствующего Сената. Это означало, что юриспруденция в стенах Академии наук окончательно умерла: правоведы ей больше не требовались.

Печальная судьба, постигшая Академический университет, была вполне закономерной. За все время существования данное учебное заведение так и не получило сколько-нибудь определенного статуса. Во многом именно по этой причине молодые люди не шли сюда на учебу. В начале 1755 года в записке «Всенижай-

¹ Поленов А. Я. О крепостном состоянии крестьян в России... С. 126 (примечание).

² Всего на конкурс было представлено 162 сочинения. Первая премия была присуждена сочинению члена Дижонской Академии Беарде де Лабею (*Bearde de l'Abaye*), представленному под девизом «пользу свободы вопиют все права, но есть мера всему». Главный вывод автора гласил: «Должно приготовить рабов к принятию вольности прежде, нежели будет им дана какая собственность».

шее мнение о исправлении СПб. Академии наук» М. В. Ломоносов следующими словами характеризовал состояние Академического университета: «Студенты числятся по университетам в других государствах не токмо стами, но и тысячами из разных городов и земель. Напротив, здесь почти никого не бывает, ибо здешний университет не токмо действия, но и имени не имеет¹. По мнению ученого университет в Санкт-Петербурге мог бы иметь много учащихся, если бы ему «учинено было торжественное учреждение, и на оном программою всему свету объявлены вольности и привилегии: в рассуждении профессоров, какую имеют честь, преимущество и власть, какие нужные науки преподавать и в какие градусы производить имеют; в рассуждении студентов, какие имеют увольнения, по каким должны поступать законам»².

В марте 1758 года президент Академии наук граф К. Г. Разумовский поручил коллежскому советнику Ломоносову «иметь особливое прилежное старание и смотрение, дабы в Академическом, Историческом и Географическом Собраниях, тако ж в университете и в гимназии все происходило порядочно, и каждой бы должность свою в силу регламента и данных особливых инструкций отправлял со всяким усердием, употребляя труды свои к настоящей пользе Академии»³. Одновременно с этим Михаилу Васильевичу было предложено разработать план преобразования Академии наук и находившихся при ней университета с гимназией. 10 января Ломоносов представил академическому собранию «Проект привилегий Академии» наук. В речи, предварявшей чтение этого документа, он говорил об академическом университете: «Вы знаете, почтеннейшие коллеги, что в преподанном Академии уставе постановлено учредить в ней Университет по образцу тех, которые процветают у прочих европейских народов. Тем не менее это дело, до сих пор не осуществленное, слишком долго задерживается на своей начальной стадии. Разбирать причины этого было бы занятием столь же неприятным, сколь и дол-

¹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том 10. М.-Л., 1959. С. 20.

² Там же. С. 21.

³ Материалы к биографии Ломоносова. Собраны экстраординарным академиком Билярским. СПб., 1865. С. 368.

гим. Поэтому я объявляю вам волю его превосходительства президента, который возложил на меня обязанность предложить вам то, что я, по его приказанию, написал по вопросу о правильном устройении Петербургского университета, для того чтобы вы вынесли решение, сообразно с вашим авторитетом и ученостью¹. В качестве первой меры по исправлению состояния университета Ломоносов предлагал устроить церемонию его торжественного открытия — *inauguratio*. «Скажите, пожалуйста, — заявлял он, обращаясь к академикам, — кто подумает о существовании Университета там, где не было никакого разделения на факультеты, никакого назначения профессоров по отдельным факультетам, никаких выборов проректоров, никаких расписаний, никаких публичных упражнений, никаких присуждений степеней, почти никаких привилегий, даже почти никаких лекций (ведь те, которые, едва начавшись, были прерваны, скомканые и неполные, едва ли, за исключением немногих, заслуживают названия лекций), где не было, наконец, никакой инавгурации, которая, как я полагаю, воодушевляет университеты на успех, ибо без нее остаются неизвестными привилегии, которыми обычно привлекается учащаяся молодежь, скрыты названия наук, которыми ее можно напитать, и неясно, каких степеней и званий она может домогаться»².

Приведенная характеристика состояния академического университета была в более развернутом виде дана в статье М. В. Ломоносова «О необходимости преобразования Академии наук», написанной в начале 1760 года или незадолго до этой даты. Здесь говорилось, в частности: «В Университете, хотя по стату не доставало только одного Профессора математики и физики, однако, не было в нем ни подобия университетского по примеру других государств. Не было факультетов; ни ректора, по обычаю выборного повсягодно. Не было студентов, ни лекций, ниже лекциям каталогов, ни диспуты, ниже формальные промоции в лицензиаты и в докторы; да и быть не могут; затем что Санктпетербург-

¹ Материалы к биографии Ломоносова. С. 407. Текст этой речи Ломоносова был составлен на латинском языке.

² Там же.

ской университет и имени в Европе не имеет, которое обыкновенно торжественною инавгурациею во всем свете публикуется. И словом главного дела не было, университетского регламента»¹. Показав в статье бедственное положение существовавших при Академии наук учебных заведений, Ломоносов предложил план внутреннего переустройства как Академии, так и университета. В составе последнего он планировал создать три факультета: юридический, медицинский и философский. По его замыслу, на юридическом факультете преподавание должны были вести три профессора: 1) общих прав, 2) российских прав, 3) истории и политики.

Данный план был принят Президентом Академии наук. 14 февраля 1760 года граф К. Г. Разумовский подписал бумагу, в которой объявлялось: «В учреждении Санктпетербургского Университета по примеру других в Европе процветающих, как в Академическом регламенте в 38 пункте изображено, надлежит наблюдать все, что к поощрению учащих и учащихся для порядочного течения сего важного дела и что к славе г[осу]д[а]ства служит... И понеже по прилежном и обстоятельном рассмотрении всех узаконений и обрядов, употребляемых по Европейским университетам, надлежит принять к наблюдению и в С. Петербургском университете нижеследующие пункты; того ради по указу Ее И[мператорского] В-а Канцелярия А[кадемии] Н[аук] приказали: 1) Быть в оном университете трем факультетам: юридическому, медицинскому и философскому (не упоминая о богословском, который, как духовное дело, надлежит до Святейшего Синода); в оных трех факультетах быть определенному числу профессоров; в юридическом: 1) профессору прав общих, 2) прав российских, 3) истории и политики»². Недостаток профессоров в университете предписывалось при этом восполнять за счет иностранных специалистов. На должность профессора общих прав в юридическом факультете предписывалось «выписать из-за моря ученого юриста, который особливую способность имеет к чтению лекций», на место профессора российских прав предполагалось

¹ Материалы к биографии Ломоносова. С. 440–441.

² Там же. С. 426.

«принять по контракту бывшего при адмиралтейской коллегии аудитора Федоровича, который в оной чин просит челобитьем, а от профессоров свидетельствован и удостоен и от адмиралтейской коллегии уволен»¹.

За месяц до принятия данного плана переустройства академического университета Ломоносов был назначен Президентом Академии наук фактическим управляющим академических учебных заведений. Согласно указу, изданному по этому случаю и объявленному в академическом собрании 21 января 1760 года, «советнику Ломоносову поручены были в единственное смотрение университет и гимназия»². Одновременно на него возлагалась обязанность подготовить проект нового регламента Академии наук.

В начале сентября 1764 года Ломоносов представил Президенту Академии наук документ под названием «Новое примерное расположение и учреждение Санктпетербургской Императорской Академии наук, на высочайшее рассмотрение и апрбацию сочиненное». Это был проект нового регламента Академии. В нем предполагалось, что Санкт-Петербургская Академия наук будет, как и прежде состоять из академического профессорского собрания, из университета и гимназии. Правление Академии вверялось, согласно проекту, президенту, вице-президенту, действующим совместно с академическим профессорским собранием. Канцелярия, фактически управлявшая прежде Академией, при этом упразднялась.

Члены Академии наук делились в соответствии с рассматриваемым проектом на классы: математический, физический, исторический. В составе Академии предусматривался Географический департамент, а также химики, ботаники, анатомики, юриспруденты. Каждому из перечисленных специалистов проект регламента предписывал определенные обязанности. Так, юриспрудент должен был, согласно § 34 составленного Ломоносовым проекта регламента Академии наук, «собирать все, что надлежит до Российских новых и древних прав и для их объяснения и при-

¹ Материалы к биографии Ломоносова. С. 427.

² См.: Там же. С. 423.

водить в систематическое расположение, для пользы при сочинении прав Российских»¹. Но более всего от юриста, как человека вполне знающего философию, проект регламента требовал всякие юридические термины изобретать и «составлять точные дефиниции полные без излишеств: ибо употребление слов неограниченных и сомнительных и двузначательных производит в суде великие беспорядки и отдаляет от правды к заблуждению и к ябедам». Ломоносов выражал при этом мнение, что «Оные дефиниции, надлежащие к одной материи, могут от юриспрудента, как новые изобретения, в форме диссертации собранию быть представлены на рассуждение и по апробации оного в комментариях напечатаны, с оговоркою, что они не ради того изданы, дабы по ним суды производились; но ради лутчаго рассуждения в уставлении и поправлении впредь законов»². Таким образом, Академия наук должна была, по замыслу Ломоносова, стать, помимо прочего, оплотом теоретической юриспруденции в России.

Смерть выдающегося русского ученого, последовавшая 4 апреля 1765 года, помешала исполнению его планов преобразования Академии наук и переустройства Академического университета. Более того, с уходом Ломоносова из жизни данный университет вообще прекратил свое существование. Д. А. Толстой, исследовавший архивные документы, отражавшие деятельность Академического университета, писал в своей книге, посвященной ему, о том, что после 25 ноября 1765 года в протоколах заседаний Конференции Академии наук не имеется «никаких распоряжений об университете, ни распределения профессорских лекций для студентов»³. Это могло означать только одно: деятельность Академического университета во второй половине 60-х годов XVIII века, по существу, прекратилась. Сохранилось, правда, объявление о лекциях в данном учебном заведении на 1766 год, но нет никаких сведений о том, что эти лекции на самом деле читались.

¹ Материалы к биографии Ломоносова. С. 660.

² Там же. 660–661.

³ Толстой Д. А. Академический университет в XVIII столетии: По рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885. С. 61.

В академических документах 80-х годов указанного столетия встречается упоминание об «академическом училище»¹ — учебном заведении, где слились воедино университет и гимназия. В 1801 году академики обратились с письмом к императору Александру I, в котором сообщили о плачевном состоянии данного учебного заведения. «Училище при академии, по регламенту оной положенное и состоять долженствующее из гимназии, в 20-ти учениках, и университета, в 30-ти студентах, — говорилось в письме, — ныне столь расстроено, что совсем не походит на то место, в котором основание просвещения своего получили толь славные мужи, каковы суть: Ломоносов, Барсов, Поповский — первые столпы процветающего ныне Московского университета, и многие другие, честь россиянам приносящие. Ибо училище сие, в нынешнем его состоянии, если не хуже, что в Англии называют школами подаяния (school of charity), то равняется оным, но и то может быть в содержании, а не в учебных пособиях»². Из этого факта делался вывод о том, что и отпускаемые на содержание академического училища государственные средства тратятся напрасно. В результате принятый в 1803 году новый регламент Академии наук не предусматривал существования в ее составе такого учебного заведения.

§ 4. Обучение юриспруденции в Сухопутном кадетском корпусе, в Пажеском корпусе и в духовных училищах

Помимо Императорского Московского университета и Академического университета юриспруденция преподавалась во второй половине XVIII века также в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Это название стало носить с 1766 года учебное заведение, учрежденное в 1731 году под названием «Корпуса кадетов шляхетских» и переименованное в 1743 году в «Сухопутный кадетский корпус». Разработанный И. И. Бецким и утвержденный в

¹ Протоколы заседаний Конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. В четырех томах / Под ред. К. С. Веселовского. Том 3. СПб., 1900. С. 186.

² Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 2. СПб., 1875. С. 362.

1766 году императрицей Екатериной II новый устав данного учебного заведения предусматривал изучение кадетами четырех видов наук: 1) «руководствующих к познанию прочих», 2) «предпочитительно нужных гражданскому званию», 3) «полезных», 4) «художеств». Юридические науки были отнесены уставом ко второму виду, то есть обозначены как «предпочитительно нужные гражданскому званию». В их числе были названы: «нравоучение», «естественное право», «всенародное право», «государственные права» и «экономия государственная»¹. Отсюда очевидно, что Устав Сухопутного шляхетного кадетского корпуса придавал обучению юриспруденции сугубо теоретический характер. Такую направленность системы юридического образования предполагали и напечатанные вместе с уставом «Рассуждения, служащие руководством к новому установлению Шляхетного кадетского корпуса...». «Хотя при всякой армии есть генерал-аудитор, — писал в этом документе И. И. Бецкой, — но когда приходит судить о животе и смерти, то нельзя не признаться, что всякому такому судье надобно знать *Юстиниановы гражданские законы*». Однако в действительности юридическую подготовку кадеты получали не только посредством изучения теоретической юриспруденции, но и на практических занятиях, в ходе которых они под наблюдением профессора юриспруденции разыгрывали судебные процессы. «В корпусе имелось для “воинских и гражданских дел” судейское место под председательством директора, из штаб-офицеров полицмейстера и главного казначея, в котором за аудитора “для лучшего спознания дел в практике” назначался, по очереди, кадет пятого возраста из числа более искусных в правах»².

Изучением одних абстрактных юридических наук — «естественного права» и «народного права» — ограничивалась юридическая подготовка учащихся в учрежденном в 1759 году Пажеском Ее Императорского Величества корпусе. План обучения пажей, составленный в 1765 году академиком Герхардом Миллером, разрешал преподавать эти дисциплины «для лучшего же управ-

¹ Устав императорского шляхетного кадетского корпуса. СПб., 1766. С. 8.

² Пятьдесят лет специальной школы для образования военных законоведов в России. СПб., 1882. С. 27.

ления» на латинском языке¹. Это еще более отрывало юридическую подготовку будущих государственных деятелей от практики. В 1762 – 1766 годах в Пажеском корпусе учился Александр Николаевич Радищев (1749–1802), один из крупнейших русских правоведов XVIII столетия, более известный в качестве беспощадного критика крепостнических порядков (не изучение ли естественного права сделало его революционером?).

Преподавание естественного права составляло основу юридической подготовки и в духовных училищах. Духовный регламент 1721 года устанавливал, что главным учебным пособием должна служить в данном случае «Политика краткая Пуффендорфова, аще она потребна судится быть и может она присовокупитися к диалектике»². Во второй половине XVIII века в некоторых духовных учебных заведениях продолжали читать курс естественного права по С. Пуффендорфу (главным образом, по его книге «О должностях человека и гражданина»). Но чаще его читали по книге последователя учения Христиана Вольфа Фридриха Христиана Баумейстера (*Friedrich Christian Baumeister*, 1709–1785) «Начала философии, обновленной с помощью использования схоластики»³. В 1777 году Н. Н. Бантыш-Каменский издал эту книгу немецкого правоведа-философа в Москве на латинском языке⁴, дополнив ее работами Феофана Прокоповича, посвященными законам мышления. В 1760 году учебник Х. Ф. Баумейстера «Логика» был издан в Москве в переводе на русский язык⁵. Спустя пять лет – в 1765-м – в Санкт-Петербурге был напечатан на русском языке трактат Х. Вольфа «Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды». Его перевод был сделан еще в 1753 году.

¹ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Том 1. СПб., 1889. С. 543.

² Духовный регламент // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 565–566.

³ *Baumeister Fr. Ch. Elementa philosophiae recentioris usibus iuventutis scholasticae. Lipsiae, 1755.*

⁴ *Baumeisteri M. Fr. Chr. Elementa philosophiae recentioris usibus iuventutis scholasticae. Edidit Nicolaus Bantisch-Kamenski. Mosq., 1777.*

⁵ *Баумейстер Х. Логика. М., 1760.*

Таким образом, господство в юридическом образовании Российской империи во второй половине XVIII столетия чуждых русской правовой культуре доктрины естественного права усугублялось еще и тем, что преподавались они по учебникам западноевропейских философов-правоведов. Такой характер юридического образования создавал серьезные препятствия на пути развития в России национальной научной юриспруденции — юридической науки, способной эффективно служить интересам совершенствования отечественного законодательства.

§ 5. Идеи князя М. М. Щербатова о юридическом образовании

Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790) больше известен как историк и политический мыслитель¹, но его с полным основанием можно считать и правоведом, причем довольно значительным. Среди его трудов было немало произведений, посвященных юриспруденции. Для нас особую ценность представляют его мысли о юридическом образовании.

М. М. Щербатов родился в 1733 году в княжеской семье, ведущей свою родословную от внука великого князя Владимира Святослава Черниговского. В семнадцатилетнем возрасте он поступил на службу в лейб-гвардии Семеновский полк. После издания в 1762 году «Манифеста о вольности дворянской» вышел в отставку. Поселившись в своем имении в селе Михайловском Ярославской губернии, Михаил Щербатов предался чтению книг и занятиям историей. В 1767 году он был избран депутатом от ярославского дворянства в Комиссию, учрежденную Екатериной II для составления проекта нового уложения. В 1778 году его определили на должность президента камор-коллегии — учреждения, созданного Петром I для расположения и ведения «доходов денежных всего государства». В 1779 году князь Щербатов стал сенатором.

¹ См. краткую биографию М. М. Щербатова и анализ его политico-правовых взглядов в книге: Томинов В. А. История русской политической и правовой мысли. М., 2003. С. 238–247.

В 1768 году Екатерина II, узнав об интересе Щербатова к русской истории, дала ему поручение разобрать бумаги Петра Великого, а затем открыла для него доступ в другие государственные архивы и библиотеки. В течение последующих пяти лет Щербатов издает серию источников по русской истории: «Царственную книгу» (СПб., 1769), «Журнал или поденную записку Петра I» (СПб., 1770), «Летопись о многих мятежах» (СПб., 1771), «Царственный летописец» (СПб., 1772) и др. С 1770 г. он начал публиковать главный свой исторический труд — «Историю Российской». Последняя, пятнадцатая, книга данного труда — третья часть седьмого тома — выйдет в свет в 1791 г.

Помимо «Истории Российской» князь Щербатов написал множество различных трактатов, статей и заметок, в которых подверг критическому анализу экономическое, политическое и нравственное состояние русского общества и государственную деятельность российских самодержцев послепетровской эпохи, в том числе и политику императрицы Екатерины II. В течение многих десятилетий эта часть творческого наследия Щербатова оставалась неизвестной русскому обществу, но сын, а затем внучки Михаила Михайловича бережно хранили его рукописи в селе Михайловском. Только в 60-х годах XIX в. началась широкая публикация творческого наследия князя Щербатова в России¹. В 1896 году вышли в свет два тома его политических, историко-политических и философских произведений. Это издание было дополнено публикацией в 1935 году тома «Неизданных сочинений» М. М. Щербатова.

Активно работая в Комиссии, учрежденной Екатериной II для составления проекта нового уложения, М. М. Щербатов внимательно прочитал «Наказ», данный императрицей этой Комиссии², и свои мысли по поводу этого документа изложил в 1773 го-

¹ Произведения князя М. М. Щербатова публиковались также за границей. Так, в 1858 г. в Лондоне в «Вольной русской типографии», созданной А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, вышла в свет его книга «О повреждении нравов в России».

² См. издание этого документа на русском, французском, латинском, немецком и английском языках: *Императрица Екатерина II. Наказ, данный Комиссии о составлении нового Уложения / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсина*. М.: Зерцало, 2007.

ду в специальной записке¹. Им был дан анализ изданному в 1775 году законодательному акту под названием «Учреждения для управления губерний»². М. М. Щербатов стал автором довольно обширного трактата «Размышления о законодательстве вообще»³, трактата «Размышления о смертной казни»⁴. В трактате «Разные рассуждения о правлении» он отвел несколько параграфов рассуждениям на правовые темы («О правах народов под сими разными правлениями», «О законах», «О наказаниях»)⁵.

Юридическому образованию было посвящено его сочинение «О способах преподавания разные науки». М. М. Щербатов писал в нем, что приступать к познанию юриспруденции необходимо после того, как усвоены правила логики и приобретены достаточные знания в области исторической науки. По его словам, тот, кто понял «из науки логики право располагать свои мысли и делать справедливые заключения, а от науки истории разные обычаи и узаконения разных народов», уже имеет «основательные начертания в мыслях своих, чем единое общество другому обязано, и чем каждый особливо гражданин обязан обществу и ближнему, и напротив того, чем самое общество каждому приватному обязано»⁶.

Изучение же собственно юриспруденции М. М. Щербатов предлагал начинать с познания естественных прав, которыми каждый человек обладает в силу того, что он — человек. После того, как будет уяснено положение человека в обществе, необходимо, по мнению Щербатова, «рассмотреть разные правитель-

¹ Замечания М. М. Щербатова на составленный Екатериной II «Наказ» Комиссии о сочинении проекта нового уложения были опубликованы впервые только в 1935 г. См.: Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М., 1935. С. 16–63.

² См.: Щербатов М. М. Замечания на «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» // Неизданные сочинения. С. 90–99.

³ См.: Сочинения князя М. М. Щербатова. Том первый. Политические сочинения / Под редакцией И. П. Хрущова. СПб., 1896. Стлб. 355–426.

⁴ Там же. Стлб. 427–456.

⁵ Там же. Стлб. 346–354.

⁶ Сочинения князя М. М. Щербатова. Том второй. Статьи историко-политические и философские / Под редакцией И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. СПб., 1898. Стлб. 587–588.

ства, прилагая к тому исторические примеры, которые и в каких обстоятельствах возвысили государства и ощастливили народы; какие перемены они претерпели, и какие неудобности и беспорядки от сего произошли; ибо да не льстят себе найти совершенное правительство, потому что все они уставлены умами человеческими, а все, что человек содеывает, имеет некоторые знаки несовершенства¹.

Следующую ступень юридического образования М. М. Щербатов связывал с изучением римского права. Но учить это право он призывал не в полном объеме, но лишь в части, необходимой для того, чтобы усвоить права и обязанности гражданина по отношению к обществу и к другим гражданам, узнать права, защищающие собственность, а также понятия преступления и наказания. В качестве основного пособия для изучения римского права Щербатов называл Институции Юстиниана («*Les institutes de l'empereur Justinien*»). Кроме того, он рекомендовал изучающим юриспруденцию произведение Пьера-Франсуа Мюяра де Вульяна (*Pierre-François Muyart de Vouglans*, 1713–1791)² «Уголовные законы Франции в их естественном состоянии»³, трактат Жана Дома (*Jean Domat*, 1625–1696) «Гражданские законы в их естественном состоянии (*Les loix civiles dans leur ordre naturel*)»⁴, сочинение Шарля Луи Монтескье (*Charles Louis Montesquieu*, 1689–1755) «О духе законов (*De l'esprit de lois*)»⁵, книгу Чезаре Беккариа (*Cesare Beccaria*, 1738–1794) «О преступлениях и наказаниях (*Dei delitti e delle pene*)»⁶ и «Наказ императрицы Екатерины II, дан-

¹ Сочинения князя М. М. Щербатова. Том второй. СПб., 1898. Стлб. 589.

² М. М. Щербатов написал фамилию этого правоведа как M. Mayart de Vanglars — вероятно, по памяти, поэтому допустил ошибки.

³ Первое издание данной книги вышло в свет в 1780 г. См.: *Muyart de Vouglans P.-Fr. Les lois criminelles de France dans leur ordre naturel*. Paris, 1780. Адвокат Парижского парламента П.-Ф. Мюяр де Вульян выступал в этом произведении против либеральных тенденций в уголовном праве, которые были ярче всего выражены в книге итальянского правоведа Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях».

⁴ Первым изданием эта книга была напечатана в 1689 г. В течение XVIII в. вышло в свет десять ее изданий.

⁵ Первое издание этого сочинения вышло в 1748 г.

⁶ Данная книга была впервые опубликована в 1764 г.

ный Комиссии о сочинении проекта нового уложения». При этом Щербатов в полной мере сознавал не только достоинства каждого из рекомендованных им произведений для изучения юриспруденции, но и недостатки их. Так, о сочинении Шарля Монтескье он писал: «Великие мысли и обширный разум господина Монтескье учили, что по многим несправедливым охулениям сей книги она толь великий верх взяла, что писание сие яко оракул политики и закономудрства стали почитать. Гонение сему труду от бесноверов было несправедливо, а и почтение последующее излишне. Ибо многими уже учеными людьми примечено, что господин Монтескье вел ее несистематическим образом, что упоминовении о писателях часто несправедливы, и заключении часто противны естеству и течению вещей»¹. О книге Чезаре Беккариа Щербатов отзывался следующим образом: «Господин Бекарий, исполнен человеколюбия, вперил весь разум свой потщиться оное в законы ввести; намерение его похвально, но исполнение часто невозможено бывает»².

Знания, приобретенные на этой ступени юридического образования, М. М. Щербатов считал предпосылкой к усвоению отечественного права. «Окончив, таким образом, то, что я называю общими правами, — писал он, — необходимо нужно стараться получить познание о законах отечества своего»³. Для этого он советовал в первую очередь изучить Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года с принятыми после него указами, обращая внимание на время и обстоятельства издания законов и их отмены. Затем следовало, по его мнению, перейти к чтению законов об учреждении правительственные органов: Генерального регламента 1720 года, указов о должностях Сената 1718 и 1722 годов, должности Генерал-прокурора 1722 года, Духовного регламента 1721 года, Морского устава 1720 года, Учреждений для управления губерний 1775 года и др.

По плану юридического образования, начертанному М. М. Щербатовым, завершать его необходимо было изучением обряда судо-

¹ Сочинения князя М. М. Щербатова. Том второй. СПб., 1898. Стлб. 591.

² Там же.

³ Там же.

производства. Щербатов полагал, что не только юрист, но и каждый вообще гражданин должен «уметь по разным делам написать прошение, знать, как оное должно быть принято, как по оному выписка сочиняется, и каким порядком самим челобитчиком и ответчиком выписка опробуется; в судных же делах, какдается билет и собираются поруки, как говорится суд, как выносятся справки, и, наконец, как выписка сочиняется и до решения доходится. В делах уголовных — как производится следствие, на каких обрядах, как приемлются свидетели и проч.»¹. Приобрести перечисленные умения и знания можно было, по мнению Щербатова, разбирая какие-нибудь «примерные дела», посредством написания челобитных, сочинением различных выписок из документов.

Таким образом, М. М. Щербатов в своем плане обучения юриспруденции соединял изучение права, действовавшего в России, то есть положительного и конкретного права, с правом естественным, абстрактным, оторванным от реальности. Восемнадцатое столетие было эпохой господства в европейском политико-правовом сознании естественно-правовой доктрины, и русские мыслители не могли избежать ее влияния. Но при этом они вполне понимали ограниченность этой доктрины. Любопытно, что при формулировании правил законотворчества Щербатов совершенно ее игнорировал. Он считал, что творцы законов должны опираться не на абстрактные теории, но исключительно на практику, на знание истории своей страны, особенностей ее правовой культуры. «Дабы сочинять благие законы, — отмечал он, — надлежит, чтобы тот, кто восхочет предписывать законы, не токмо бы знающ был в древних узаконениях страны, но так же бы в истории, дабы не весьма сопротивляться древним, и возмог бы предвидеть (чрез взятые примеры из истории), какие могут следствия произойти. Надлежит, чтобы он знал главные установления своей страны, дабы в некоторых пунктах их не опровергнуть; имел бы знание сердца человеческого, дабы проникнуть внутрь и искоренить пороки в самом их начале; надлежит ему знать властыческую склонность своей нации, дабы предписать жесто-

¹ Сочинения князя М. М. Щербатова. Том второй. СПб., 1898. Стлб. 595.

чайшие наказания за преступления, к которым она более склонности имеет; надлежит, чтобы он некоторым образом последовал предупрежденным мыслям народа в его обычаях, которые их древностию силу законов получили, и которые часто не могут быть пременены, не приключя более вреда, нежель какая польза может от того произойтить; наконец, надлежит, чтобы законодавец не высокомысленный человек был, который без дальнего рассмотрения осмеливается предписывать законы; дабы он был довольно мудр, дабы возмог сносить учиненные ему споры, и возмог бы поправиться; довольно милосерд, дабы отпустить малые вины и довольно тверд, дабы предписать строгие наказания за великие преступления»¹.

§ 6. Попытки систематизации российского законодательства во второй половине XVIII века и их значение для развития отечественной юриспруденции. «Наказ, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения»

Возникновение в России во второй половине XVIII века университетского юридического образования, устроенного по западноевропейскому образцу, и первых природно русских ученых-правоведов были весьма знаменательными фактами в истории русской научной юриспруденции, но на самом ее состоянии эти события никак не отразились. Юридический факультет Императорского Московского университета являлся единственным учебным заведением такого рода в России. А русских ученых-правоведов было очень мало, чтобы они могли оказать сколько-нибудь заметное воздействие и на характер отечественного юридического образования, и на юридическую практику. Методы старой приказной юриспруденции продолжали господствовать в рассматриваемый период и в той сфере, где применение принципов, выработанных научной юриспруденцией, было

¹ Шербатов М. М. Разные рассуждения о правлении // Сочинения князя М. М. Шербатова. Том второй. СПб., 1898. Стлб. 347–348.

особенно необходимо, а именно: при составлении нового уложения.

В 50-е и в первой половине 60-х годов XVIII века продолжала работать комиссия из нескольких сенаторов, созданная императрицей Елизаветой Петровной 12 декабря 1742 года для пересмотра указов и составления реестра тем из них, которые должны быть «отставлены» (т. е. отменены. — *B. T.*), как «с состоянием сего настоящего времени несходные и пользе государственной противные»¹. О том, как протекала деятельность этой — шестой по счету — законодательной комиссии, хорошо видно из речи П. И. Шувалова, произнесенной 11 марта 1754 года на заседании Сената в присутствии государыни при обсуждении вопроса об ускорении рассмотрения дел в судах. «Для совершенного пресечения продолжительности судов, — говорил граф, обращаясь к Елизавете Петровне, — нет другого способа, кроме указанного вашим императорским величеством, когда вы изволили подтвердить указы родителей своих и их преемников, а которые с настоящим временем не сходны, то повелели разобрать Сенату. Хотя мы разбором этих указов и занимаемся, но нельзя надеяться, чтоб мы удовлетворили желанию вашего императорского величества, если будем следовать принятому порядку, ибо никто из нас не посмеет сказать, чтоб он всякого департамента дела знал в такой же тонкости, как знают их служащие в тех местах, которые в совершенстве знают излишки и недостатки в указах, затрудняющие их при решении дел. И потому каждое место должно разбирать указы, относящиеся к подведомственным ему делам, и пока этого не будет, нельзя ожидать окончания Уложения, над которым велел работать Петр Великий, для которого при императрице Анне было собрано дворянство, но распущено, ибо не принесло никакой пользы. Ваше величество с начала своего государствования, тому уже 12 лет, как изволили приказать нам заняться этим делом; но, по несчастью нашему, мы не сподобились исполнить желание вашего величества; у нас нет законов, которые бы всем без излишку и недостатков ясны и понятны

¹ 1-ПСЗРИ. Том 11. № 8480.

были, и верноподданные рабы ваши не могут пользоваться этим благополучием»¹.

В ответ на речь графа П. И. Шувалова императрица Елизавета Петровна заявила сначала, что необходимо немедленно приняться за сочинение ясных законов, затем стала рассуждать о том, что нравы и обычай с течением времени изменяются, отчего и нужна перемена в законах и в конце концов заметила, что нет в мире человека, который бы в подробностях знал все указы, касающиеся всех департаментов, и потому мог бы убрать из законов лишнее и добавить в них недостающее, разве если бы кто имел ангельские способности.

24 августа 1754 года Правительствующий Сенат, во исполнение повеления Ее Императорского Величества «о сочинении ясных и понятных законов по обстоятельству нынешних времен, в применении обычаев и нравов, по которым необходимо и перемена законов быть должна» приказал: «Для лучшего и скорейшего рассмотрения Уложения и указов, по которым бы все сомнительства пресечены, недостатки дополнены, а излишки исключены были, учредить при Сенате Комиссию, которая и учреждена; а в оной заседать Генерал-Майору и Генерал-Рекетмейстеру Дивову, Юстиц-Коллегии Вице-Президенту Статскому Действительному Советнику Эмме, Статским Советникам и Главным Судьям Сыскного Приказа Безобразову, Судного Приказа Юшкову, Правительствующего Сената Обер-Секретарю Глебову, в должности Советника Коллежскому Асессору Ляпунову, де-Сианс-Академии Профессору Штрубе, Главного Магистрата Бургомистру Вихляеву, оным иметь рассуждение о подлежащих делах до Юстиц и Вотчинной Коллегии до Судного и Сыскного Приказов и до порядочного произведения суда Магистрата; а каким образом они об оных материях имеют сочинять расположение, и в каком разделении частей и глав, о том сочинен в оной Комиссии план, который и Правительствующим Сенатом апробован»².

¹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. XII. С. 198–199.

² Сенатский указ от 24 августа 1754 года «О сочинении по судебным местам проектов Уложения, по плану прилагаемому и о представлении таковых же проектов из

Данный план предполагал в составе нового уложения четыре части: *первая часть* содержала в себе нормы, касающиеся суда и до судебных мест. *Вторая* излагала права, персонально принадлежавшие подданным разных состояний. *Третья часть* включала в себя «все то, что до движимого и недвижимого имения и до разделения оного принадлежит, и по каким крепостям и случаям оные кому и каким образом крепкие быть должны». *Четвертая часть* показывала, «каким порядком и в каких случаях разыск и пытки производить, и какие за разные преступления казни; наказания и штрафы положены»¹.

До начала апреля 1755 года «общая комиссия» составила проекты первых двух частей нового уложения. С 11 апреля и до 24 июля 1755 года они обсуждались на заседаниях Сената, 25 июля их представили на одобрение Елизавете Петровне, но государыня решила, что работа над этими частями должна быть продолжена.

В последующие годы члены комиссии вели работу над проектами третьей и четвертой частей нового уложения, но делали настолько медленно, что императрица решила преобразовать комиссию. 29 сентября 1760 года она определила в состав комиссии сенаторов графа Р. Л. Воронцова и князя М. И. Шаховского, дав им управление всей деятельностью комиссии и поручив завершить составление третьей и четвертой частей уложения. При этом государыня повелела возвратиться после окончания данной работы к первой и второй частям с тем, чтобы, поправив их, по-дать для конfirmации Ее Величеством вместе с остальными двумя частями.

М. М. Сперанский в своем историческом обзоре попыток систематизации российского законодательства назвал преобразованную таким образом комиссию новой — *седьмой* по счету².

1 марта 1761 года данная комиссия обратилась в Сенат с доношением, в котором попросила созвать для участия в составле-

Коллегий с их мнениями и планами на рассмотрение Сената» // 1-ПСЗРИ. Том 14. № 10283. С. 201. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны. С. 147–148.

¹ План к сочинению нового Уложения // 1-ПСЗРИ. Том 14. № 10283. С. 204. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны. С. 152.

² См.: Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 25.

нии нового уложения представителей от дворян, офицеров, духовенства, горожан и купечества. «Таким образом, — отмечал В. Н. Латкин, — комиссия высказалась за необходимость созыва всесословного земского собора»¹.

Сенат откликнулся на это предложение только через семь месяцев. 29 сентября 1761 года был издан сенатский указ, который предписал к слушанию нового уложения «из городов из всякой провинции (кроме новозавоеванных, а также Сибирской, Астраханской и Киевской губерний)² выслать штаб и обер-офицеров, происшедших из дворян и знатного дворянства, не выключая из того и вечно отставных от всех дел, токмо к тому делу достойных, по два человека из каждой провинции, за выбором всего тех городов шляхетства»³. Купцам также дозволялось выбрать депутатов, но только по одному от каждой провинции. Кроме того, предполагалось избрание депутатов и от духовенства.

Порядок выборов устанавливался следующим: губернатор или воевода должен был послать каждому дворянину именные списки дворян его уезда, сообщив при этом, что дворянам надлежит самим, «произвольно назнача время и место», съехаться для выбора своих представителей в Комиссию по составлению нового уложения. Депутатов от купечества должны были избирать купцы городов и сообщать о выбранных магистратам. Определение порядка выборов представителей от духовенства отдавалось на усмотрение Синода. Губернаторам было запрещено вмешиваться в ход выборов. За нарушение этого правила они подлежали наказанию в виде штрафа.

Сроком прибытия всех депутатов в Санкт-Петербург для участия в законодательной комиссии назначено было 1 января 1762 года. Помня о неудачных попытках собрать выборных от словесной, предпринимавшихся в прошлом, сенаторы постарались убедить общество в необходимости участия его представителей в

¹ Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. С. 95.

² Выборы от названных провинций и губерний были назначены сенатским указом от 8 декабря 1761 г.

³ Цит. по: Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. С. 98–99.

сочинении уложения. «А как сочинение Уложения, — говорилось в Указе от 29 сентября 1761 года, — для управления всего государства весьма нужно, следственно всего общества и труд в советах быть к тому потребен, и потому всякого сына отечества долг есть советом и делом в том помогать и к окончанию с ревностным усердием споспешствовать стараться; в сходство сего Правительствующий Сенат уповаает, что всякий, какого бы кто чина и достоинства ни был, егда не токмо за способно к тому был признанным избран, отрекаться не будет, но толь больше желательно, пренебрегая все затруднения и убытки, охотно себя употребить потщится, чая, во-первых, незабвенную в будущие роды о себе оставить память, да сверх того, за излишние труды и награждения получить может»¹.

Опасения сенаторов оказались не напрасными. Прибытие в Санкт-Петербург депутатов, выбранных для участия в Комиссии по составлению нового уложения, растянулось на полгода. Срок его переносился дважды: в конце концов он был назначен на 1 ноября 1762 года. И все равно представлены оказались в комиссии далеко не все губернии.

Заседания комиссии с участием депутатов начались тем не менее, как и было намечено с самого начала, то есть с 4 января 1762 года. В месяц проходило от одного до трех заседаний. Из журнала заседания комиссии, состоявшегося 14 июня 1762 года, видно, что к этому времени ей удалось завершить третью часть уложения (о состояниях подданных вообще) и обсудить ее с участием некоторого числа депутатов с мест.

Основные работы по составлению проекта нового уложения вели постоянные члены комиссии. Депутаты же от губерний и провинций призваны были для обсуждения уже готовых проектов. Между тем подготовка проекта нового уложения в целом растянулась на более длительный срок, нежели это предполагалось. В связи с этим императрица Екатерина II сочла необходимым распустить депутатов на срок до окончания работ по сочинению нового уложения. Именной указ от 13 января 1763 года гласил: «Собранных в комиссию новосочиняемого Уложения от дворян-

¹ Цит. по: Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. С. 98.

ства и купечества депутатов, что еще оное к совершенству не приведено, пока оное совсем окончится, и о собрании их указ дан будет, ныне распустить по-прежнему, кто откуда были присланы»¹. В. Н. Латкин, комментируя этот Указ, заметил, что «депутаты окончательно распускались по домам»². На самом деле из текста Указа следует, что депутаты распускались лишь на время, пока составление уложения не будет окончено. При завершении этого труда предполагалось дать указ об их новом «собрании».

Роспуск депутатов по домам не означал распуска комиссии сочинения нового уложения. Часто встречающееся в историко-правовой литературе мнение о том, что императрица Екатерина II распустила законодательную комиссию, созданную государыней Елизаветой Петровной, в 1763 году, явно ошибочно³. Деятельность этой комиссии в лице ее постоянных членов продолжалась вплоть до 1767 года: в 1762 году она собиралась на заседания девятнадцать раз, в 1763 году — четырежды, в 1764 году было двенадцать ее заседаний, в 1765-м — тринадцать, в 1766 году — шестнадцать. Но проект нового уложения в целом так и не был создан. Комиссия составила в процессе своей работы несколько редакций или вариантов проекта каждой из трех его частей, но не смогла завершить (хотя бы в одном варианте) проект четвертой части уложения. Формально она продолжала существовать вплоть до созыва в 1767 году депутатов новой — *восьмой* — законодательной комиссии, получившей наименование «Комиссии для сочинения проекта нового Уложения».

Восьмая законодательная комиссия была учреждена Именным указом Екатерины II, данным Сенату, от 14 декабря 1766 года. Сопровождавший этот акт Манифест о присылке в Москву депутатов Ее Величества лично объявила в Сенате спустя пять дней после его подписания. Этот факт, а также содержание самого Манифеста свидетельствуют о том, что государыня придавала

¹ 1-ПСЗРИ. Том 16. № 11732. С. 136.

² Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. С. 134.

³ Такое мнение высказывает, например, С. М. Казанцев. По его словам, «мысль о созыве новой Комиссии не могла прийти в голову Екатерине ранее 1763 года, когда она распустила подобную Комиссию, созданную еще Елизаветой» (Законодательство Екатерины II. Том 1. М., 2000. С. 134).

Комиссии для сочинения проекта нового уложения особое значение. «Сия Комиссия, — отмечал М. М. Сперанский, — по важности своей отличалась от всех предыдущих не только обширностью ее состава, но и тем еще наиболее, что в основание ее положен *Наказ императрицы Екатерины II о сочинении Уложения*»¹.

Согласно Положению «Откуда депутатов прислать в силу Манифеста к сочинению проекта нового Уложения», в комиссию должны были войти представители: 1) от государственных учреждений: Сената, Синода, коллегий, канцелярий; 2) от дворянства; 3) от горожан; 4) «от пахотных солдат и равных служб служилых людей и прочих»; 5) «от государственных черносошных и ясачных крестьян»; 6) «от некочующих разных в области нашей живущих народов»; 7) «от казацких войск»².

Порядок выборов определялся «Обрядами о выборе депутатов в Комиссию сочинения проекта нового Уложения». Порядок же работы данной комиссии устанавливал специальный документ под названием «Обряд управления»³.

В составе комиссии выделялось «большое собрание», в которое входили все депутаты⁴, и «частные комиссии», которых было девятнадцать. Пятнадцать из них занимались составлением проектов по тому или иному разряду законов. Остальные имели вспомогательные функции (например, «дирекционная комиссия» создавалась для поддержания порядка в работе комиссии, «экспериментальная комиссия» должна была исправлять во всех проектах слог и т. д.). «Большое собрание» не было предназначено для разработки проектов законов, в его функцию входило их рассмотрение и общая оценка.

Торжественное открытие Комиссии сочинения проекта нового уложения состоялось 30 июля 1767 года в Москве. Первые семь заседаний депутаты решали организационные вопросы: избира-

¹ Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. С. 27–28.

² Законодательство Екатерины II. Том 1. С. 155–156.

³ Там же. С. 175–188.

⁴ Корпус депутатов, участвовавших в деятельности описываемой Комиссии, насчитывал 564 человека. На открытии Комиссии 30 июля 1767 г. присутствовало 460 депутатов.

ли предводителя комиссии или маршала, а также членов вспомогательных «частных комиссий». Несколько последующих заседаний было посвящено чтению депутатских наказов. Затем депутаты приступили к обсуждению законодательных актов. Сначала остановились на законах о правах дворянства, потом стали рассматривать законы о купечестве и торговле. С февраля 1768 года (комиссия перебралась к этому времени в Санкт-Петербург) начали обсуждать законы о судопроизводстве, после них — законы о крестьянах. Осенью 1768 года в комиссии обсуждались вотчинные законы.

Каждый депутат имел в своем распоряжении составленный императрицей Екатериной II документ под названием «Наказ, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения». Сама государыня описывала его появление следующим образом: «В первые три года царствования моего, усматривая из прошений, мне подаваемых, из сенатских и разных коллегий дел, из сенаторских рассуждений и прочих многих людей разговоров не единобразные, ни об единой вещи установленные правила, законы же по временам сделанные, соответствующие сему умов расположению, многим казались законами противуречащими; и требовали и желали, дабы законодательство было приведено в лучший порядок. Из сего, у себя на уме и вывела заключение, что образ мыслей вообще, да и самой гражданской закон не может получить поправления иначе, как установлением полезных для всех в империи живущих и для всех вещей вообще правил, мною писанных и утвержденных. И для того я начала читать и потом писать Наказ Комиссии Уложению, и читала я и писала два года, не говоря ни слова полтора года, последуя единственно уму и сердцу своему, с ревностнейшим желанием пользы, чести и щастия, [и с желанием] довести империю до вышней степени благополучия всякого рода, людей и вещей, вообще всех и каждого особенно»¹.

Работу над текстом «Наказа» Екатерина II начала в январе 1765 года. 30 июля 1767 года он был опубликован. Его содержание состояло из 526 статей, распределенных по 20-ти главам. В первые

¹ Записки императрицы Екатерины Второй. Перевод с подлинника, изданного Императорской Академией наук. СПб., 1907. С. 544.

месяцы 1768 года к ним были добавлены 21-я и 22-я главы. Материал для своего произведения российская императрица брала в сочинениях французских философов Ш. Монтескье и Ф. Кене, итальянского мыслителя Ч. Беккариа, немецких мыслителей баронов Бильфельда и И. Х. Готтлоба фон Юсти, русского правоведа С. Е. Десницкого.

Наиболее масштабное заимствование было сделано из трактата Монтескье «О духе законов» — 294 статьи «Наказа» составлены на материале данного труда. Екатерина II сама признавалась (в письме к философу Д'Аламберу) в том, что при написании своего трактата «обобрала» Монтескье на пользу своей империи.

«Наказ» Екатерины II Комиссии о сочинении проекта ново-го уложения был в значительной мере идеологическим докумен-том: императрица выражала в нем свои представления о самодержавной власти¹. Вместе с тем он имел одновременно и значение наставления в области юриспруденции. Некоторые статьи «Нака-за», собранные воедино, представляли собой своего рода кодекс прикладной юриспруденции.

Статья 448: «Всякий закон должен написан быть словами вра-зумительными для всех, и при том очень коротко; чего ради без сомнения надлежит, где нужда потребует, прибавить изъяснения или толкования для судящих, чтобы могли легко видеть и понимать как силу, так и употребление закона»².

Статья 452: «Законы не должны быть тонкостями, от остро-умия происходящими наполнены: они сделаны для людей по-средственного разума, равномерным образом как и для остроум-ных; в них содержится не наука, предписывающая правила чело-веческому уму, но простое и правое рассуждение отца о чадах и домашних своих пекущегося»³.

Статья 453: «Надлежит, чтобы в законах видно было везде чи-стосердечие: они даются для наказания пороков и злоухищрений;

¹ См. об этом: Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. М.: Зерцало, 2003. С. 210–215.

² Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта но-вого Уложения / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсина. М.: Зерцало, 2008. С. 89–90.

³ Там же. С. 90.

и так надобно им самим заключать в себе великую добродетель и незлобие»¹.

Статья 454: «Слог законов должен быть краток, прост; выражение прямое всегда лучше можно разуметь, нежели окличное выражение»².

Статья 455: «Когда слог законов надут и высокопарен, то они иначе не почитаются, как только сочинением, изъявляющим высокомерие и гордость»³.

Статья 458: «Законы делаются для всех людей, все люди должны по оным поступать, следовательно, надобно, чтобы все люди оные и разуметь могли»⁴.

Статья 459: «Надлежит убегать выражений витиеватых, гордых или пышных, и не прибавлять в составлении закона ни одного слова лишнего, чтоб легко можно было понять вешь законом установленяемую»⁵.

Статья 460: «Так же надобно беречься, чтобы между законами не были такие, которые не достигают до намеренного конца; которые изобильны словами, а недостаточны смыслом; которые по внутреннему своему содержанию маловажны, а по наружному слогу надменны»⁶.

Кое-что из представленного в «Наказе» кодекса прикладной юриспруденции можно отнести на счет прямого заимствования из книги Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», где говорится о необходимости делать законы ясными и простыми⁷. Но многое в этом кодексе выведено непосредственно из российской практики законотворчества. Давая рецепты написания законов, императрица Екатерина II ссылалась на памятники русского права (Воинский устав Петра I, Уложение Алексея Михайловича

¹ Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. С. 90.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 395.*

ча), указывала на их содержание как на образец, которому надлежит следовать составителям законов.

18 декабря 1768 года маршал Бибиков объявил «большому собранию» комиссии об Именном указе, в котором говорилось, что по случаю нарушения мира депутаты, принадлежащие к военному званию, должны отправиться к занимаемым ими по службе местам. Остальные депутаты, работавшие в составе «большого собрания», распускались до тех пор, пока не будут созваны.

Вся деятельность Комиссии сочинения проекта нового уложения сосредоточилась после этого лишь в «частных комиссиях» и продолжалась в таком виде еще пять лет. В рамках этих небольших комиссий разрабатывались планы различных проектов, тексты проектов по гражданскому праву и о правах семейственных. Указом Екатерины II от 4 декабря 1774 года «частные комиссии» были закрыты: от большого государственного учреждения под названием «Комиссия сочинения проекта нового Уложения» осталась только канцелярия для выдачи справок.

Оценивая деятельность законодательной комиссии 1767 года, М. М. Сперанский отмечал, что ею составлено было шесть проектов. «Из них один только, о родах государственных, то есть о праве состояния лиц в государстве, доведен до некоторого совершенства и впоследствии, по-видимому, был принят в соображение при составлении Дворянской Грамоты и Городового Положения. Все прочие представляют одни слабые, первоначальные начертания, оставленные даже и тогда без уважения»¹.

16 декабря 1796 года император Павел I, весьма озабоченный состоянием законности во вверенной ему империи², издал Указ, которым повелел: собрать все действующие узаконения и составить из них три книги законов: 1) уголовных, 2) гражданских, 3) дел казенных. Учрежденная для выполнения этой задачи комиссия стала именоваться «Комиссией для составления зако-

¹ Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. С. 50–51.

² См. об этом: Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. М.: Зерцало, 2003. С. 221–238.

нов». Она была составлена из четырех человек во главе с генерал-прокурором (на тот момент им являлся князь Алексей Борисович Куракин). Для оценки книг законов, составленных данной комиссией, 31 мая 1797 года была образована коллегия из трех сенаторов. До начала XIX века Павловская законодательная комиссия успела составить 1) семнадцать глав о судопроизводстве; 2) девять глав о делах вотчинных; 3) тридцать глав из законов уголовных¹. Это были только первые шаги по созданию сводного уложения, которым император Павел I намеревался осчастливить Россию.

§ 7. Частные собрания российских узаконений: «Словари юридические» Ф. Ланганса и М. Д. Чулкова, «Памятник из законов», собранный Ф. Д. Правиковым

Предпринимавшиеся в России на протяжении второй половины XVIII века попытки официальной власти упорядочить действующие узаконения оказались, как и в предшествующую эпоху, неудачными. Но потребность в преодолении хаоса в законодательстве была в конце указанного столетия намного острее, чем в его начале. В этих условиях стали все больше появляться систематизированные собрания законов, составленные частными лицами. Эти сборники были призваны одновременно облегчить поиск необходимых правовых актов в хаосе текущего законодательства.

Первым таким сборником стал изданный в 1788 году «Словарь юридический, или Свод российских узаконений по азбучному порядку, для практического употребления Императорского Московского университета в юридическом факультете, сочиненный Ланганом». О популярности этого сборника и о том, насколько он был нужен в России, свидетельствует уже тот факт, что он несколько лет печатался каждый год и не только в Москве: в 1789, 1790 годах его напечатала типография Императорского Московского универси-

¹ См.: Пахман С. В. История кодификации гражданского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсина. М.: Зерцало, 2004. С. 341.

тета, но в 1791 году он был издан в Тобольске (без указания имени его составителя)¹ и в Полоцке (с прибавлением высочайших узаконений на Белоруссию и всю Великороссию). В 1792 году «Словарь юридический» Ф. Ланганса был напечатан в Ревеле в переводе на немецкий язык².

Данный сборник был составлен только для того, чтобы облегчить отыскание необходимых узаконений. Он имел целый ряд недостатков и погрешностей: в нем были пропущены многие важные узаконения, его содержание ограничивалось указанием на законы и не давало хотя бы краткого пояснения их сути. Тем не менее труд Ф. Ланганса был весьма значим как первый опыт составления подобных словарей, без которых трудно обойтись как юристам-практикам, так и ученым-правоведам. Правовед Петр Васильевич Хавский (1783–1876) писал, оценивая его: «Императорский Московский университет есть первый, который сделал сильный переворот в науке законоведения. Он издал книгу под названием Словарь юридический для своего употребления, соделавшийся впоследствии необходимым для каждого судебного или присутственного места»³.

В 1792 году появился «Словарь юридический, или Свод российских узаконений, временных учреждений суда и расправы» Михаила Дмитриевича Чулкова (1743 или 1744–1793)⁴. В посвящении к своему труду автор высоко оценивал его. Он писал, в частности, что создал книгу «какой доныне в России еще не бывало, из которой и все отечество, а особливо отдаленные от столиц обыватели почерпнут великие пользы до издания намеренного ново-

¹ Словарь юридический или свод российских узаконений по азбучному порядку с прибавлением против напечатанного в университете трех годов 788, 789 и 790. Тобольск, 1791.

² Die Russischen Gesetze ihrem Inhalte nach in alphabetischer Ordnung unter Titel gebracht zym Gebrauch der K. jurist. Facultät zu Moscau, Reval, 1792.

³ Хавский П. В. Лекция, читанная при публичном преподавании правил Российского законоведения... в канцелярии 1-го отделения 6 департамента Правительствующего Сената 16 сентября 1818 г. М., 1818. С. 9.

⁴ Словарь юридический или свод российских узаконений, временных учреждений, суда и расправы. Часть первая по азбучному порядку. Часть вторая по старшинству годов, месяцев и чисел от Уложения или с 7157 г. собр. надв. сов. Прав. Сената секретарем Михаилом Чулковым. М., 1792.

го Уложения; но и по издании том не во всем оная отменится, а более и того сохранит навсегда историю Российских законов». В действительности «Словарь юридический» М. Д. Чулкова, как и произведение Ф. Ланганса, не был свободен от серьезных недостатков. По словам К. П. Победоносцева, Чулков «или слишком раздроблял предметы, или соединял в одну статью то, что могло составлять отдельную часть»¹. П. В. Хавский писал, что автор создал нечто «наподобие словаря какого-либо языка... Не предложа границ предметам, наполнил тысячами их, а многими повторениями увеличил»² При этом он отмечал, правда, что данное произведение «нужнейшее»³.

Все содержание своего «Словаря юридического» М. Д. Чулков разделил на две части, составив первую по азбучному порядку, а вторую — по хронологическому. В первой части давались пояснения к 1611 словам. Так, термин «юстиция» определялся в ней как «расправа гражданских дел судных и розыскных». Ему посвящена обширная статья объемом в сорок одну страницу. К. П. Победоносцев оценивал ее качество весьма критически: «Статья большая, но бесполезная, ибо все то, что в ней заключается, размещено в Словаре по существу предмета в своем месте, т. е. все то, что говорится под словом Юстиция о судьях, находится в самой статье: Судьи. То же самое об апелляционных делах и о прочих предметах. Цель Чулкова понятна: он хотел составить статью о судопроизводстве: предположение хорошо, но исполнение не соответствовало цели»⁴.

Вторая часть «Словаря юридического» М. Д. Чулкова содержала хронологический реестр узаконений, изданных с 1649 года.

¹ Победоносцев К. П. Обозрение частных трудов по собранию законов и по составлению указных словарей до издания Полного собрания законов Российской империи // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 5. СПб., 1863. С. 54 (Архив. Критика).

² Хавский П. В. Лекция, читанная при публичном преподавании правил Российской законоведения. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Победоносцев К. П. Обозрение частных трудов по собранию законов и по составлению указных словарей до издания Полного собрания законов Российской империи. С. 59.

По замечанию К. П. Победоносцева, до издания Полного собрания законов он «служил почти ручною книгою для законоведцев, ибо никто из частных лиц не приступал к составлению подобного указателя с 1649 года». Погрешности данной части «Словаря» Чулкова Константин Петрович усматривал преимущественно в повторении указов под другими месяцами и числами.

В 1798 году сенатский секретарь по 5-му Департаменту Правительствующего Сената Федор Денисьевич Правиков (1750–1803) выпустил в свет *«Памятник из законов, руководствующий к познанию приказного обряда»*¹.

В посвящении своего труда обер-прокурору Правительствующего Сената князю Якову Ивановичу Лобанову-Ростовскому Правиков писал: «Имея усердие к пользе моих соотечественников, полагающих намерение вступать в статскую службу, но к делам еще не приобщенных, почел я за нужное собрать некоторые касающиеся до приказного обряда оглавлении, с присоединением к каждому из них в краткости приличных законов в одну книгу под названием Памятник из законов, руководствующих к познанию приказного обряда, чтобы пользуясь они сими малыми моими трудами, могли иметь удобнейший случай достигать и к дальнейшему российской юриспруденции познанию».

По жанру это произведение было настоящим словарем: оно состояло из расположенных в азбучном порядке юридических терминов, которые объяснялись посредством касавшихся их высочайших указов и резолюций.

В предисловии Ф. Д. Правиков рассказал о том, как создавался им данный сборник. «При начале вступления моего в службу в 1766 году в канцелярию Правительствующего Сената, — признавался он, — крайне было для меня непонятно всякое производство дел, а особенно знание законов, которых столь великое множество, что никакого нет случая, который бы не ограничен был ими. Я, прочитывая оные, заметил, что незнанием

¹ Памятник из законов, руководствующий к познанию приказного обряда, собранный по азбучному порядку трудами сенатского секретаря Федора Правикова. Часть 1. Владимир, 1798.

их и отговариваться никому не велено! Сие новым затруднением представилось мне... Я размышлял, в какое течение времени могу выразуметь точность их, и который из них указ или уложенный пункт к какой материи служит или не служит, вообразя притом, что упражняясь непрестанно в переписывании канцелярских дел, недостанет нималого к познанию оного времени. Но сие то самое переписывание и открыло мне путь к сочинению, во-первых, из дел выписок и экстрактов, во-вторых, узнавать, какие потребны к ним и приличны законы, а посему оказалась уже способность отправлять должность повытчика и, наконец, — секретарскую.

Вот, любезные мои соотечественники, каким многотрудным и долговременным путем дойти только можно до познания силы судопроизводства и законов тому, кто не искусясь нимало наукой юриспруденции, отваживается вступать в статскую службу».

Свой «Памятник из законов» Ф. Д. Правиков предназначал всем тем, кто желал приобрести познание в российском законодательстве, а также лицам, вершившим суд. «Судья, не имеющий о законах и судопроизводстве понятия, есть не что иное, как только тело, не имеющее души», — заявлял он в заключительной части предисловия.

В 1799 году вышла вторая часть этого труда под несколько измененным названием: «Памятник из законов, руководствующий к познанию должностей, возложенных на присудственные места и на обретающихся в них»¹, в 1800-м и 1802 году — третья часть, которая называлась «Памятник из законов, руководствующий к познанию их»².

В трех частях «Памятника из законов» приводились узаконения, изданные по 1801 год. В 1804 году Ф. Д. Правиков издал четвертую часть своего труда, в которой излагал изданные прежде за-

¹ Памятник из законов, руководствующий к познанию должностей, возложенных на присудственные места и на обретающихся в них, собранный трудами сенатского секретаря Федора Правикова. Часть 2. Владимир, 1799.

² Памятник из законов, руководствующий к познанию их, собранный трудами надворного советника Федора Правикова. Часть 3. Отделение 1. Владимир, 1800; Отделение 2. Владимир, 1802.

коны, не вошедшие в первые три части, и новые законы, появившиеся после выхода в свет третьей части¹.

Четвертая часть «Памятника из законов» вышла в свет после смерти ее составителя. Труд отца продолжил его сын Александр Федорович Правиков (1772–1820). В 1807 году он издал его пятую часть, в 1814-м — шестую, с 1816-го по 1820 год — седьмую, восьмую, девятую и десятую части².

¹ См.: Памятник из законов, с дополнением всех значущихся в прежних трех частях материй вновь состоявшимися узаконениями и другими нужными обстоятельствами, собранный трудами надворного советника Федора Правикова. Часть 4. Москва, 1804.

² После смерти А. Ф. Правикова издание «Памятника из законов» продолжил книгопродавец Матвей Петрович Глазунов (1757–1830), успевший выпустить семь книг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разрозненное состояние российского законодательства препятствовало развитию отечественной научной юриспруденции, поскольку теоретическая обработка такого законодательства была чрезвычайно затруднена: из него почти невозможно было извлечь какие-либо общие принципы и правила.

С другой стороны, недостаточная развитость отечественной юридической науки не позволяла правоведам привести хаотичное законодательство в порядок, осуществить кодификацию действовавшего в России права. «Кодификация может иметь место только тогда, когда наука стоит на всей высоте своего призыва. При этом кодекс не должен задаваться стремлением предусматривать все возможные сочетания, которые могут раскрыть случайности жизни. Полнота законодательства условливается иным, именно определением руководящих принципов, из которых необходимые выводы в виду юридической практики, легко и свободно создает юриспруденция. Иначе кодекс будет только кажущимся образом господствовать над практикой, уступая на деле или разобщенной с своим живым источником юриспруденции или шатким требованиям естественного чувства справедливости, или наконец, аналогичным построениям»¹.

Некоторые русские правоведы пытались восполнить отсутствие научных принципов систематизации законодательства, соответствующих особенностям правовой культуры России, по-

¹ Дювернуа Н. Л. Значение римского права для русских юристов. Ярославль, 1872. С. 11.

Заключение

средством заимствования соответствующих идей из работ иностранных правоведов.

Подобный способ решения проблемы систематизации правового материала избрал Александр Николаевич Радищев (1749–1802)¹. В трактате под названием «Опыт о законодавстве»² он предпринял попытку изложить русское право в порядке, который использовал в своем труде «Commentaries on the Laws of England (Комментарии к законам Англии)» правовед Уильям Блэкстоун (*William Blackstone*, 1723–1780). Об этом Радищев открыто заявлял в своем трактате: «Не тщася здесь последовать за Юстинианом, ни намеряяся сравниться с Блэкстоном, желаем мы извлечь по разумению нашему смысл до селе изданных в России законов, расположи их естественным порядком, коему Блэкстон последовал»³. Данный порядок русский мыслитель описывал следующими словами: «Все законы относятся к тому, что право, или что делать позволяет, и к тому, что не право, или что делать запрещается. Право, или должное, относяся к человеку, называться может правом личным, относяся к вещи, называется правом вещественным. Неправо, или оскорбление права единственного, есть обида гражданская, оскорбление права общего есть злодеяние»⁴.

«Комментарии к законам Англии» У. Блэкстоуна состояли из четырех книг: 1) «Of the rights of persons (О правах лиц)», 2) «Of the rights of things (О вещных правах)», 3) «Of private wrongs (О частных правонарушениях)», 4) «Of public wrongs (О публичных правонарушениях)». Соответственно и А. Н. Радищев выстраивал порядок изложения материала русского права в своем трактате по четырем основным книгам. «Итак, — отмечал он, — законы определяют: 1-е. Права личные и как они приобретаются и теряются. 2-е. Права вещественные и как они приобретаются и теря-

¹ См. краткую биографию А. Н. Радищева и общую характеристику его политических и правовых взглядов в книге: Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли. М., 2003. С. 248–254.

² А. Н. Радищев работал над этим произведением в 1782–1790 гг. Закончить его ученыму помешала ссылка в Сибирь.

³ Радищев А. Н. Опыт о законодавстве // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений в трех томах. М.–Л., 1952. Т. 3. С. 8.

⁴ Там же.

Заключение

ются. 3-е. Обиды гражданския или преступления частныя и средства законныя на их исправление. 4-е. Преступления общия или злодеяния и законныя средства, как их предварять или наказывать¹. Книгу первую в своем наброске всеобъемлющего трактата по русскому праву Радищев назвал поэтому «О праве лиц», книгу вторую — «О праве вещественном или о собственности», книгу третью — «Об обидах, оскорблениях частных». О книге четвертой он ничего не успел написать, но можно не сомневаться: он дал бы ей название «Об обидах, оскорблениях публичных (или общественных)».

Слепое подражание иностранным образцам, которое показывали А. Н. Радищев и другие русские правоведы в своих стремлениях систематически изложить русское право, ярче всего свидетельствовало о том, что русская научная юриспруденция находилась в конце XVIII века еще в стадии формирования. Но с другой стороны, неудачные попытки приспособить иностранные идеи к русскому праву все более убеждали русских правоведов в необходимости искать собственные, оригинальные принципы систематизации правового материала и разрабатывать собственный понятийный аппарат — такой, который бы в полной мере соответствовал коренным особенностям, традиционным основам отечественной правовой культуры.

¹ Радищев А. Н. Опыт о законодавстве. С. 8–9.

Томсинов Владимир Алексеевич

**Юридическое образование
и юриспруденция в России в XVIII столетии**

Учебное пособие

Издание второе, дополненное

ИКД «Зерцало-М»

Подписано в печать 20.12.2011.

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 14,5.

Тираж 500 экз.

Заказ № 1428

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «ЕВСТИ»